

Дико остроумная, парадоксальная и пронзительная история

ВИНКИ

КЛИФФОРД ЧЕЙЗ

Имя: Винки

Пол: мужской

Возраст: 81 год

Место жительства:
США, Нью-Йорк

Род преступления:

- терроризм
- государственная измена
- заговор против правительства США
- материальная поддержка зарубежных террористических организаций
- хранение компонентов взрывных устройств
- 124 случая попытки убийства
- выдавание себя за женщину
- мошенничество
- сопротивление аресту
- распространение заведомо ложной информации
- богохульство
- колдовство
- проведение оккультных ритуалов
- непристойные действия по отношению к лондонской молодежи

Досье:

Куплен в универсальном магазине Чикаго в середине 1920-х. Передавался по наследству пяти поколениям семьи Чейзов. Усыпив бдительность хозяев, сбежал из дома. Работал под прикрытием в качестве главы террористической группировки. Долгое время скрывался в лесу, выдавая себя за настоящего медведя. Благодаря блистательно спланированному захвату с применением ультрасовременного оружия арестован.

ISBN 978-5-486-01025-5

9 785486 010255

F S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT
D 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00

F S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT
D 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00

F S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT
D 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00

F S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT
D 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00

F S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT
D 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00

КЛИФФОРД ЧЕЙЗ

ВИНКИ

МИР
КНИГИ
МОСКВА
2007

ББК 84(7 Сое.)
Ч36

Clifford Chase
WINKIE

Настоящее издание публикуется с согласия Grove Atlantic,
Inc и литературного агентства «Синописис».

This edition published by arrangement with Grove Atlantic,
Inc and Synopsis Literary Agency.

Дизайн обложки — Gretchen Mergenthaler

Иллюстрации на обложке: комната для допроса — George Logan/Getty Images,
медведь — Paul D'Innocenzo

Использование текста, а также его фрагментов,
без разрешения правообладателя запрещается
и преследуется по закону.

Чейз, Клиффорд
Ч36 Винки / Пер. с англ. Е.В. Недоводеевой. — М.: ООО
«ТД «Издательство Мир книги», 2007. — 240 с.

«Винки» — сенсация современной литературы. Дебютный роман Клиффорда Чейза — апофеоз трагического абсурда, доведенный до комического гротеска. Станный и забавный, приключенческий и интеллектуальный, смешной и трагический роман. Вы не сможете не рассмеяться, читая эту тонкую сатиру на современное общество. Но задача книги — не рассмешить, а показать, насколько опасно всеобщее помешательство и страх, охвативший Америку. Сам же «Винки» — аллегория гуманности и вечных ценностей.

ББК 84(7 Сое.)

ISBN 978-5-486-01025-5

Winkie © Clifford Chase, 2006
© Недоводеева Е.В., перевод, 2006
© ООО «ТД «Издательство
Мир книги», издание
на русском языке, 2007

Посвящается Джону

Часть 1

Книг, прочитанных нами в детстве, больше не существует; они, словно корабли, покинули наш причал, оставив после себя лишь ускользающие воспоминания. Если вы до сих пор вспоминаете то далекое время детства, напишите эти книги заново, напишите так, как вы эти книги тогда прочувствовали.

Бруно Шульц

— Ваше имя, пожалуйста.

— Клиффорд Чейз.

— И в каких же отношениях вы состоите с обвиняемым?

— Он был моей игрушкой, это мой плюшевый мишка.

— Сколько лет вы знакомы?

— Вообще-то, мы знакомы с момента моего рождения. Ведь сначала он принадлежал моей матери, а затем по наследству перешел к детям. Я самый младший из пяти детей в нашей семье, и поэтому мне он достался уже совсем потрепанным.

— И каковы ваши первые впечатления о нем?

— Я помню, хотя, может, это мое воображение подсказывает мне, будто я помню, я действительно не уверен... Помню, как, лежа в колыбели, обнимал его.

— И когда же именно это было, мистер Чейз?

— В детской кроватке я спал почти до пяти лет, таким образом, эти воспоминания, я думаю, можно отнести к 1963 году. Я смутно помню, как мои ручки нащупывали его — такого маленького и пухлого. Я помню, как спокойно мне становилось от того, что он еще меньше меня.

— У вас тогда не возникало мыслей, что он не совсем обычная игрушка?

— Нет. Хотя он всегда казался мне живым.

— Почему?

— Я думаю, все игрушки представляются детям живыми. Но было еще кое-что... Наверное, все дело в его глазах, которые открывались и закрывались. Веки опускались, если его клали куда-нибудь, и открывались, когда его сажали.

— Почему дело именно в глазах?

— Потому что мне казалось, что он на меня смотрит.

— Протестую, — говорит прокурор.

— Несущественно. Протест принят, — отвечает судья. — Свидетель, пожалуйста, придерживайтесь фактов, а не чувств.

— Да, сэр.

— Итак, мистер Чейз... Вы упомянули, что медвежонок сначала принадлежал вашей матери.

— Да. Она получила его в подарок на Рождество, когда ей было лет девять-десять. Мама назвала его Мари.

— Мари?

— Тогда он был девочкой.

По залу пробежал шепот.

— Тишина, — повышает голос судья. Однако шум усиливается. — Тишина!

Раздается удар молоточка, и наступает тишина.

— Когда и где ваша мать получила медвежонка?

— Надо думать, это был 1924 или 1925 год, Чикаго. Она вспоминала, как родители купили его — или ее — в универсаме «Маршалл Филд».

— Таким образом, весь этот период, с 1924, года по известный момент в недавнем прошлом, обвиняемый находился под опекой членов вашей семьи, насколько вы помните?

— Да... О! Однажды его забыли в мотеле и за ним пришлось вернуться. Мой братик все время плакал. Это случилось до моего рождения.

— Ваша честь, — вмешивается прокурор, — ведь это так называемые свидетельские показания... — Он вскидывает руки так, будто положение безвыходное.

— Протест принят, — последовал ответ судьи. — Защита, нам необходимы подробности по существу.

— Конечно, конечно, ваша честь... Мистер Чейз, что дает вам такую уверенность в том, что обвиняемый — та самая игрушка из вашего детства?

— Я узнал его сразу же. Я имею в виду, когда увидел в новостях.

— Но разве все плюшевые медведи не одинаковы?

— О нет, очевидно же, что Винки особенный. Я больше никогда не видел медвежонка с такими глазами. Уши у него заметно больше, чем у других медведей. Да и потрепан он сильно. Его столько раз штопали, что его мордочку теперь ни с чьей не спутаешь. Я так много раз смотрел на Винки мальчишкой, неудивительно, что я тут же узнал его на фото. И потом я мысленно связал эту историю с его исчезновением из дома моих родителей, случившимся около двух лет назад.

— И никто не заявил в полицию об этом исчезновении?

— Странно было бы, если о пропаже плюшевого мишки все-таки заявили в полицию. Безусловно, сейчас бы я сделал это.

Дружный смех раздался в зале.

— Мистер Чейз, что в этом медвежонке вам запомнилось более всего?

— Я был странным, одиноким мальчиком, и мне казалось, что Винки это понимает. Потому что он сам выглядел одиноким и странным.

Прокурор многозначительно покачал головой, однако протеста не последовало.

— То есть вы вспоминаете о нем исключительно с любовью и благодарностью?

— Да.

— Возможно, вы все-таки вспомните нечто, указывающее на то, что подзащитный способен совершить тяжкие преступления, в которых он обвиняется?

— Нет. Он был странным медвежонком, но при этом, на мой взгляд, совсем неплохим, и я до сих пор в этом уверен. Что бы о нем ни говорили, я не откажусь от своих слов.

— Благодарю. Вопросы исчерпаны.

Винки в плену

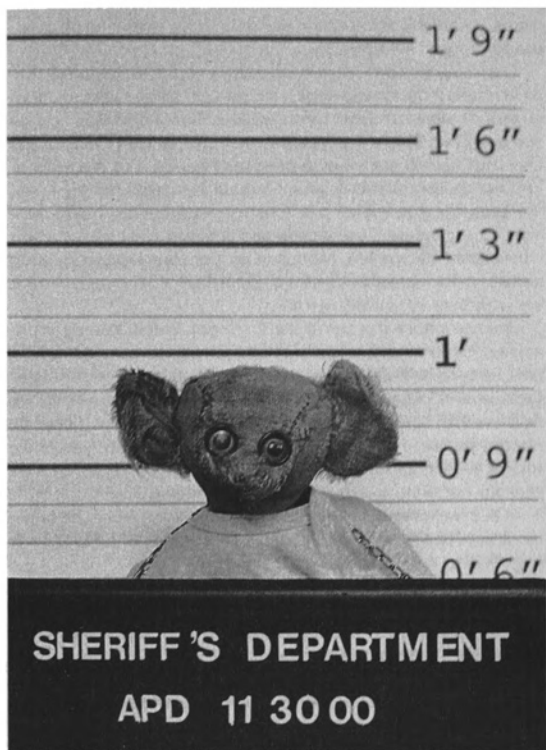
1.

Несколько месяцев назад в лесу множество человеческих фигур в шлемах незаметно подкрадывались к одинокой хижине, залитой лунным светом: команды, отданные жестами; перемещения от дерева к дереву, пригнувшись к земле; кивки, передаваемые от одного к другому, и опять тишина. Близился рассвет. Появились бледные пятна тумана и тут же рассеялись. С веток закапала утренняя роса. В ожидании люди пытались согреть дыханием свои застывшие от холода пальцы.

А в лачужке, на старом матрасе, таком же истрепанном, как и он сам, без сна лежал медвежонок. Но не люди разбудили его. Он даже и не подозревал о том, что его жилище уже окружили. Его мучила печаль.

Прошрое, прошрое. Винки думал о том, как оно к нему возвратилось? Как смогло оно перенести его в другое место, даже не притронувшись к нему? И что означало «помнить» и «чувствовать»? К чему опять все эти переживания?

Здесь, в лесу, судьба подарила ему собственного ребенка, который стал для него радостью. Но не прошло и года, как ее вдруг не стало. С тех пор он неделями сидел один в хижине или просто бродил по лесу в полном одиночестве. Винки все

*Он был странным медвежонком,
но при этом, на мой взгляд, совсем неплохим*

пытался постичь эту несложную, но в то же время не поддающуюся пониманию загадку.

Однажды поздней ночью он заснул перед включенным телевизором и буквально через несколько минут, казалось, проснулся от мелькающего света экрана. Винки понимал, что он все еще спит. Затем, в этом страшном сне, он вдруг увидел, что свет этот идет вовсе не от экрана телевизора, а от его малышки. Она словно плавала в нем. Малышка молчала, но он понял, что видит ее последний раз. Она излучала собой что-то, возможно, утешение. Они застенчиво вглядывались друг в друга, наслаждаясь встречей. Мерцающая бесконечность. И затем малышка промолвила: «Думай о прошлом» — и исчезла так же, как исчезают из головы мысли.

Это случилось три дня назад. С тех пор Винки заново переживает свою жизнь, вновь и вновь пытаясь добыть из памяти хоть что-то обнадеживающее. Безусловно, воспоминания были весьма обрывочные: дети, которых он любил и которые любили его; затем — безрадостные годы на полке, когда он никому не был нужен; и, наконец, — неожиданное чудо, о котором он всегда мечтал, но природу которого ему так и не удалось постичь, — дар движения, дар жизни...

И все же изменил ли побег его жизнь к лучшему? Ведь даже здесь, вдали от рода человеческого, он так ничего и не приобрел, скорее, потерял все, что имел.

«Потерял, потерял, потерял», — шептал плюшевый медведь. За грязным окном горизонт только-только начал озаряться рассветом. Животные — настоящие животные — уже стали пошевеливаться в своих домиках из хвороста и листвы. Винки закрыл свои стеклянные глаза, и в этой унылой тишине, еще не превратившейся в утро, он предался самым ранним воспоминаниям. Он еще никогда не чувствовал себя настолько маленьким, каким был сейчас, хотя это было то же самое тело — и ребенком он был таких же размеров. В те времена его еще даже не звали Винки, на нем были белая блузка и черное бархатное платье, и принадлежал он девочке по имени Рут. Ему до сих пор слышится, как она обращается к нему: «Я люблю тебя, Мари...»

Ему мерещились ритмичные удары; то тут, то там мелькали вспышки света. Медвежонок положил лапы под голову, но шум все усиливался. Должно быть, воспоминания действуют на его психику не лучшим образом. Шум превратился в невыносимый рев, бело-голубой свет стал ослепляющим. Неужели он умирает?

И вдруг он осознал, что этот кошмар происходит снаружи. Прикрывая глаза одной лапой, шурясь, медведь выглянул в окно и увидел крупный металлический предмет зеленоватого цвета, жужжащий над самой хижинкой.

Замерший в воздухе вертолет, казалось, был подвешен во времени. Но во вспышках света было видно, как он двигался вперед-назад, будто испытывая нетерпеливость, при этом деревья вокруг с силой раскачивались.

Свет прожектора попал точно на мордочку медвежонка. Затем Винки заметил множество фонарей, направленных на него со всех сторон леса.

— Вы полностью окружены, — раздалось из парящего вертолета. Этот низкий, металлический голос был еще более пронзительным, чем рев мотора. — Выходите с поднятыми руками!

С поднятыми лапами Винки встал на пороге, шурясь от яркого света прожектора и задыхаясь от ветра, поднятого вертолетом. Он подумал: «Вот что, должно быть, делают со сбежавшими игрушками». Теперь он заметил вращающиеся красно-синие огни и силуэты, мелькающие между машин. У людей были фонарики и оружие, и они пронзительно кричали. В шуме гудящего вертолета он не мог разобрать, о чем говорили люди, однако вид у них был удивленный. Они направляли свое оружие и фонари то в одну, то в другую сторону. Даже вертолет вдруг стал с силой раскачиваться. Винки смотрел на это зрелище с неким сочувствием — вертолету не хватало места для посадки.

— Не двигаться! — проговорил вертолет, но Винки даже и не думал шевелиться. В этом голосе слышалось такое волнение, что медведю вдруг захотелось как-то успокоить несчастный вертолет.

— Какого черта? Нет, не надо...

Раздался выстрел. Пуля просвистела прямо над правым ухом медвежонка. Он вздрогнул, но с места не сдвинулся. Винки не понял, откуда стреляли. Он устал держать свои мягкие лапы над головой.

— Ребята! — завопил вертолет, голос которого был определенно мужским. Его нотки выдавали неприязнь ко всему происходящему. — Не стреляйте! Не стреляйте! Прекратите!

Крики утихли. Силуэты у деревьев застыли. Лишь слышалось жужжание вертолета. В свете прожекторов порхали мотыльки. Винки задрожал от охватившего его ужаса.

— Так... Хорошо, — гудела парящая машина. — В дом!

Медведь увидел приближающихся к нему людей в шлемах. Люди держали оружие на изготовку и целились в него. Хотя он и не ожидал такого нападения, воспринял он его как продолжение страданий, выпавших на его долю. Медленно-медленно люди выползали из кустов. Казалось, они так никогда и не доползут до хижины. И хотя медведь стоял неподвижно, испытывая не только шок, но и скуку, на него продолжали кричать:

— Стой, где стоишь!

— Не двигаться! Не смей и шевельнуться, сволочь!

Винки уже находился в предобморочном состоянии. После всего, что ему пришлось пережить, не все ли равно, что с ним теперь сделают? Его ноги тряслись так сильно, что, казалось, готовы были убежать прочь. Люди все приближались. Один из них постоянно повторял:

— Я тебя застрелю! Я выстрелю, клянусь, думаешь, я этого не сделаю? — Человек почти всхлипывал. — Ничтожество, я ведь это сделаю!

Винки подумал: «Этого определенно нужно обнять?»

Он увидел крошечную вспышку света. От последовавших за ней тридцати девяти выстрелов он упал.

Медведю виделись неясные очертания мироздания, он был в полусознательном состоянии. В тот долгий момент

падения перед его глазами возникла жизнь до девочки Рут. Почему-то именно теперь оказалось, что он помнит себя еще на игрушечной фабрике, когда его положили в коробку, он помнит свежий аромат сосны... Крышка коробки опускается, и затем темнота... Идет время. Люди кричат, толкают коробку, слышится пыхтение машины, свист, удары, тряска, потом опять удары... Его толкают, слышатся окрики людей. Вот они замолкают. И вдруг крышку коробки поднимают, и над медведем возникает потолок универмага, богато отделанный и сверкающий рождественскими украшениями.

— Он здесь!

— Черт!

Звук шагов...

— Давай, давай!

Слышится треск. Голоса приближаются...

День за днем его широко раскрытые глаза ласково смотрели на розовощеких детей из стеклянного футляра, в который его поместили. Дети стали для него лучами света, оставившими бледные следы в его пустом сердце, сделанном из опилок, они стали пищей для его души.

Быть красивым предметом. Быть подарком на Рождество. Быть выставленным напоказ, что потом должно стать главой одной важной истории.

— Черт побери!

— Он не был ни жив, ни мертв, придурок...

В одном голосе чувствовалось сожаление, в другом — злость. Со скрипом глаза Винки наполовину открылись, и он увидел толпу в голубой униформе, розовые и смуглые лица едва повзрослевших детей. Его глаза опять закрылись.

— Выглядит как-то странно.

— Он мертв?

Винки проткнули острием штыка. Он опять потерял сознание.

... Да, а до этого на фабрике, когда его набивали и зашивали... эти маленькие усталые глаза: швея остановилась на минуту, чтобы полюбоваться своим творением. Она положила его

на стол, и его глаза закрылись, наступила темнота. Она подняла его, и глаза открылись — светло.

Ему хотелось и темноты, и света, он находил забавной разницу между ними. Это и были зачатки его знаний, первые ощущения некой тайны. И первое желание.

— *Бух-бух-бух!* — *гремел вертолет.*

— *Позови шефа.*

— *Сам позови, тупица.*

Винки не обращал на это никакого внимания. Его мышление стало таким упорядоченным, что это даже доставляло ему удовольствие. Ему захотелось проследить нить воспоминаний еще дальше, но тут он запутался в прямом смысле в нитях, набивке, во всем том, из чего был сделан. И во всей этой неразберихе мысли его стали похожи на лоскутки. Казалось, что из этих лоскутков появилось нечто — дух. Нормально ли это? Не волшебство ли это? Теперь ему казалось вполне естественным и неизбежным то, что откуда ни возьмись у него появилась сила воли. Какова бы ни была этому причина, означало это одно: у него почти появилась душа.

— *Эй! Эй, проснись!*

В него опять ткнули ружьем. Он мысленно приказал человеку прекратить это. Ему хотелось думать дальше.

— *Эй, кто ты там...*

Нервный смех.

Из чего состоит душа? Винки решил, что лишь Бог знает об этом да сама душа, которая желает сотворить саму же себя.

— *Он настоящий?*

— *...с моторчиком... может, работает от пульта дистанционного управления...*

— *Хм...*

Это разозлило раненого медвежонка. Усилием воли он открыл глаза и моргнул два раза: щелк-щелк, щелк-щелк, и тем самым доказал, что был живым и вполне настоящим. Столпившиеся, как один, тоже моргнули. А над ними кружился вертолет; пересекаясь, лучи прожектора блуждали в воздухе, будто плели судьбу Винки.

2.

Из вертолета сквозь полевой бинокль в происходящее на земле вглядывался главный следователь, к этому моменту уже изрядно подуставший. После того первого выстрела он не смог ничего разглядеть. В некотором смысле он и не хотел ничего видеть. Момент задержания преступника всегда вызывал у него грусть. И он никогда не понимал причину этого. Он потерял глаза и снова посмотрел в бинокль. Ему удалось разглядеть лишь каски своих ребят и то, что среди них лежит в грязи... Какой-то карлик?! Да, причем с огромными ушами. Значит, он не ошибался. Но его люди — почему они там просто стоят? Сначала они стреляли вопреки приказу, а теперь...

Вертолет качало из стороны в сторону, и ему удавалось увидеть лишь деревья.

— Держи ровнее, — выкрикнул он.

Вот уже семнадцать лет главный следователь выслеживал сумасшедшего террориста. Наконец-то он напал на след, приведший к этой хижине. Они были уверены. И вот он взят. Описания преступника были весьма скудны и противоречивы. Однако чего он не ожидал, так это сумасшедшего размером с грудного ребенка. Он поразмыслил и решил, что преступник, вероятно, мастер перевоплощения: носил маску, разгуливал на ходулях или на чем-нибудь еще, чтобы казаться выше; может, он прошел специальную подготовку на Ближнем или Дальнем Востоке, в Африке — не важно, там, откуда берутся террористы. Но как только детектив взглянул на лицо этого малыша из окна кабины, его переполнило необычное чувство... Чувство чего? Сострадания, непреодолимого сострадания. Словно он знал историю преступника от начала до конца. Будто он сам был этим волосатым ушастым карликом, пристально вглядывающимся в свет, пойманным и при этом удивляющимся, запуганным, но еще не потерявшим надежду...

— Приземляемся! — отдал он команду.

Вертолет повернулся, и верхушки деревьев успокаивающе закачались. «Этого типа я преследовал слишком долго», — подумал детектив.

— Уже достал меня, — проворчал он.

Как правило, такие ремарки успокаивали его, но сейчас на его глаза наворачивались слезы. Может, ребята использовали слезоточивый газ? В этот момент вертолет сел на небольшую опушку. Он спрыгнул. Еще никогда он не благодарил небеса за то, что наконец ощущает под ногами твердую землю.

Его мгновенно окружили журналисты. Они требовали разрешения приблизиться к хижине.

— Без комментариев, — сказал он с важным видом и тут же увидел, как к нему бежит один из офицеров и машет каской.

— Шеф, шеф! — Молодой офицер практически наскочил на него.

— Спокойно, — ответил следователь строго, но офицер не обратил на эти слова никакого внимания. Последний тяжело дышал и нес вздор про «говорящего медведя». Следователь взволнованно обвел взглядом журналистов, которые тем временем снимали происходящее на видео, фотографировали, что-то писали в блокнотах. Прогнать их сейчас означало бы все испортить.

— И тут это маленькое живое существо моргнуло, — рассказывал молодой офицер. Ему следовало бы перевести дыхание, но он продолжал тараторить, и я подумал: «Какого черта?» Жужжали камеры. Взгляд следователя задержался на лысой макушке юноши, бритой и уже потемневшей. — ...Сначала нам показалось, что он мертв...

«Теперь все бреют головы, — думал детектив, — чтобы казаться «крутыми». Но в переломный момент они сами ломаются. Они несут полную чепуху».

— Вот я и говорю, что случайно выстрелил, когда услышал, как заскрежетал этот тонкий голосок... Смотрю, а это медведь... И тут он говорит... Я даже не знаю... Он говорит, что прощает меня...

На самом же деле Винки не простил его. Медвежонок скорее сказал: «Хорошо, хорошо» — и то для того, чтобы человек успокоился. Очевидно, слова все-таки сработали,

поскольку офицер убежал прочь. Туловище Винки было повреждено. Он догадался, что это были пулевые ранения. Он не мог понять: или он был не в состоянии двигаться, или ему просто не хотелось. Он не знал, то ли испытывает жуткую боль, то он ли жутко раздражен.

Похоже, офицеры были в полной растерянности. Чего они только не делали. Один сказал:

— Больше не корчишь из себя великого террориста, ты, урод?

Винки совершенно не понимал, о чем идет речь. Другие призывали смельчака «закрыть рот». У людей вопили рации.

— Шеф идет, — заметил кто-то. Эта фраза прозвучала наполовину предупреждением, наполовину утешением.

Послышались тяжелые шаги, шепот команды. Толпа раздвинулась, и следователь прошагал к месту. Он застыл на мгновение, глядя на Винки. Следователь был красивым человеком с большой квадратной седой головой, которая сразу понравилась Винки. Следователь резко повернулся к своим подчиненным:

— Ну и чем вы тут занимаетесь? Просто стоите? — Это был голос из вертолета. Звучал он, как и прежде, поразительно властно, будто с высоты.

По дороге к хижине следователю опять пришлось «взять» себя в руки. Он отчетливо произнес очередные слова:

— Этот подозреваемый ничем не отличается от любого другого преступника.

Толпа полицейских вдруг начала разговаривать и вести себя с полной уверенностью, будто кто-то специально нажал для этого на кнопку. Каждый знал свою обязанность. «У вас есть право хранить молчание», — начал один. Другой грубо взял обе лапы Винки и надел на них наручники, совершенно не обратив внимания на то, что серебристые кольца наручников были задержанному велики. Винки решил не показывать виду и держал лапы вместе. Несколько человек двинулись к хижине, с криками и с оружием наизготовку. После того как шарканье ног прекратилось и крики утихли, голос сообщил:

«Здесь все чисто». Винки закатил глаза. Другой голос проговорил с немалой долей профессионализма: «Не прикасайтесь ни к чему». А в это время другие полицейские подходили все ближе к хижине, направляя на нее свои фонари, и от этого стало светло как днем. Приехали и другие люди, в костюмах и с огромными портфелями. «Мы заходим», — сказали они. Надев белые перчатки и синие бумажные бахилы, они вошли в лачугу. Никто теперь уже и не смотрел на медведя. Вскоре в лес прибыла «скорая помощь», и к месту задержания подбежали два человека внушительных размеров с носилками. «Пулевое ранение, — сказал один из тех, что охранял Винки. — Мы думаем, в брюхо». По этому профессионально спокойному поведению работники «скорой помощи» также осознали свои роли во всем действе.

— Пульс — нулевой, — сказал один из них, выпуская из рук матерчатую лапу.

— Кровяное давление — ноль на ноль, — сказал другой, когда раздувшаяся черная манжета тонометра со свистом выпустила воздух.

Первый посветил маленьким фонариком сначала в один, потом в другой стеклянный глаз Винки, каждый из которых в свою очередь щелкнул.

— Зрачки расширены, но на свет реагируют. Как тебя зовут?

— Винки, — невольно вымолвил медведь. Он чуть не добавил «Мари», но в этом случае пришлось бы долго объяснять происхождение такого странного имени.

— Пол? — спросил второй медбрат.

Этот феномен тоже не поддавался объяснению. Винки промолчал.

— Пол? — переспросил человек раздраженно.

Первый грубо убрал лапы в наручниках с того места, где у медведя сходились ноги: на потертом меху виднелся ровный шов.

— Женский, — последовал окончательный и бесповоротный ответ.

Если бы Винки был способен краснеть, он непременно бы покраснел с головы до ног.

— Подпишите здесь, — проговорил второй, передавая Винки ручку и бумагу. Медведь нацарапал заглавную букву «В».

— Нет, вот здесь. — Сотрудник указал пальцем место для подписи.

Винки написал еще одну «В».

На «раз, два, три» люди подняли его с земли и опустили на носилки, туго привязав ремнями. «Хорошо». Теперь носилки подняли и понесли по заросшей тропинке. Спереди и сзади быстрым шагом шли полицейские. Винки даже понравилось такое движение рывками, но оно вскоре прекратилось. Когда носилки помещали в машину «скорой помощи», медведь повернул голову и увидел, как огромный желтый грузоподъемник подъезжал к хижине с противоположной стороны. Понеслись скрип металла, и бедную лачугу подняли прямо с земли. Люди в бахилах стали выпрыгивать из домика один за другим.

• • •

В большой больнице серого цвета люди лишь делали вид, будто лечат Винки. Они совещались по поводу результатов рентгена, показавшего лишь его металлические составляющие — глазницы, шарниры, пружину. Они обменивались длинными замысловатыми фразами. Медсестры притворялись, что забирают у пациента кровь на анализ, на самом же деле они забирали воздух. Людям в белых халатах было приятно вспомнить годы учебы, когда они могли упражняться лишь на манекенах и трупах, не рискуя ничьей жизнью. Медведя катали по больнице на коляске, подсоединяли к различным трубочкам и аппаратам. По крайней мере один раз в день, после очередного доклада о том, что пульс и дыхание отсутствуют, они привозили его в отделение реанимации.

— Пульса нет! — кричали они, и Винки чувствовал сильный толчок от электрического разряда.

— Реакции нет. Давай еще!

Разряды тока были очень сильными, но медвежонок молчал. Когда врачи и медсестры теряли уже всякую надежду на спасение пациента и собирались констатировать смерть, Винки начал тихонько напевать: «Пип... пип... пип».

Его подражание кардиомонитору было далеко не блестящим, но это было не так уж и важно. Один за другим медики воодушевленно поднимали головы. Этот момент игры нравился Винки больше всего.

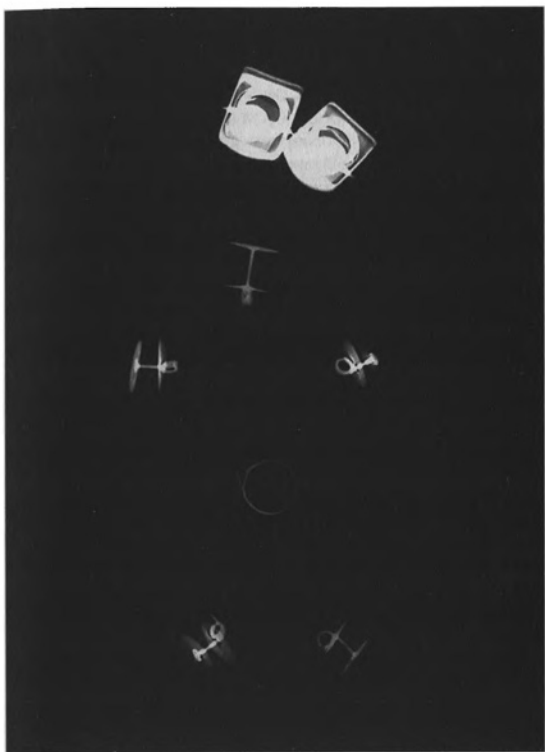
— Вы опять сделали это, доктор! — говорила какая-нибудь хорошенькая медсестра.

— Спасать жизни — моя работа, — отвечал красавец врач.

Две дыры от пуль в теле пациента нашла уборщица по имени Франсуаз: одна дыра была спереди, другая — на спине. Ей пришла в голову неглупая мысль просто взять и зашить их иглой с нитью, которую она нашла в кладовке. Это случилось на второй или третий день пребывания Винки в клинике, в тот момент, когда охранники-полицейские спали. Франсуаз решила зайти на цыпочках в палату, когда услышала стон. У нее было смутное гладкое лицо, как у Винки; волосы были собраны заколкой и по цвету напоминали его мех; ярко покрашенные глаза были такого же светло-карего цвета, как и у него. Она разглядывала его спокойно, с нескрываемым любопытством. Впервые в жизни интуиция подсказала ему, что этому человеку можно доверять. Он приподнял детскую больничную сорочку и лапой, на которой свободно болтался наручник, указал туда, где ему было больно, — на левую сторону плюшевого живота: оттуда сыпались опилки. Женщина посмотрела на рану своими прекрасными карими глазами, чудно гармонировавшими со смутной кожей.

Когда Франсуаз зашивала рану, Винки было больно, но не сильно: лишь когда игла вонзалась в него — спасательница была чуткой швеей.

— Еще маленькой девочкой я обожала наводить порядок. Не знаю почему, — сказала она очень тихо, дабы не разбудить

*В рентгеновских лучах
видны его металлические части*

спящего офицера. Хотя у нее было французское имя, акцент указывал на иное происхождение. — Но в прошлом году новое начальство выкупило больницу за копейки. Теперь приходится работать за двоих... — Она засмеялась, словно заговорщик. — У меня будут большие проблемы за нарушение правил... Хорошо, медвежонок, теперь повернись ко мне спиной. — Счастливый, Винки повернулся к Франсуаз спиной, и женщина принялась за вторую рану. — Сюда я приехала из Египта в 1967 году. Все из-за того, что моя подруга Марианна бросила меня в день, когда мне исполнилось восемнадцать лет. Она сказала: «Франсуаз, то, что мы делаем, неправильно». В этот же день я решила: «Черт, я еду в Америку». — Она захихикала. — Я больше никогда не хотела видеть ее. И что же ты думаешь? Через два месяца Марианна приехала сюда тоже. С тех пор мы вместе. — Франсуаз затянула последний узелок. Нить была ярко-розовой, как и ее униформа. Тихо засмеявшись снова, будто напевая песню, она вымолвила: — Ведь ты не знаешь своей судьбы, медвежонок...

3.

В течение последующих дней Винки заметно поправился. Из него больше не сыпались опилки. Сидя на больничной койке, он смотрел телевизор. Когда прославленный врач, доктор медицинских наук, заметил на пациенте розовый шов, он просто сказал коллеге:

— Похоже, операция прошла успешно.

Винки не стал разубеждать их в том, что это не современная медицина вылечила его. Он начал есть, медперсонал баловал его разными деликатесами. В качестве благодарности Винки разрешал им брать у него пробы стула.

Полиции он ничего не позволял. После того как они сказали ему: «У вас есть право хранить молчание», — Винки больше не слушал их. Он ведь и до того ужасного момента ни с кем не разговаривал, кроме своего ребенка. Он и сейчас с удовольствием молчал. Само собой разумеется, что защищать себя он не собирался.

Каждый день к нему для допроса приходил детектив, задавал вопросы, касающиеся таких-то событий, произошедших в таких-то местах, тогда-то и тогда-то. Винки больше не любовался на большую седую голову детектива.

— Теперь, мисс Винки, если, конечно, это ваше настоящее имя, — начинал он обычно. Вопросы, следовавшие за этими словами, настолько сбивали допрашиваемого с толку, что ему понадобилось несколько дней для того, чтобы хоть как-то понять, в чем же его все-таки обвиняют. — Мы нашли старика, который неглубоко закопан в землю рядом с хижинкой. Там вы его и бросили, — гневно проговорил детектив. — Он узнал, чем вы занимаетесь, и попытался остановить вас, поэтому вы его убили, разве не так? РАЗВЕ НЕ ТАК?

Медведь вздрогнул, но не из-за этого ужасного обвинения, а из-за того, что вспомнил о человеке, похитившем его ребенка.

Винки хотелось кричать, но он лишь посмотрел в окно и мысленно вздохнул. Мысленно потому, что вздохни он по-настоящему, это бы лишь повлекло за собой очередные вопросы. На улице светило солнце. Он слышал дыхание детектива. Он начинал испытывать неприязнь к полиции как таковой, хотя понимал, что обобщать нельзя.

— Винки, Хинки, Слинки, Стинки — мне все равно, — сказал детектив. — Мисс или мистер Как-Вас-Там-Звать, не думайте, что ваши деяния сойдут вам с рук.

Винки особенно запомнилось последнее «имя» — «Стинки». «Мисс Стинки, — подумал он. — Мисс Стинки».

Детектив следил за взглядом медведя, который рассматривал пейзаж за решетчатым окном, но увидел в нем лишь голубое небо. Он пытался собраться с мыслями. Они проносились в его голове все более и более бешено. Винки — видит все. Хинки — хихикает над всеми. Слинки — слиняет ото всех. Стинки — стянет все, что плохо лежит.

— На кого ты работаешь? — кричал детектив.

Винки зевнул. Наверное, стоило сразу сказать полицейскому, что он солгал, что Стинки и есть его настоящее имя.

Каждую ночь главный следователь беспокойно ворочался в постели.

«Инопланетянин, — размышлял он. — Дьявол. Привидение. Антивещество. Урод, страшный результат невыразимого морального разложения. Существо, появившееся на свет по ошибке во время неудавшегося эксперимента какого-то сумасшедшего. Гибрид человека и животного. Экстремальное оружие. Уловка властей. Мутант, последствие химической катастрофы, глобального потепления, воздействия нервно-паралитического газа, радиации. Ненормальное дитя природы. Прогресс в эволюции, которого нам не понять. Динозавр, проснувшийся после сотен миллионов лет. Путешественник во времени. Из другой реальности, из другого измерения. Существо, ранее считавшееся мифом. Редкая энергетическая структура, сгусток фотонов. Послание из Вселенной. Он сказал, что прощает меня. Божья кара...»

Детектив посмотрел на цифры, высвечивающиеся на часах: 3:15 утра. «Дьявол», — побормотал он и положил подушку на голову. Зазвонил телефон, но он не услышал звонка.

«Может, это существо и невиновно. Может, оно последнее из рода. Может, это просто вероотступник. Может, это вожак стаи. Может, их целая раса, обитающая в Чернобыле...»

— Я видела статью о тебе, — прошептала Франсуаз, присаживаясь на край кровати Винки. Теперь она приходила почти каждую ночь, потому что полицейская охрана всегда засыпала ровно в три часа ночи. — Медвежонок, пишут, что ты создаешь бомбы! — Она едва сдерживала смех.

Винки не хотелось разговаривать даже с Франсуаз. Однако он частенько ей улыбался и даже позволял себе хихикать вместе с ней. Давненько он не смеялся!

— И пишут, что ты девочка?! — Франсуаз сделала чересчур удивленное лицо. — Я была уверена, что ты мальчик! Ты мне напоминаешь моего брата.

Винки многозначительно пожал плечами.

— А.. Хорошо, — сказала Франсуаз, сообразив. Она провела рукой по своей короткой стрижке. — Вот почему ты напоминаешь мне брата.

Франсуаз никогда прежде не говорила о своем брате, но Винки тут же примерно догадался, что она имела в виду. Когда она доставала газету, Винки наслаждался тем, что оказался в центре ее внимания.

Она откашлялась и принялась читать вслух содержание первой полосы газеты: «Как сообщает источник, имеющий отношение к расследованию, скорее всего, мисс Винки — глава одной из самых масштабных террористических группировок, когда-либо разоблаченных в этой стране». Далее в газете был опубликован список бомб, которые подозреваемый якобы разослал в различные учреждения за последние несколько лет. «Что касается чрезвычайно мелкого телосложения и необычной внешности, — писалось в статье, — то полиция связывает это с редким расстройством в организме, которое, возможно, распространено в некоторых районах Земли, например в Азии или на Ближнем Востоке. «И это не случайно, — прокомментировал главный следователь, — именно в этих точках процветает терроризм». Следователь отказался дать какие-либо объяснения природы этого расстройства».

Теперь Франсуаз и Винки хихикали так громко, что разбудили охрану. Позвали детектива. Франсуаз увезли в участок и допрашивали всю ночь. Из больницы Винки забрали в тюрьму.

Скрипка

1.

Тюрьмой была часть больницы, но белый автомобиль, в котором везли Винки, несясь по улицам и шоссе в течение нескольких часов. Агенты ФБР останавливались на заправочных станциях «Мобил» снова и снова, не скрывая, впрочем, что они катались по кругу, причем не такому уж и большому кругу. Винки предположил, будто делали они это лишь для того, чтобы доказать ему, что могут сделать с ним абсолютно все, даже просто катать на машине. Агенты, один из которых был мужчиной, другой — женщиной, первый — в сером деловом костюме, вторая — в синем, съедали по одному пакету чипсов на двоих после каждой остановки на станции, ничего не предлагая заключенному, прикованному к подлокотнику несколькими парами пластмассовых наручников. Время от времени автомобиль со скрипом останавливался у обочины шоссе, и, даже не думая расстегнуть наручники на заключенном, женщина-агент резко приоткрывала дверь и приказывала: «Выходи». Винки не сразу сообразил, что так ему предлагали облегчиться.

Пока он приподнимал свою больничную рубашку и, весь содрогаясь, присаживался за дверью на корточки, пока белые автомобили один за другим со свистом проносились мимо

в тусклых лучах солнечного света, ему вдруг вспомнился момент из прошлого, когда его первый ребенок, Рут, трясла его так долго, что у него стало пульсировать в глазах. Затем девочка приказывала медведю, которого уже тошнило, ложиться и повторять такие целительные выражения, как «у материи нет власти» или «уповай на вездесущность и любовь Божью».

Наручники щелкали в очередной раз, и Винки едва успевал залезть в машину полностью, когда дверь с грохотом захлопывалась. Его больничная рубашка застревала в дверях, что еще больше мешало ему двигаться. Он думал, что это поездка никогда не закончится. Ему хотелось пить. Уже в семнадцатый раз перед глазами проносились вся та же посадка из деревьев, и Винки спросил себя, почему в больнице он ни разу не вспомнил о Рут, ведь там его столько времени лечили понарошку и он даже снова стал девочкой, кем и был когда-то давно, для Рут. Думая о ней теперь, он ясно понял, что надо продолжать вспоминать ее.

«Поскольку у материи нет ни сознания, ни своего «Я», она не способна действовать», — припоминалось ему, как папа зачитывал вслух отрывки из книги «Наука и здоровье». Трое детей слушали, но Рут, самая младшая, внимала особенно сосредоточенно. На коленях у нее сидел плюшевый медведь, которого она назвала Мари. Был воскресный день. *«Признайте существование материи,* — продолжал отец, голос которого дрожал и звучал несколько в нос, *— и вы тем самым признаете, что нравственность основана на фактах».* Сквозняк теребил воротник блузки, которая была на Мари, и медвежонку было интересно знать, что означает «материя». И нравственность. Она была в полной уверенности, что сама являлась мертвой материей, хотя могла думать и чувствовать...

Наблюдая за движением проводов за окном машины, Винки осознал, что не может даже сосчитать количество лет, прошедших с того дня, когда он сидел на коленях у Рут. От боли он закрыл глаза. Однако внутри него как будто что-то приоткрылось — не где-нибудь, а здесь, в машине. Он был готов к новым воспоминаниям.

Мех Мари был густым и гладким, на нем не было ни шва; ее глаза открывались и закрывались легко, создавая ощущение только что смазанного механизма. Она почти ничего не знала.

Мари не была ни девочкой, ни мальчиком, поэтому слышать «она», «ее», «ей» было одновременно честью и оскорблением. Ведь еще хуже, чем называться «оно», — называться «она»; но то, кем являлась Мари, было на самом деле ни «оно», ни «она». Порой она ненавидела себя за то, что отзывалась на свое имя. Глубоко внутри находилась часть ее, которая не имела имени; другая ее половинка проживала свою яркую жизнь в чистоте ее блестящих стеклянных глаз, молчаливо, но так явно выдавая себя, страстно говоря: «Я твоя», что можно было подумать, будто она отдельное существо.

Вообще о Мари можно было говорить как о ком-то с большой натяжкой; бывало, она часами смотрела в одну точку, не думая ни о чем, даже когда пронзительно звонил телефон или старшая, Витрола, начинала противно ныть в прихожей. Мари была никем, пока в комнату не входила Рут и не начинала с ней разговаривать.

«Привет, Мари», — достаточно было произнести девочке, и глаза медвежонка начинали сиять радугой цветов; слух переполнялся звоном, схожим с тем, какой мы слышим, когда точат нож; улыбалось все ее тело, в то же время испытывая мучительную грусть, смешанную с сожалением, благодарностью и желание снова умереть.

— Ты ягодка, — порой говорила Рут и терлась своим носом о нос медвежонка. И на самом деле эти слова были похожи на сладкие фрукты, падающие и падающие с дерева прямо в рот Мари. И, если девочка ее крепко обнимала, Мари издавала писк, от которого никак не могла удержаться. Она издавала этот звук каждый раз, когда та ее обнимала.

Казалось, Мари получает жизненную энергию из серо-голубых глаз и длинных ресниц Рут. Порой Мари испытывала настолько сильную любовь к девочке, что у нее начинала кружиться голова и от волнения дрожали ресницы, когда Рут клала ее на кровать. Мир вокруг угасал, будто повсюду

отключали электричество. Девочка произносила слова за медвежонка. Из темноты слышалось: «Я люблю тебя, Рут», и точность этих слов, сказанных пусть даже не ею самой, была для нее словно удар в голову, накатывающий очередную разноцветную, сверкающую волну из света.

— Я тоже люблю тебя, — говорила затем Рут и нажимала на живот медвежонка, который в ответ пищал — снова и снова. Мари казалось, что она не в состоянии вместить в себя так много радости и боли, от этого она издавала еще один короткий писк.

— Отче наш и Матерь Божья, любящие меня, защитите меня во сне; покажите моим маленьким ножкам дорогу к себе, — молились Рут и ее сестра Хелен с закрытыми глазами, каждая в своей уютной кровати. Как только мама нажимала на черный выключатель и свет гас, Мари могла свободно сидеть в темноте рядом со своей любимой девочкой и наблюдать за тем, как разные огоньки беспорядочно кружатся в пляске или упорядоченно двигаются то в ряд, то мелькая точками. За окном стояла зимняя ночь, и в комнате становилось все холоднее.

Утром Мари чувствовала себя обессиленной и изнуренной, и, когда Рут вновь обнимала ее и произносила: «Я тебя люблю», медвежонок вздрагивал от собственного писка.

— Мари, Мари, Мари, — бывало, пела Рут, стараясь отвлечь саму же себя от утреннего озноба, поднимая медвежонка за лапы и кружа его.

И медвежонок говорил себе:

— Кто?

Среди таких загадок и развивалась Мари, как развиваются детеныши диких животных в лесу. Но тогда ей казалось, что с ней ничего не происходит, ведь никто не замечал изменений у нее внутри, а снаружи никогда ничего не менялось.

2.

— Хорошо тебе, — ответила Хелен, сестра Рут, когда та отказалась вытереть за нее пыль. Мари с изумлением наблюдала за тем, как эти волшебные слова изменили выражение лица

Рут с неповиновения на сожаление. Рут уступила, и Хелен убежала кататься на роликовых коньках.

Рут осторожно приподнимала предметы в гостиной и вытирала пыль рукой. Она не нашла тряпки для пыли, но побоялась спросить у мамы. Дом был наполнен тишиной. Была суббота, однако ее папа работал по субботам. Брат Джон был на занятии по музыке: он играл на кларнете. Мама сидела на кухне и читала «Науку и здоровье», тем самым пытаясь избавиться от головной боли. Иногда Рут закрывала глаза и дула в углы полок.

— Вот так, — шептала она удовлетворенно.

Мари раздражало, что Рут уступила сестре, но теперь она смотрела из-за пианино с довольным видом. Она наслаждалась, когда видела, что все делается неправильно. Это было ее маленьким несогласием с законами этого мира. Сначала Рут разочарованно вздохнула, не найдя тряпки для пыли, но вскоре увлеклась процессом, и комната, наполненная лучами солнца, погрузилась в дымку из летающих в воздухе пылинок.

Затем Мари увидела отца, застывшего, словно часовой, в дверном проходе, сделанном в виде арки. Понаблюдав за дочерью с минуту, он спросил своим саркастическим тоном:

— Рут, и чем же ты занимаешься?

Испугавшись, Рут спрятала свои испачканные пальцы за спину.

— Вытираю пыль, — последовал ответ.

Мари знала, какие вопросы последуют за этим, и так хотела бы суметь не просто запищать, а закричать, чтобы прекратить их. «Где тряпка?», «Почему ты выполняешь обязанности сестры?», «Где она сама?»...

— Это ты скинула карточку с подоконника? — спрашивал папа, и Рут виновато пожимала плечами. — Что, если развозчик льда приезжал сегодня раньше и не увидел карточки? Мать ведь безо льда останется.

Отец нагибался, чтобы поднять карточку, и снова аккуратно клал ее на подоконник. Мари хотелось, чтобы она упала еще раз. Рут начинала сопеть. Отец невозмутимо приказывал ей пойти найти сестру, но перед этим вымыть руки и... Мари

не желала слушать дальше. Девочка бежала наверх мыть руки, а медвежонок оставался наедине с папой, который был уверен, что в комнате совершенно один. Мари наблюдала за ним: он озабоченно и мрачно смотрел в окно прихожей.

Рут положила Мари в красную детскую коляску и принялась ее катать. Медвежонок перечитывал заголовок пожелтевшей газеты, которая болталась на перекладине коляски: «Суд «свалял дурака» и признал Скоупса виновным». Ей было интересно, что же наделал этот «дурак». Это был один из первых теплых дней в году, светило солнце. Рут уже не казалась такой подавленной, может, потому, что мама попросила ее сходить в магазин за нитками и это заставило ее чувствовать себя нужной снова. Хелен и ее подругу Элеанор нашли недалеко от 107-й стрит лениво катающимися на роликах по свежему гладкому асфальту. На Хелен было темно-синее платье-матроска с белым воротником в полоску, о котором Рут мечтала. Элеанор тоже была одета в темно-синее.

— Папа говорит, чтобы ты *сейчас же* возвращалась домой, — сказала Рут.

Мари знала, что Рут никогда не шла против папиных правил, но жить по ним ей было не так уж приятно.

— О! Чушь! — ответила Хелен.

Мари подумала, что это был очень даже неплохой ответ, но у Рут был потрясенный вид.

— Я так и скажу папе.

Хелен не обратила никакого внимания на слова сестры. С преувеличенным спокойствием она сказала:

— Пока, Элеанор, надо идти. — И поехала на роликах домой.

Чуть раньше Хелен намекнула Рут, что та может покататься с ней в этот день после уборки. Поэтому Рут сообщила Элеанор:

— Сегодня я не приду кататься. Мама попросила меня купить ниток для шитья. Мне нужно будет сходить за ними.

Элеанор лишь пожала плечами и принялась описывать круги на роликовых коньках.

Рут тянула коляску с небольшого холма в одиночестве. То здесь, то там ярко-желтым пятном вспыхивал цветущий куст, но большинство их все же походили на клубок спутанных веток. Мари было жаль Рут. Она понимала, что в качестве друга была у Рут на втором месте, поэтому чувствовала себя одинокой и никому не нужной. Она наблюдала за тем, как потрескавшийся тротуар спускал их все ниже по горке.

Рут сказала Мари:

— Однажды, когда я была маленькой, я бежала по этому пригорку, не зная, что нужно наклоняться назад, когда бежишь с горки, и нагнулась вперед. Бум! Я упала и ободрала обе коленки.

Мари тревожно посмотрела на крутой спуск.

— Вон там, у подножия пригорка, стояла полицейская машина. Я присела рядом с ней, потирая коленки, и думала, что уже не встану. Тогда полицейский высунул голову из окна машины и сказал: «Девочка, с тобой все в порядке? Могу подвезти тебя домой». «Нет, я в порядке!» — закричала я. Я вскочила на ноги и побежала в гору. Я представляю, что подумала бы мама, если бы увидела подъезжающую к дому полицейскую машину!

Мари заметила, что часто Рут притворяется, будто с ней все в порядке, когда на самом деле все не так. Это было похоже на игру, в которую она играла с окружающим миром, а правда и ложь менялись местами. Вообще Мари нравилось притворяться и играть, но эта игра вызывала в ней не самое приятное чувство, и, что еще хуже, ощущение это было не настоящим. Из-за этого ей казалось, что виновата во всем она. Ведь если ты можешь сделать правдой все, если даже просто хочешь этого, то ты во всем и виноват.

Вскоре они проехали мимо массивного здания с четырьмя тяжелыми колоннами, возвышающимися над рядом широких белых ступенек.

— Это Сайентологическая церковь Христа, — сказала Рут. — Ее основала Мэри Бейкер Эдди. Но тебе туда нельзя, Мари. Церковь не для игрушек. Она для молитв.

Мари хотелось узнать, почему же игрушкам не положено ходить в церковь. Она попыталась представить, что могло происходить за ее стенами. «*Отче наш, Матерь Божья, любящие меня...*» В церкви тоже так молились? Этот клубок слов в начале — Отче наш, Матерь Божья — всегда запутывали Мари. Так кому же молилась Рут — папе, маме, Богу или всем трем?

Магазин находился прямо за углом. Толстый веселый хозяин не мог не заметить Мари. Он посадил ее на прилавок, восхищаясь ее черной бархатной юбкой и гофрированной белой блузкой, которые сшила для нее мама. Обычно Мари не задумывалась над тем, как смотрятся коричневые ноги из меха, торчащие из-под платья, но теперь это сочетание вдруг стало ее смущать.

— Красивая малышка, — сказал хозяин Рут. — Настоящая леди.

И радость, и сомнение распирали Мари, ей хотелось выпрыгнуть из своей одежды и предстать перед всеми такой, какая она есть.

В магазине было с дюжину серых ящичков с медными ручками. Открыв один из них, лавочник достал лоснящуюся аккумуляторную катушку коричневых ниток.

— Вот, держи, — сказал он, поворачиваясь к Рут. — Нет! — неожиданно рывкнул лавочник в сторону входа. — Цветным нет!

Рут оглянулась, а Мари, конечно же, не смогла. Она лишь услышала прохот захлопнувшейся двери и шаги на тротуаре. Рут казалась взволнованной.

— Я не желаю их здесь видеть, — объяснил лавочник все еще не своим голосом. — Но к тебе это не относится, — добавил он в сторону Мари.

Рут хихикнула.

— Она не «цветная», она — медведь!

Мари стало интересно, что же означает слово «цветная» и как выглядят эти «цветные». Раньше она слышала, как мама и папа разговаривают о «цветных». Папа говорил о том, что «цветные» продолжают ходить туда, где их совсем не ждут. Мари подумала о том, что, если это действительно так, она хотела бы с ними встретиться.

На улице она не встретила ни одного человека, который мог бы подойти под это описание. Ее окружали лишь обычные люди. В голову медвежонку стали лезть грустные мысли. Эмоциональный взрыв лавочника явился ее первым соприкосновением с огромным, по сравнению с семьей, миром, где жили запреты и боль. И снова этот мир стал для нее невидим, как только Рут завернула за угол и они опять стали идти мимо деревьев и домов. Неожиданно чувство неудовлетворенности оттого, что она не может вымолвить ни слова, ни просьбы, ни как-то поучаствовать в происходящем, чуть было не свели Мари с ума. Рут шла спереди, что-то мурлыча себе под нос, мечтая о чем-то, будто ничего необычного и не произошло. Щебетали птицы. Солнце светило еще ярче, чем прежде.

Рут пошла домой другой дорогой, через небольшой парк. Когда девочка остановилась полюбоваться нарциссом, вдали, у зеленеющей опушки, Мари увидела молодого калеку, сидящего на деревянном стуле с четырьмя колесами, как у детской коляски. На коленях у него лежало темное одеяло, рядом стояли сиделка и старик, вероятно, отец несчастного. Мари не могла определить точно, был инвалид девушкой или юношей — настолько сгорбленным был калека в своей коляске. Когда отец и сиделка беседовали, глаза несчастного становились шире и дрожали. *«Будто ей так жаль, что глаза ее не губы»*, — сказала Мари про себя. *«Эти глаза-губы будто хотят что-то сказать»*. Отец и сиделка тихо засмеялись, а у калеки потекли слюни. И тут Мари почувствовала, как коляску потянуло вперед.

В скором времени они тащились на ту же горку, что и прежде, и Рут начала снова рассказывать свои истории.

— Когда дедушка был еще грудным ребенком, — делилась Рут, — родители везли его в крытой повозке через весь Канзас, как вдруг: индейцы! Отца дедушки убили стрелой.

Мари все так же сидела в коляске лицом в обратную сторону, разглядывая потрескавшийся тротуар, деревья, дома, словно пятившиеся назад.

— Он был еще крохой, — продолжала Рут, — но ему повезло, и он остался жив. Конечно же, его мама не могла позаботиться о детях самостоятельно. Сестры дедушки уехали к родственникам, а дедушку вырастили друзья семьи, *северансы**. То были времена первопроходцев.

Мари почувствовала, как маленькие резиновые колеса переехали через большую трещину в тротуаре. Рут вновь казалась довольной своей историей, так, словно она только что правильно ответила на вопрос викторины; у Мари же эти эмоции вызвали чувство еще большего одиночества и пустоты. Они повернули в свой квартал, и Мари бросила тяжелый взгляд на знакомые деревья над головой, на их переплетенные ветви. Через несколько домов стоял их дом с робко притупленной верхушкой крыши. Времена первопроходцев. Мари тоже везли в коляске, она также пыталась остаться в живых. В убаюкивающем движении колес она осознала, что была затянута поясом времени и места столь крепко, сколь прочно сидела в ловушке неживого тела. В этих же оковах находились Рут и ее семья. Они лишь старались выжить. Но неужели обязательно любить эту игру?

Вот прожужжал черный автомобиль с брезентовой крышей. Из соседних домов доносились крики детей, играющих в классы.

3.

— Да, да, Мари тоже идет на симфонию! — пропел Джон, вызвав еще более громкий смех у Рут и Хелен.

— Нет, нельзя! — выкрикнула Рут дьявольским голосом, от которого Мари бросило в дрожь.

Мальчик продолжал танцевать с медвежонком по всей комнате девочек, напевая чарльстон. Взгляд Мари был прикован к черно-белым клеткам на свитере и жилетке Джона, которые, в отличие от вращающейся комнаты, оставались для ее

* Вообще-то, *serverance* (англ.) — это выходное пособие. Маленькая Рут имела в виду северян. — Прим. ред.

глаз неподвижными. Она ощущала свободное падение и силы, кружащие ее. Так Рут еще никогда с ней не играла. Рут очень аккуратно обращалась со своими вещами, настолько аккуратно, насколько на это надеялись ее родители. Мари мельком увидела, хотя все вокруг вертелось, что она тоже танцует. Вскоре мать позвала детей с нижнего этажа, однако детская игра немного продолжилась, а в пик необузданного веселья Джон отдал медведя Рут. Они все вместе побежали вниз по лестнице, громко топая ногами и хихикая.

— Мари! Мари! — весело кричал Джон.

Они остановились в прихожей, где их ждала мать, надев свою самую нарядную шаль. Она посмотрела на Мари своими усталыми, глубоко посаженными глазами и громко вздохнула, но Рут лишь крепче обняла медведя.

Еще никогда прежде Мари не была так благодарна. Теперь мама пристально посмотрела на Джона, который поправил на шее «бабочку».

— Рут хотела взять с собой медведя, — пожал он плечами.

Хелен тихо засмеялась. Мари не удивило такое предательство, но тем не менее она почувствовала боль при одной мысли о том, что пропустит концерт. Она даже не знала, что такое концерт. Мама собиралась что-то сказать, когда со двора послышался голос папы, звучащий несколько раздраженно, который кричал, что они опоздают на поезд. По этой счастливой случайности Мари осталась в руках Рут. Семья бросилась бежать вниз по пригорку к поезду. Пока они ждали поезда, медведь предвкушал то, как у них начнется новая жизнь, в которой Рут не будет подчиняться правилам, и Мари побывает в новых местах. В клубах черного дыма появилась пылящая машина, от движения которой тяжелая юбка Мари поднялась. Внутри, в коричнево-красных бархатных креслах, сидели красиво одетые незнакомые люди, ожидающие своей остановки.

Медвежонок старался лежать неподвижно под рукой у Рут, чтобы остаться не замеченным мамой, словно он мог сделать иначе. Но, как только отец нашел для семьи места и дети сели на кресла лицом к родителям, мама вновь высказала неодобрение.

Затянута поясом времени и места

— В самом деле, Рут, на концерт, — сказала она, качая головой.

Рут, ненавидевшая упреки, сразу заплакала.

— Ты не сказала, что нельзя, — возразила девочка.

— А мне и не обязательно говорить...

— Но...

— И мне не обязательно напоминать тебе о том, что с мамой не спорят, — добавил отец.

Мари вздрогнула оттого, что папа тоже был против нее. Мать и отец сидели прямо, с одним и тем же выражением скучного укора на лице.

— Простите, — жалобно хныкала девочка, и слезы обиды капали на голову Мари, чьи глаза горели от невероятного возмущения.

— Рут, ты слишком взрослая для такого поведения, — заметила мать. Месяц назад Рут исполнилось девять лет, но Мари не понимала, какое отношение имеет возраст к чему-либо.

— Нельзя ведь так расстраиваться из-за этого медведя.

Продолжая плакать, Рут еще крепче обняла пискнувшую Мари. Джон и Хелен едва сдерживали смех.

— Рут, если так будет продолжаться и дальше, мы с тобой выйдем на следующей остановке и отправимся домой, — сказала мать. — Папа, Джон и Хелен поедут дальше, а мне, как и тебе, придется пропустить концерт.

Рут прекратила плакать, очевидно, из-за того, что мама тоже останется без концерта.

— Вот так-то лучше, — закончила мама.

Рут молча сидела, в то время как поезд с грохотом двигался дальше.

Звуки настраивающихся инструментов и шум полного зала сотворили настоящий хаос, однако после аплодисментов наступила тишина. Сидя на коленях у Рут, Мари удавалось видеть лишь спинки складывающихся кресел следующего ряда, рядных зрителей, шляпу за шляпой, а над ними — ясное небо. Скрипка издала звук, и вступил оркестр, сыграв сначала одну

ноту, затем — аккорд, который звучал все громче и громче; далее — следующий аккорд. Еще больше оваций, опять тишина.

Что происходит? Мари слышала, как вдалеке поют птицы и шумит ветер, затем снова зазвучала музыка, возможно, приближался штрот; казалось, сотни деревьев трепетали на ветру — и снова спокойствие. Что еще могло быть в этой музыке?

Звук одной скрипки — звенящий, стремящийся, великолепный и все же одинокий — почти разорвал Мари на две части. Он был похож на свет прожектора на теле темного мира. «Вот он я!» — словно говорил он.

Мари ожидала, возможно, что скрипка будет петь свою собственную партию, но вместо этого свой напев играли остальные инструменты, а скрипка точно танцевала в этом напеве и вокруг него. Когда же наконец она присоединилась ко всем, ей оставалось лишь закончить две последние фразы, будто ей нечего беспокоиться по таким пустякам, как закончить известное ей предложение, пусть даже очень красивое. Мари тут же словно улетела прочь. Сила притяжения больше не держала ее. Ей казалось, что она идет свободно и радостно по необитаемому пространству. И не просто идет, а танцует, и не просто танцует, а кружится на высоко висящем проводе, в то время как этот упругий шнур дрожит так, как трепещет струна скрипки, под ее плюшевыми ногами, такими легкими и уверенно идущими вперед. Скрипка все продолжала выводить свои трели, как вдруг Мари увидела, что шляпы, стулья и Рут стали поворачиваться вокруг нее, в то время как она сама падала с колен девочки и тело ее кувыркалось. В тот момент, перед падением, она была созданием,двигающимся без чьей-либо помощи; она принадлежала лишь самой себе и больше не была привязана к Рут; она была планетой, вращающейся в собственной галактике.

Издав короткий писк, медвежонок дважды перевернулся в траве, прежде чем мать раздраженно зашептала «шшш!» и Рут быстро вернула медведя к себе на колени. К этому моменту скрипка закончила свою трель и заиграл весь оркестр. Мари была в изумлении. До сих пор ее лишь носили, таскали и порой трясли; сегодня с ней даже потанцевали; но ничего из пережитого не могло сравниться с этим замедленным вращением в не-

обитаемом пространстве. Она была убеждена, что совершила это самостоятельно — прыгнула с колен Рут в траву.

С чуть ли не пронзающей насквозь решительностью снова отчетливо зазвучала скрипка. Теперь каждая ее фраза была различной: яростной, грустной, нетерпеливой, дерзкой, жалобной. Мари переживала эти эмоции раньше. Она была свидетелем тому, как они причиняли Рут неприятности. Однако здесь они присутствовали все, появлялись одна за другой, будучи частью одного и того же музыкального произведения, которому с готовностью покорились даже мама с папой. Оркестр умолк, и в течение многих минут скрипка завывала в прелестном приступе гнева. Это был скрип дерева среди сладостных звуков, который привел медвежонка в неописуемый трепет. Она четко слышала эту реальную, земную сущность самого инструмента, и она бы заплакала, если бы ее стеклянные глаза позволили ей это, — ведь Мари была свидетелем храброй борьбы за то, чтобы стать чем-то большим, нежели скрипка представляла собою, — большим, чем кусок древесины, струны, лак, материя.

Мари лежала на коленях у Рут, вдыхая запах травы и озера, не обращая никакого внимания на остальную часть концерта. Если бы каждый день она двигалась хоть немного больше, в конце концов или даже совсем скоро она смогла бы ходить. Она бы научилась разговаривать; сначала издавая писк по собственному желанию, затем ей бы удалось пропищать что-то похожее на слова, потом, собственно, слова и, наконец, целые предложения. «Рут, я иду на улицу», — только представьте себе удивление девочки.

В этот момент Рут вздрогнула от звуков, которые оказались последними. Они произвели на нее новое впечатление, что напомнило Мари маленький бунт, который девочка устроила ранее в этот день. Когда Рут издавала несколько яростных, чуть резких звуков двумя руками, Мари почувствовала уверенность в том, что эта музыка привнесла в жизнь девочки нечто новое и важное, как и в ее собственную жизнь.

Семья возвращалась обратно на станцию. Рут шла рядом с отцом и будто собиралась о чем-то у него спросить. Мари наблю-

дала за тем, как его каблуки поднимались и снова опускались на тротуар. В поезде Рут опять села между Хелен и Джоном, но не обращала на них никакого внимания, даже тогда, когда брат дразнил ее.

— Все зашли, — слышался клич, за которым последовал свист, но поезд все не ехал, и в этой напряженной, мертвой тишине Рут вдруг выпалила:

— Папа! Я хочу играть на скрипке.

Раздался всеобщий смех. Вагон резко тронулся с места.

— Да? — отреагировал отец.

— До сегодняшнего дня ей совсем не хотелось, — заметил Джон.

— Скрипки дорого стоят, — предупредила мама. — И у нас уже есть пианино.

— Знаю, — невнятно сказала Рут.

Поезд громыхал. Мари хотелось положить свою голову на плечо Рут. В самом деле девочка часто просила о том, чего не очень-то и хотела, или о том, о чем забывала через день или даже через час. Как же Рут могла убедить родителей в этот раз?

Папа сказал:

— Конечно же, вы все знаете историю об Айки и повозке.

Это была очень старая шутка — старше автомобилей — и самая любимая в семье. Даже Мари, которая жила в семье лишь с Рождества, уже знала ее. Очевидно, ее рассказывал дедушка Рут, тот сирота, чудом оставшийся в живых.

Это был анекдот о том, что может случиться, если человек слишком увлекается своими желаниями.

— Однажды ясным утром одна очень глупая семья шла пешком в церковь, — начал папа. — У их повозки поломалось колесо, а позволить себе отремонтировать его они не могли. Путь до церкви был неблизкий, дорога была грязной, и они завели разговор о том, как замечательно было бы купить новую повозку.

— Я уже представляю, как бы мы в ней ехали, — заметила мама. — Это такая красивая, сверкающая повозка.

Мама, Хелен и Джон засмеялись, как только папа начал говорить фальцетом. Обычно он был довольно молчалив, но,

когда у него было хорошее настроение, мог рассказать что-нибудь интересное.

«Мы доберемся до церкви через минуту, — сказал отец. — Мы полетим словно ветер». «И все в городе увидят, как я еду прямо на переднем сиденье», — сказала девчушка. «Я тоже, — сказал младший брат, Айки. — Я тоже поеду спереди!» «Нет, Айки, тебе не хватит места рядом с папой», — ворчала девочка. «Так, — сказал отец, — Айки, не балуйся и езжай позади вместе с мамой». «Не хочу!» — кричал Айки. «А придется», — отвечала сестра. Теперь смеялась даже Рут, а сам папа хихикнул в предвкушении концовки.

— И вот Айки стал прыгать в грязи и орать: «Нет! Нет! Мне не нравится на заднем сиденье! Я хочу сидеть впереди!» И мальчишка наделал такого шума, что отец закричал: «Айки, убирайся вон из повозки!»

4.

Винки вздохнул. Волнообразные телефонные провода создавали случайную игру света и тени на бежевом потолке машины, усеянном маленькими дырочками. Он видел себя как Мари, которая надеялась и пыталась выжить, росла, — такой, какой она была; и он знал не только, как долго ей пришлось бы ждать осуществления своей мечты, но еще и то, как все это закончится — здесь, на заднем сиденье белого седана, который ездит по кругу.

Было время, когда Мари не могла ничего изменить ни в жизни Рут, ни в своей собственной, точно так же, как и Винки не был в состоянии изменить что-либо в своей. Живет девочка по имени Рут, живут ее родители, до них — родители ее родителей и т. д. Позже Рут сама станет мамой, у нее будут дети. Все это — факты. Даже теперь Винки хотел восстать против них, отказаться от них, но они продолжали кружиться перед усталыми глазами его памяти.

Можно сказать, что вся жизнь медведя в роли игрушки превратилась в одно продолжительное заклинание, которое со-

творило наконец чудо обретения жизни. Часть Винки надеялась понять это заклинание с помощью воспоминаний, может, даже призвать на помощь его магическую силу и снова обрести свободу.

В восемьдесят седьмой раз автомобиль повернул налево, притормаживая со скрежетом. Винки лениво дернул наручниками, и неровная пластмасса врезалась ему в лапу. Он не хотел вспоминать свою жизнь с любовью, он не желал испытывать любовь, лишь обращаясь к прошлому. И все же он любил Рут даже теперь. Это он тоже был не в состоянии изменить.

5.

За окном комнаты Рут скрипел и шелестел огромный тополь.

— *«Вы владеете ситуацией, если понимаете, что жизнь смертного существа — это лишь самообман и никак не правда бытия»*, — читала вслух Рут, старательно произнося длинные слова. За завтраком она заявила, что с этого дня будет каждый день читать «Науку и здоровье». Мари раздражала такая очевидная попытка снискать благосклонность родителей, но она признавала, что этот способ мог помочь девочке получить заветную скрипку.

— *«Мысленно отрицайте каждый недуг... Преодолейте страх, обратившись к божественному Разуму»*.

Разум Мари приказал ее стеклянным зрачкам помутнеть от скуки. Ночью она решила, что отныне будет зваться Ртом. Каждый раз, когда Рут произносила «Мари», медвежонок мысленно выкрикивал «Рот», чтобы стереть из памяти имя того бедного медведя, который не в состоянии ответить. *«Обуздайте свои пристрастия...»* «Рот, Рот, Рот», — размышляла теперь она, пытаясь почувствовать своим зашитым ртом, как это произносится. На секунду она почти поверила в то, что ощутила это, но на самом деле эта игра начала ей надоедать. *«Задуйте эти грехи, как только они появятся на свет... Разружьте грех...»*

Мари сама ощущала себя так, будто ее задушили и разрушили. Эти поучения были словно обои этого дома. Казалось,

Мари вдруг увидела в этом витиеватом узоре лицо чудовища, злое и отвратительное, с волосами мышиного цвета, как у матери, и грустными, глубоко посаженными глазами, как у отца, — Отче наш, Матерь Божья...

К счастью, Рут отложила книгу как раз в этот момент, и образ рассеялся.

— Понемногу каждый день, — сказала Рут, и у медвежонка отлегло от сердца. Затем она взяла Мари на руки и принялась шепотом мечтать о том, как она будет играть в оркестре, когда вырастет, и обо всем том удивительном, что ей еще предстоит сделать в жизни. Дыхание девочки так же приятно щекотало слух Мари, как и услышанная музыка. Оно привело медвежонка в состояние лихорадочного предвкушения, причем не только будущего Рут, но его собственного.

— Но бесполезно докучать ему этим, — неожиданно предупредила девочка, имея в виду своего отца. — Посиди-ка здесь тихонько, — сказала Рут, кладя Мари, и побежала на улицу играть. Мари же стала прислушиваться к каждому слову, к каждому звуку, раздававшемуся в доме. Концерт сделал ее уши еще более чувствительными. Она обнаружила, что может многое слышать, если сосредоточится: воду, выплескивающуюся из поддона холодильника, когда Джон нес его к раковине, редкие слова врача, навещавшего маму по поводу ее головных болей: «Психическая дисфункция... внутренняя инфекция... внутренние ядовитые испарения...»

В тот вечер, когда папа вернулся домой с работы, Мари сомневалась, сможет ли Рут удержаться от разговора о своем заветном желании. Девочка заговорила об этом не сразу, а во время ужина, сболтнув:

— Папа, можно мне играть на скрипке?

Мари, сидевшая наверху, вздрогнула. Листья тополя, что рос за окном, казались темными, словно бархат.

— Посмотрим, — медленно проговорил отец.

Мари и раньше слышала от него подобный ответ. Возможно, в этот раз он на самом деле собирался подумать. Мари не знала наверняка. Она ждала с еще большим нетерпением. Ка-

залось, ее собственная судьба, ее собственные желания тоже заигрывали с ней, отказываясь дать ответ.

Из столовой доносился стук вилок о тарелки.

— Если бы у меня была скрипка, — мечтательно промолвила Рут, — я бы играла Бетховена, Моцарта и еще Гайдна.

— А... хм... — вырвалось у отца.

Тон его голоса не изменился, но казалось, Рут не в состоянии остановиться.

— Я буду играть с Чикагским симфоническим оркестром, и я буду сидеть вместе с остальными скрипачами, и...

— Конечно, Айки, — прибавил брат, и все засмеялись.

Мари испытывала свое привычное чувство возмущения, но, когда после ужина Рут поднялась вверх, девочка ничуть не казалась расстроенной. В общем, она выглядела совершенно невозмутимой. Медвежонок внимательно наблюдал за ней, когда она достала карандаши и принялась рисовать скрипку. Мари хотелось знать, каковы были ее желания теперь. Если бы человек желал чего-либо по-особому, особенно сильно, мог ли он получить желаемое?

На следующее утро после прочтения очередного отрывка из «Науки и здоровья» Рут спустилась за чем-то в подвал, взяв с собой Мари. Медвежонок никогда не бывал там прежде. Тут было горел свет. Два древесных ствола среднего размера поддерживали потолок; на них виднелась кора. Казалось, дом был их ветвями и листьями. Рут положила Мари на рабочий столик и ушла что-то искать в темный угол, заваленный различными вещами. Она вернулась со старым портсигаром, двумя палочками для размешивания краски, молотком и еще чем-то. Она тут же принялась склеивать края портсигара, затем прибила к нему один конец палки. Теперь у этого предмета имелись тело и шея. Мари хотелось выкрикнуть что-нибудь в знак одобрения, но Рут совершенно не нуждалась ни в каком поощрении.

— Неплохо, — сказала Рут сама себе. Она криво забила гвозди, погнув их, но не обратила на это никакого внимания.

Обычно же она беспокоилась из-за подобных вещей. Мари продолжала внимательно следить за ней. По четыре кнопки на обоих концах, к ним Рут прицепила резиновую тесьму — и объект готов. Рут провела рукой по одной из тесемок — и раздался приглушенный звук определенной высоты.

У Мари зазвенело в ушах. Предмет, обретший форму у нее на глазах, был лучше настоящей скрипки. Сделанный из старой рухляди, квадратной формы, вместо того чтобы иметь плавные изгибы, он был лишь идеей скрипки, то есть сущностью желания. Рут стала брэнчать по резиновой тесьме, которая, к радости Мари, издала несколько звуков, не имеющих никакого отношения к музыке.

— Послушай, Мари, — сказала девочка, взяв скрипку за шейку. Она неуклюже положила ее квадратный корпус себе под подбородок, а другой рукой высоко подняла вторую палочку. Театрально выдержав паузу, Рут одним искусным движением провела палочкой по резиновой тесьме.

Импровизированные струны в ответ на прикосновение неряшливо забрэнчали, и древесина самодельного смычка царапнула корпус.

«Еще! — подумала Мари. — Еще!»

Рут попыталась еще раз с таким же усердием. Уверенность взмахов ее смычка, неутешительные звуки, которые он издавал, — от всего этого между глаз Мари словно пробежал электрический заряд. Сххх! Чщщ! Шж!

Но затем Рут опустила свое творение, нахмутив брови. Очарование момента исчезло. Она не плакала, но, очевидно, была расстроена. Мари не понимала. Неужели Рут рассчитывала, что эта скрипка будет играть?

Рут снова нахмурилась, но теперь уже сильно скривив брови. Она снова положила скрипку себе под подбородок и принялась играть. На этот раз Рут водила палочкой по струнам слегка, так что инструмент едва издавал звуки, и раскачивалась вверх-вниз, печально улыбаясь. Она смеялась над своим творением, и это несколько огорчило Мари. Вскоре Рут принялась кружиться, делая вид, что играет, и закрыла глаза. Те-

перь она мурлыкала мелодию, в конце концов, это уже было по-настоящему.

— Что это? — пренебрежительно задала вопрос Хелен.

Вечером Рут принесла портсигар наверх.

— Ничего, — ответила она, кладя свое творение на комод, а рядом с ней — Мари.

Хелен отложила книгу и подошла к комоду, злобно улыбаясь.

— И этим ты занималась весь день?

— Нет, — упрямо ответила Рут.

Хелен дернула за одну из резиновых тесемок.

— Джон! — выкрикнула она и побежала к брату. — Посмотри, что сделала Рут — скрипку!

— И что из этого? — раздалось в ответ от Джона. Сегодня он был выше всего этого, он был слишком взрослым, чтобы беспокоиться из-за того, что делали его сестры.

«В этом доме действует так много сил, — подумала Мари, — и порой они работают на пользу Рут». Хелен вернулась, с глупой улыбкой произнося «скрипка», но, поскольку Джон не был свидетелем того, как она дразнит сестру, она тут же прекратила свою затею. Хелен плюхнулась на кровать и продолжила читать «Грозовой перевал».

Рут сидела на своей кровати, читая «Науку и здоровье». «...Поскольку Разум способен рождать непорочность вместо грязи, — бормотала она, — силу вместо слабости...» Мари не понимала, как Рут может заниматься этим именно сейчас. У нее до сих пор кружилась голова от музыки, услышанной в подвале. Однако она должна была признать, что чтение книги — верный способ не обращать внимания на Хелен. Через некоторое время медвежонок услышал шаги мамы на лестнице. Она появилась в дверях.

— Девочки, мне нужна помощь, чтобы накрыть на стол, и мне необязательно просить вас об этом каждый раз.

В этот раз пришла очередь Хелен накрывать на стол.

— Посмотри, что Рут сделала сегодня в подвале.

Мари опасалась, что Рут могут наказать из-за того, что девочка брала молоток или клей. Она увидела, как мама взяла в руки самодельный инструмент.

— Это моя скрипка, — сказала Рут, пожимая плечами, однако голос ее звучал так, будто она говорила это, сложив руки в мольбе.

— Ах, — промолвила мама, как обычно, холодно и с непроницаемым видом, — я вижу, что ты усердно работала над ней.

Но по крайней мере казалось, что Рут не накажут. Мама вышла, за ней ушла и Хелен.

Рут продолжала читать, пока не затих звук шагов на лестнице. Теперь, когда девочка осталась в одиночестве, медвежонок смотрел на то, что лежало перед ним, еще более сосредоточенно, надеясь, что Рут поиграет еще. Мари хотелось услышать, как Рут будет извлекать эти странные звуки снова.

— Нет, Мари, нельзя брать мою скрипку, — неожиданно сказала Рут. — Ты всего лишь медвежонок. Медведи не умеют играть на скрипке!

Мари вздрогнула от испуга и почувствовала раздражение. Она и не хотела играть на скрипке. Этого хотела Рут. И Мари хотела, чтобы та на ней сыграла.

— Глупый медведь! — Рут подошла к Мари, подняла ее и начала трясти, от чего у нее закрывались и открывались глаза. — Глупый медведь! Глупый медведь!

Это напоминало их игру в головную боль, только это было хуже, поскольку Мари очень сомневалась, что за этим последует исцеление и спокойствие. Ей так хотелось вернуть ту тихую, заботливую Рут. Девочка повторяла «глупая!» снова и снова, тряся Мари то вверх-вниз, то из стороны в сторону, от чего большая безжизненная голова Мари на тонкой матерчатой шее болталась во все стороны.

— Скрипка, — небрежно заметила Рут, тоном, которым произносила это слово Хелен. — Я хочу скрипку! — сказала она за Мари, раскачивая медвежонок в причудливом танце. — Скрипка!

Неуклюжие пируэты были грубой пародией на хождение по натянутому проводу, которое Мари представляла себе во время концерта. Танец этот словно сам желал продолжаться — хотя бы как-нибудь, — и был он жутким, нелепым, мучительным. В те моменты, когда ее глаза открывались, она могла видеть устрашающую ненависть на лице Рут. Девочка повторяла:

«Глупый медведь! Скрипка!», заставляя Мари кружиться в нелепом танце. Медвежонок пытался собрать все свои силы, чтобы выпасть из рук девочки еще раз. И вот у Мари помутнело в уголках глаз. Неприятные ощущения достигли такой силы, что почти превратились в наслаждение. Казалось, ее глаза вот-вот расколются оттого, что так резко закрываются и открываются. Ей хотелось выкрикнуть: «Сильнее! Еще!»

Но пытка закончилась так же внезапно, как и началась, словно буря, которая так и не разразилась. Рут спокойно посадила Мари на подушку, лежавшую на кровати, разгладив ее черную бархатную юбку. На лице Рут появилась мучительная сосредоточенность, как у мамы, когда та делала узелок на шитье. От этой тряски у Мари кружилась голова, и она могла лишь мрачно созерцать происходящее, стараясь постичь гипнотическую суть этого. Рут продолжала молча гладить рукой по бархату и, казалось, ни о чем не думала.

— Рут, — обратился к девочке папа.

Мари вздрогнула. Рут тут же обернулась в смущении.

Мари до сих пор видела неясно. Именно теперь ей сложно было поверить в то, что кроме нее и Рут в этом мире есть кто-то еще. Но здесь присутствовал этот человек, стоящий в дверях, очень высокий и худой, который выглядел, как всегда, озабоченным и грустным. Картина представлялась еще более странной оттого, что папа никогда не заходил в комнату девочек: это было не его царство.

Он кивнул в сторону комода:

— Это и есть скрипка, которую ты сегодня сделала?

— Да, — неловко ответила Рут.

Он рассержен или это простое любопытство? Из-за того, что Рут только что делала с ней, Мари даже надеялась на то, что девочку накажут. Мысленно медвежонок перечислил все правила, которые Рут могла нарушить за сегодняшний день. Но девочка выглядела абсолютно невинно. Как обычно, ее часть комнаты отличалась от уголка Хелен идеальным порядком, и, несмотря на утреннее копание в груде старых вещей в подвале, Рут удалось не испачкать свое белое платье и носки.

Папа взял в руки самодельный инструмент.

— Неплохая скрипка, — сказал он, скривив лицо.

Сейчас Мари с такой силой ненавидела этот предмет, что ей было приятно услышать эту шуточку.

— И ты читаешь «Науку и здоровье»? — спросил папа, кивая головой в сторону томика, лежавшего у Рут на кровати.

— Ага, — ответила девочка.

— Девятилетним девочкам рановато читать такие книги.

— Знаю.

Мари надеялась, что папа выскажет свое неодобрение, однако он снова принялся рассматривать скрипку.

— Вообще-то она не играет, — признала Рут. Возможно, она думала, что, если покажет, будто знает правду, это сыграет ей на руку, ведь она определенно накликала на себя беду. И затем она пошутила: — Мари помогала мне.

— Ну что ж, поэтому-то скрипка и не играет, — рассмеялся папа.

Мари задумалась о том, как могла бы вспыхнуть желтым пламенем ярости и разочарования. Это бы привлекло их внимание. Ведь она уже поняла по тону голоса папы, что он скажет далее. Она увидела, как вдруг все изменилось до неузнаваемости и как Рут добила своего.

Папа нахмурил брови.

— Я считаю... — начал он, слегка постукивая по тонкой древесине крышки портсигара. — Рут, мы купим тебе настоящую скрипку.

Бедному медведю показалось, что с потолка цветной тучей стали падать незаслуженные сладости. Рут словно замерла. Мари наблюдала за тем, как эти щедрые подарки все сыпались и сыпались на девочку и ее отца.

Почему Рут всегда получает желаемое, а Мари — нет?

Как бы то ни было, медведь не мог не видеть, какую исключительную ценность представляла для Рут скрипка. Он почувствовал острую боль в глазах. Как могла она покуситься на чудо? В отличие от остальных, Рут знала, чего хотела, упорно этого добивалась и получала желаемое.

— Да? — спросила она кротко. Она не кинулась папе на шею, поскольку знала, что он этого не любит. И лишь спокойно смотрела на него.

Мари была изумлена этой робкой, но хитрой гибкостью поведения. Мари должна была признать, что это действительно помогло. Дом был похож на лабиринт, и Рут находила верный путь.

Папа говорил о том, когда они собираются покупать скрипку, как они найдут для Рут преподавателя, и пятился назад, чтобы выйти из комнаты, будто он засиделся там дольше положенного времени. Выходя, он предупредил, что ужин уже почти готов.

— Я только дочитаю еще одно стихотворение, — сказала Рут.

Она и Мари остались одни. Дождь великодушия затих. Казалось, Рут не знает, что делать. Она взяла Мари на руки и крепко обняла ее; злость медведя нисколько не утихла, однако он не удержался от того, чтобы не запищать; а Рут, счастливая, передразнила его:

— Пии.

Мари не поддавалась и не сопротивлялась объятиям Рут. Этого не делал и Винки в руках воспоминаний. В тот вечер детство Винки закончилось, а детство Рут еще продолжалось. Ведь тогда Мари осознала, что она упала с колен Рут не по своей воле. Она лишь оставалась тем, чем была. Неужели бы она осталась такой навсегда? Она чувствовала, как слезы Рут намочили ее блузку. Вскоре у нее появятся новые миражи, но в данный момент она не питала никаких иллюзий. Она была не настолько никудашным медведем, чтобы отвергнуть свой долг — долг выслушивать, утешать, обнимать. Когда Рут обняла ее еще крепче, Мари снова запищала. Через плечо девочки в узком окне она видела свет летнего вечера, просачивающийся сквозь листву. На такой свет она смотрела впервые — желто-золотой за зеленой решеткой. Впереди было еще столько лет, и каждое из них будет напоминать об этом лете, когда она созерцала кривой потолок и узкое оконце, когда она теряла и приобретала одновременно, когда ее глаза были широко раскрыты и когда ее обнимали.

Винки осужден

Одноцветный седан со скрипом притормозил у большого зеленоватого здания без окон, с квадратной белой крышей, похожей на крышку коробки от обуви.

— Хорошо, мисс, выходите, пойдете, пойдете, пошли, пошли, мисс, пойдете, — говорили два агента, хотя Винки не оказывал ни малейшего сопротивления, когда они открыли заднюю дверь, вытащили его из машины и повели настолько быстро, что его ноги попросту волочились по земле.

«Да уж», — подумал медведь в ярости.

В здании стоял сильнейший запах дезинфицирующего средства. Агент неприветливо поздоровался с двумя тюремщиками, сидящими у стола за окном с толстым стеклом.

— Аль.

— Джо.

— Майк.

— Мэри Сю.

Казалось, здесь все знают друг друга. Они обменивались обрывками фраз и заканчивали предложения друг друга.

— Двести двадцать седьмой?

— Да.

— Участок?

- «Б», конечно.
- Тебе нужен...
- Да. Спасибо.

Над их головами большие круглые часы непривлекательно-го вида показывали ровно четыре. Казалось, они характеризовали мир, который их окружал, будто тюрьма, и заключенные могли существовать лишь в этот отдельно взятый момент ночи.

Медвежонка поспешно тянули по многочисленным коридорам, построенным из бетонных блоков, быстро переводили через ворота и двери и наконец привели в большую белую комнату, где ряд мониторов зеленоватого цвета отображал еще большее количество бетонных коридоров, вдоль стен которых виднелись камеры с решетками или прочные двери. По дороге были все те же немногословные приветствия, и сейчас агенты поздоровались с двумя мощными торемщиками, что стояли у огромного пульта, усыпанного кнопками и экранами, и выглядели так, будто управляли полетом космического корабля.

- Билл.
- Синди.
- Майк.
- Мэри Сью.

Из этого Винки сделал бесполезный вывод об именах своих агентов. Их звали Майк и Мэри Сью.

- Двести двадцать седьмой.
- Да.
- «Б»?
- Спасибо.

Нажали на кнопку, раздался все тот же резкий визг, и агент Мэри Сью толкнула Винки в маленькую комнату, примыкающую к этой. Он еще не успел обернуться и увидеть, как она уходит, а дверь с громким щелчком захлопнулась за ним, и медведь остался в одиночестве. Он повернулся к довольно большому окну, ожидая увидеть в нем мониторы и охранников, но вместо этого в тусклом зеркале увидел лишь себя, в наручниках, сбитого с толку, все еще одетого в больничную сорочку. Винки увидел, как он сам вздохнул.

На следующее утро в девять утра в здании Федерального суда, что находилось неподалеку, судье, грузному человеку округлой формы, одетому в черную мантию, передали список поверенных, которые смогут сделать юридическое заключение касательно бедной подсудимой мисс Винки. Он зачитал вслух фамилии:

— Скорбь, Досада, Удушье, Страшила, Доносчик, Взрыватель, Гильотина, Лжец, Монстроски...

Судья хлопнул себя по подбородку.

— Хм. Любопытно. — Он посмотрел на небольшого роста, опрятную секретаршу, которая принесла ему этот список, но она стояла в безмолвии. Она определенно была более привлекательной, чем его помощницы. Он спросил: — Вы здесь недавно, ведь так?

Секретарша пожала плечами. Судья продолжил зачитывать список:

— Мрак, Треск, Таракан, Соня, Неряха, Зубрила, Змеюка...

Он перевернул страницу, но с оборотной стороны она была пуста.

— Эти поверенные не самые преуспевающие в нашем округе, — задумчиво заметил он. — Например, Мрак. Я сомневаюсь, что у него есть хотя бы несколько лет практики на данный момент.

Секретарша закатила глаза.

— Сэр. Это и есть поверенные.

Ее дерзкий белокурый хвост дергался от каждого слова. Внезапно судья почувствовал себя совершенно уставшим. Он вздохнул. Этим утром ему позвонили три заместителя министра юстиции и напомнили, что это дело особое и могло бы стать венцом всей его карьеры. Судья устал от своей профессии. Теперь он говорил себе, поскольку последнее время у него вошло в привычку говорить это себе много раз в день, дабы успокоить себя: «Порой неудачи не избежать». И его усталый взгляд остановился на имени, которое стояло в конце списка.

— Неудалый? — осторожно произнес он.

Секретарша кивнула.

— Это господин Чарльз Неудалый Четвертый, — промолвила она, вырывая из его рук список. — Из конторы «Неудалый, Деспот и Подлец». Я немедленно с ним соединюсь.

Белые бетонные стены были звуконепроницаемы, однако временами Винки слышал хихиканье или ругательства по ту сторону двери.

Ему показалось, будто кто-то, наверное, агент Мэри Сью, произнес: «Отвратительно».

Несмотря на спешку, в которой они привели его сюда, представители власти теперь оставили его в комнатенке одного на долгое время. Медвежонок начал беспокоиться за Франсуаз: куда же они увели ее; может, она тоже в тюрьме, расплачивается за свою доброту? Он сомневался, что кто-либо из тех, кто посадил его сюда, поделится с ним этим, даже если у него появится возможность спросить их об этом. Порой казалось, что вот-вот кто-то войдет, но в итоге ничего не происходило. Винки задремал. Ему снилась Рут и пятеро ее детей, каждый из которых был игровой картой в руке медведя. Рут сидела напротив него, сконцентрировавшись на собственных картах. Наполовину проснувшись, причем понимая, что, проснувшись, он испортит всю игру, Винки положил каждую из карт лицевой стороной вверх на покрытую войлоком поверхность стола — Кэрл, Хелен, Пола, Кена и Клиффа. Теперь игра подошла к концу; больше не было возможности делать ставки или вытягивать карты. «Это была семья Рут», — прошептал он печально, просыпаясь еще больше. У него было такое ощущение, будто он подвел итог всем своим утверждениям, которые возникли у него за все прожитое время, включая, нет, даже выделяя, надежды и потери, которые случились в лесу, пусть он и не видел их в этом сне.

Дверь тюремной камеры щелкнула и отворилась. Вошла полного вида тюремщица, жалуюсь агенту Майку на то, что тюрьма не располагает одеждой для такого ничтожно малых размеров преступника, убийцы, и что пришлось сделать для него специальный заказ, а это заняло большую часть этого ужасного дня, а таких почестей он попросту не заслуживает.

— Надены! — крикнула она, кинув медведю связку детской одежды серого цвета, которая тут же выпала из его рук. — Подними! — закричала она теперь.

Винки снимал с себя больничную сорочку и натягивал маленькую футболку и штаны мучительно долго; и на самом деле, агент Майк проворчал: «Господи, ну, наконец-то», когда Винки переоделся. Глядя на эту детскую одежду, медведь подумал, что так его еще не унижали. На передней части футболки трафаретом был нанесен ряд цифр.

— Это твой номер, — сказала тюремщица, четко и злобно выговорив слова, как будто подозреваемый не понимал или притворялся, что не понимает этих простых слов. — Отныне и навсегда. Не забывай его.

Затем она вместе с агентом Майком потащила медведя по очередному коридору, чтобы того сфотографировали и взяли отпечатки пальцев. Его толкнули к белой стене, на которой были нанесены отметки высоты. Пока настраивали фотоаппарат, Винки откашлялся, собираясь с духом, чтобы спросить о Франсуаз...

— Заткнись и улыбайся! — крикнул Майк, и блеснула вспышка.

Пятна в глазах у Винки были похожи на те, что появляются, если помотришь на солнце, поскольку, пока он стоял вот так, шурясь, его внезапно охватило воспоминание о лесе, подробное и незванное, как сон. Вместе со своей малышкой он пробирался сквозь тенистую заросль папоротника, где шелестел и журчал ручей. Увидев воду, малышка облегченно вздохнула.

— Да... — тихо протянул Винки так же, как проделывал это каждый день, поскольку они приходили сюда каждый день; и каждый день на полпути она вздыхала, сначала — когда он нес ее, и теперь — когда они шли рядом сквозь молодые светло-зеленые листья папоротника. — А потом? — задавал вопрос Винки, впрочем, как всегда, говоря о том, что будет после водопоя; и карапуз отвечал, как обычно: «Виолончели» — так малышка шутливо называла скрипящие деревья, потому что Винки однажды заботливо объяснил ей, что скрипка и виолончель — музыкальные инструменты одного семейства.

Затем они оба смеялись, впрочем, как и каждый день, над ее шутками, потому что малышка, конечно же, никогда не видела скрипки и, возможно, никогда и не увидела бы, по крайней мере здесь, в темном лесу...

— Эй! — окликнул Майк, резко дернув за цепь, что была на Винки. — А ну-ка двигай на участок.

Худощавый мужчина в мешковатом сером костюме был крайне раздражен и говорил настолько быстро, что медведь едва его понимал.

— Здравствуйте, мисс Винки. Уже достаточно поздно, у нас не так много времени. Меня зовут Чарльз Неудалый, суд назначил меня вашим защитником, ведь я понимаю, что вы не в состоянии позволить себе адвоката, мне тоже приятно с вами познакомиться, и позвольте сказать вам, что мне сегодня пришлось нелегко: мне необходимо было вас увидеть, но у них была тысяча отговорок, сначала одна, потом другая, и все помощники окружного прокурора смеялись надо мной у меня за спиной, я знаю, смеялись: они всегда смеются, и с какой стати им бы перестать это делать сейчас, но как бы то ни было, гм, все это сейчас в прошлом, и я уверен, что мы с вами подружимся. — Он резко присел, открыл папку и в течение нескольких минут был поглощен изучением большого количества бумаг, на которых были напечатаны слова; он кивал головой и что-то бормотал. Через несколько минут Винки снова откашлялся, дабы поинтересоваться о судьбе Франсуаз, но адвокат поднял руку, сурово нахмурился и закрыл глаза так, будто, перебив его, вы бы причинили ему невыносимую боль. Он продолжал читать еще несколько минут. После этого, даже не поднимая головы, он выпалил в том же темпе:

— Мне пришлось приложить кое-какие усилия, я даже не знаю, как у меня получилось, но мне удалось добиться того, чтобы ФБР рассекретило по крайней мере некоторые из обвинений против вас — как вы видите, — он поднял грудную бумажку и тут же опустил ее, — и хотя мой запрос о залоге был отклонен, так что это не обсуждается. Но, безусловно, вы уже знаете, что в противном случае мы бы с вами не сидели сейчас

здесь, в окружной тюрьме, мы находились бы у меня в офисе или сидели бы где-нибудь в кофейне, согласны? — Щеки Неудалого покрылись розовыми пятнами, и он принялся быстро листать назад документы один за одним. — Наконец мне действительно удалось — опять же, не понимаю, каким образом, но все-таки получилось, несмотря на то что это заняло у меня целый день, и поэтому у нас не так много времени, что крайне неприятно, — но как бы то ни было, мне в итоге удалось пробраться сюда сегодня, ах да, я уже сказал об этом, ужасно повторяться, когда так мало времени, у меня всегда так, и в любом случае, вы видите, как я сижу сейчас здесь перед вами, так что теперь в курсе, как у меня ловко получилось пройти к вам, ха-ха, так, гм, так, угу, так... — От возбуждения его лицо покрылось малиновым румянцем до кончиков ушей, его влажный взгляд метался по комнатенке из угла в угол, и казалось, что он вот-вот охрипнет. — Как я сказал, гм, преступления, в которых вы обвиняетесь, я уверен, вы это знаете, гм, я уверен, в курсе всего этого, тяжкие, весьма и весьма тяжкие. — Хотя покраснения на его лице начали отступать, глаза Неудалого все так же метались из стороны в сторону. Винки даже и не знал, на что смотреть. — И действительно, обвинений так много, они продолжают и продолжают, идут одно за другим, страница за страницей, что, по правде говоря, я с трудом представляю себе целостную картину — я имею в виду, что, конечно же, я понимаю, о чем идет речь, независимо от их количества и сложности, я хочу сказать, что это моя работа. Так, так, так, так, так... О, да, так, теперь я обязан вам сказать, что, мисс Винки, сейчас... подзащитные никогда не желают слышать это, и я не особенно-то умею рассказывать такое... о, ну что же теперь подделаешь?... В сложившейся ситуации я должен подготовить вас... теперь же, не стреляйте в гонца и не принимайте этого близко к сердцу... лично я воспринимаю все близко к сердцу, но вам не следует этого делать... опять же, я не утверждаю, что вас непременно ожидает смертная казнь, это лишь одно из возможных наказаний, их множество, но на самом деле вы должны принять во внимание обществен-

ное мнение по этому вопросу... и позвольте заметить, на данный момент имя Винки является синонимом «радиоактивной падали, плавающей в яде»...

В этот момент скользкий взгляд Неудалого остановился на одном из документов, на котором был плотно напечатан текст, и адвокат снова принялся читать, пролистывая его вперед, затем назад, и, как увидел Винки, от мучительного состояния на его лице не осталось и следа. Другими словами, словно по волшебству, изможденное лицо этого человека оживилось. Ему на глаза упали его прямые седеющие волосы.

— Теперь это... Теперь это, — бормотал Неудалый, тряс указательным пальцем и представляя, что находится в зале суда. Потом он снова затих, быстро перелистывая бумаги, и читал их сосредоточенно, но очень быстро. Винки спокойно вздохнул и через несколько минут погрузился в еще одну беспокойную дрему, полную сновидений.

— Так что надежда есть всегда, не так ли? — неожиданно спросил Неудалый, принявшийся быстро собирать свои вещи. — Именно это вы должны повторять себе. Не волнуйтесь, не волнуйтесь, не волнуйтесь. Просто скажите себе, что, ей-богу, так или иначе, не знаю как, никогда не понимаю как, но как-то, каким-то образом, я выпашу вас отсюда!

Винки был рад, что мистеру Неудалому стало легче, но медвежонка все-таки мучал вопрос, и он должен был его задать.

— Где... — попытался он сказать и почувствовал, что голос не слушается его. Он откашлялся и попытался снова, однако так ничего и не вышло. Адвокат собирался уходить. Схватив его шариковую ручку, Винки нацарапал на столе «Формайка»: «Где Франсуаз?»

— Мистер Винки, что вы делаете? Вы же наносите ущерб общественной собственности, пожалуйста, верните это...

Медведь решительно указал пальцем на имя своей подруги.

— Франсуаз? Кто такая Франсуаз? — произнес Неудалый. — Ничего не знаю ни о какой Франсуаз. — Он помахал рукой.

«БОЛЬНИЦА», — написал на этот раз медведь.

Неудалый оставался озадаченным с минуту, но внезапно его лицо просветилось.

— О, вы имеете в виду соучастницу?

Винки не стал исправлять адвоката и лишь вернул ему ручку.

— Мисс, мисс, мисс — давайте посмотрим — да, да, да, мисс Фуа, мисс Франсуаз Фуа, — невнятно произнес адвокат, листая толстую папку с бумагами. — Или Фау. Можно и так, и так. — Он прищурился, разглядывая одну из бумаг, затем вернулся к предыдущей странице. — Пособничество и подстрекательство... Стала соучастником после совершения преступления. Да, похоже, ее также арестовали. Я ответил на ваш вопрос?

Теперь Неудалый был абсолютно готов уйти, но Винки выглядел совершенно убитым горем.

— Не беспокойтесь! — сказал Неудалый, быстро похлопав медведя по плечу, и направился к двери. Винки не знал, что думать и что чувствовать. — Ну, что ж, хорошо. — Адвокат постучал по двери три раза, дверь отворилась, и Неудалый исчез в коридоре, кинув через плечо: — Не волнуйтесь же!

В другой мрачной комнате, на другом этаже, Франсуаз сидела перед главным следователем. В течение последних двух дней ее безрезультатно допрашивали несколько раз, поэтому было решено устроить ей персональный допрос.

Главный следователь:

— *Нить, которой зашиты раны мисс Винки, точно такая же, как у вас в наборе для шитья. Полное совпадение. Неопровержимо. Бесполезно это отрицать.*

— Как я уже не раз говорила, да, я заштопала его. И я требую адвоката, — отвечала Франсуаз Фуа.

— «Его»? О ком вы говорите? Вы зашили еще одного террориста? Где и когда это произошло?

— Нет, я зашила только медвежонка. Он мальчик, и я уже говорила вам об этом, причем не раз.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, — еще громче рассмеялся главный следователь. — Итак, кто приказал вам «защитить» «его»?

— Никто. Я услышала, как он стонет, и мне захотелось...

— Кто научил вас пользоваться иглой и нитью для лечения огнестрельных ранений?

— Он плюшевое животное, — вздохнула Франсуаз.

— Это ваша версия. Это всего лишь ваша версия.

— Никакая это не версия! Он всего лишь игрушка!

— Всего-лишь игрушка. Кто приказал вам так говорить?

— Никто.

— Итак, вы лжете.

— Моя версия заключается в том, что никакой версии нет, — ответила Франсуаз, снова вздохнув.

— Не умничайте. Хорошо. Конечно. Этот «плюшевый медведь» умеет ходить, разговаривать, устраивать взрывы?

— Я не верю, что он что-то взорвал, но да, он ходит и разговаривает.

— И как вы это объясните?

— У меня нет этому объяснения.

— Сколько же еще плюшевых медведей может ходить и разговаривать?

— Законы матери-природы непостижимы, — через какое-то время сказала Франсуаз.

— Мы поговорим о ваших экстремистских убеждениях чуть позже. Вы лесбиянка?

— Да.

— Хорошо. Это вы признаете.

— Я уже не раз говорила вам о том, что у меня нетрадиционная ориентация.

— Достаточно нетрадиционная, чтобы иметь сношения с тридцатисантиметровым террористом? — пронзительным голосом спросил главный следователь.

— Что?

— Мы знаем наверняка, что вы имели сношения, что мисс Винки соблазнила вас и именно таким образом вы

были затянуты в эту тайную организацию. Именно так она и привлекала всех остальных. Вы в этом не виноваты. Если бы только вы нам открыли правду, мы бы помогли вам.

— Я же сказала, что это мальчик, а мне нравятся девушки, да и, кроме того, он ведь плюшевый медведь.

— Каждому свое.

Тишина воцарилась в комнате.

— Не запрещает ли ислам подобное?

— Запрещает что?

— С уродами тридцать сантиметров ростом!

— Сэр, я агностик и феминистка, и, хотя я соблюдаю многие заповеди ислама, для меня не существует интимных ограничений ни между мужчинами, ни между женщинами, ни между, как вы выразились, уродами.

— Это нам подходит. Итак, однополые сношения с террористами не возбраняются агностиками?

— Я говорю вам, что между нами ничего не было и он не террорист. Он хороший медведь, и он мой друг. Я не хочу сказать, что активная интимная жизнь — это плохо.

— Этот разговор ни к чему не приведет.

— Именно это я и пытаюсь сказать вам все это время.

— Вы меня утомили.

— Я приехала в Америку для того, чтобы быть подальше от таких людей, как вы. Но я, похоже, совершила ошибку!

— О, вы совершили ошибку, отлично.

— Я сказала, что хочу видеть адвоката.

— Мисс Фуа, как вам, конечно же, объяснили, вы — иммигрант и до сих пор еще ни разу не привлекались к уголовной ответственности, следовательно...

— Я гражданка Соединенных Штатов!

— Верно, будьте добры, скройтесь за свободой, которую вы так стремитесь разрушить.

Стоя лицом к лицу с Винки в дверях его камеры, полная тюремщица читала список правил вышеупомянутого заведения: «Я буду уважительно относиться к себе, к своим товарищам-заключенным,

и прежде всего к своим надзирателям...» Ее голова, в коротких и жидких кудрях багряного оттенка, напряженно качалась из стороны в сторону. Винки посмотрел на каждую из четырех белых стен так, будто отсюда можно было убежать, затем — на бейдж поремщицы, на котором было написано: «Помощница Винг».

— И najważнейшее правило из всех, — заканчивала она свою речь, и ее глаза засверкали от импровизации. — Я буду за тобой следить!

Помощник Финч, грузный мужчина, чья лысина была похожа на круглую шапку, зловеще рассмеялся.

— Мы устанавливаем особенное наблюдение за изменниками родины и террористами, — добавил он и толкнул Винки так, что тот упал на спину. — Неделок.

«Вот как все и будет происходить», — не без страха подумал медведь. Он вычислил, что помощник Финч в шесть раз выше его и от тридцати до сорока раз тяжелее, чем он. Винки медленно заполз на ничем не устланные нары, ошупью пытаясь определить, насколько они тверды.

Винг сказала:

— Ты можешь попытаться повеситься или выкинуть что-нибудь еще... — Однако она не стала продолжать. Как будто проводя урок английского языка, она принялась указывать на предметы пальцем и называть их: — Раковина. Кран. Кровать. Еще одна кровать. Дверь. Щель для еды. Табурет. Водосток. Полка. Туалет. Туалетная бумага.

Неожиданно и без единого слова они с Финчем удалились, и тяжелая дверь камеры захлопнулась. Винки был уже готов вздохнуть с облегчением, как вдруг увидел эту парочку за окном с колючей проволокой, что было вырезано в двери. Они глупо ухмылялись и махали ему руками. Эта сцена продолжалась еще некоторое время, и когда наконец стало казаться, что поремщики подустали от этого занятия, в окне появился какой-то заключенный и дверь отворилась.

— Эй! — окликнула прибывшая тощая женщина с рыже-седыми волосами и миловидными очками, какие носят старушки. К этому моменту она была единственной белой заключенной,

которую Винки здесь встречал. — Презент! Домашняя трепка!

Тяжелая книга просвистела мимо морды медведя. Сквозь последовавший за этим смех помощник Финч прокричал что-то о «таком, как ты», и дверь снова захлопнулась.

Они наблюдали за медведем еще какое-то время, но вскоре Винки услышал, как их откуда-то позвал властный голос, и тут же из окна стала видна лишь белая стена коридора. В этой внезапной тишине Винки подошел к книге, поднял ее и увидел, что это был Коран.

* * *

— О, я навел справки по поводу мисс, гм, мисс, гм, гм, Фуа, — сказал Неудалый несколько дней спустя, когда вытаскивал бумаги из раздутого портфеля.

Винки обрадовался, правда, совсем немного.

— Я не знаю, я думаю, что, возможно, все испортил.

Винки опечалился.

— Ну, не то чтобы испортил...

Винки обрадовался.

— Ну, может, и испортил. Не знаю... — Неудалый достал из портфеля большую катушку серебристого кабеля и вопросительно посмотрел на него.

— Ха, я удивлен, что они не забрали у меня это, когда я вошел сюда. Я хочу сказать, что приносить сюда вещи противозаконно, практически все противозаконно. — Он протянул кабель Винки. — Он вам нужен?

Медведь яростно покачал головой.

— Да, наверное, у вас нет причины для этого. — Он покраснел. — Гм, как бы то ни было, как бы то ни было, как бы то ни было...

Винки уставился на него.

— О да, мисс Фуа, мисс Фуа, гм, боюсь, что мог все испортить. Помощник прокурора сказал, что я чрезвычайно интересуюсь судьбой свидетеля. На это я ответил: «Угу, ничего, угу, подобного», а она сказала: «Зачем же вы тогда справлялись о

ней?», и я сказал: «Да так», а она отвечает... — Этот рассказ продолжался еще очень долго, пока Неудальный рассеянно просматривал бумаги. — И наконец я сказал: «Гм, и где же теперь мисс Фуа?», и она ответила: «Ну, вообще-то мы уже собирались ее освободить, но теперь, похоже, не выпустим, я полагаю, нам придется допрашивать ее еще», и так далее и тому подобное, с этой своей улыбочкой — и все говорят, что у нее с главным прокурором, гм, вы понимаете... Гм, так, гм, как бы то ни было, я попытался сказать: «Гм, это, конечно же, очень несправедливо по отношению к мисс Фуа», на что она ответила: «Это не моя проблема», и я в итоге... Я немного погорячился. — Он вытащил вторую катушку кабеля из портфеля, пожал плечами и вернулся к бумагам. — Но теперь, когда я думаю об этом, гм, они, скорее всего, и не собирались освобождать ее. Да, они наверняка просто дразнили меня. Должно быть, это так, потому что они любят этим заниматься...

Винки думал, что вполне может расплакаться от разочарования и гнева, когда Неудальный вдруг оторвал взгляд от своего портфеля и его маленькие голубые мечущиеся глаза, как ни странно, замерли на мгновение.

— Я лишь надеюсь, что не ухудшил положение вашей подруги, — сказал он простодушно.

Теперь медведь не мог решить, стоит ли его простить или задушить.

— Гм, гм, гм, гм, — продолжал Неудальный. — Как бы то ни было, как бы то ни было... Так, как бы то ни было... Так, так, так...

Именем Бога, сострадающего и милосердного...

В то время как Винки пытался читать, помощница Винг и ее старушка-заключенная, которая успела заслужить определенные привилегии образцовым поведением, стояли у окна камеры, сложив руки и пародируя молитву.

— Полотенчатый, — пропела старушка, которую звали Рэнди.

Это началось в тот момент, как он сюда попал. Когда бы он ни брал в руки книгу, казалось, вот они, снова у окна, глумятся обе

или одна из них, либо какой-нибудь другой охранник и другой заключенный. Винки с презрением отвернулся, но, как обычно, Рэнди начинала стучать по толстому стеклу ногтями, покрытыми толстым слоем лака, напевая «полотенчатый» снова и снова.

Медведь вздохнул. «Что ж, у меня матерчатая голова, — думал он, — и что с того?»

Он пропустил несколько страниц и попытался сконцентрироваться. Во время многочисленных допросов главный следователь часто цитировал Коран, и казалось, он думает, будто медведь знает его весь и, более того, неверно его истолковывает, дабы оправдать преступления, в которых его обвиняют. Винки не проявлял к этому никакого интереса и не реагировал на подобные доводы, однако сама книга пробудила в нем любопытство. Она являлась единственным, что ему было позволено читать, и все же каждый раз, когда он открывал ее, у него вырывалась насмешка. К сожалению, книга эта была сложна для понимания, и Винки удавалось не столь много прочесть к тому моменту, когда от полной неразберихи у него начинали слипаться глаза.

Неужели вы считаете, что войдете в райский сад, не пройдя через испытания тех, кто покинул сей мир до вас?

— В общем-то да, — пробормотал медведь несколько обиженно. — А почему нет? — Он подумал: «Кроме того, что если ты уже побывал в райском саду и потерял его? Возможно ли было вернуть его, если пройти через новые испытания? Если это так, почему же их так много?» — Возмущившись, Винки снова пропустил несколько страниц.

...Когда Господь решает что-либо, Господь говорит: «Да будет так!», и его воля выполняется.

Винки закрыл глаза и открыл их снова. Слова прошли по нему, словно нож. Ведь если это и вправду было так: если Господь решил, что Винки будет жить, — тогда почему? Для чего он даровал медведю свободу и тут же ее отнял? Не лучше ли было бы совсем не иметь надежды?

— Ака-мака ха-му! — выкрикнула Рэнди на «арабском». У помощницы Винг вырвался смех, похожий на лай.

Винки свернулся клубком у книги, чтобы его мучители не заметили, как он плачет.

Убедительно шурша мантией, судья спешил из своего личного кабинета в зал суда.

— Всем встать! — Церемония его приветствия была единственным мгновением дня, от которого судья получал удовольствие. В абсолютной тишине он поднялся по трем ступенькам к своему величественному креслу...

— Ваша честь, ги, ваша честь, позвольте заверить вас... — начал Неудалый.

— Заверить меня в чем? — спросил судья, основательно сбитый с толку. — Советник, я даже еще не заговорил. — Он присел на кресло, напустив на себя раздраженный вид.

— О, конечно же, судья, я извиняюсь. Это, это все выражение вашего лица... Я воспринял его так, будто вы желаете что-то заявить...

Прокурор и его любимая помощница едва сдерживали смех, а судья несколько раз ударил молоточком.

— Советник, — обратился он к Неудалому, — теперь я начну. Затем продолжите вы, основываясь на том, что я скажу. Понятно?

— Да, конечно, судья, да, о да, естественно...

Судья снова ударил молоточком.

— Так, на чем мы остановились? — Он раздраженно потер глаза, но не для того, чтобы на минуту забыть, а для того, чтобы не видеть этого высокого, худого, растрепанного Неудалого, который стоял перед ним с таким жалким видом, будто на самом деле предстал обнаженным перед самим Господом. От этого он чувствовал себя так, словно он сам, судья, стоял сейчас обнаженным перед лицом Бога. Представив то, как он, должно быть, выглядит сейчас на глазах у присутствующих в зале суда: свое розовое толстое раздраженное лицо поверх черной мантии, — он вздрогнул от неожиданного и странного смущения.

— Сокрытие улики? — подсказал прокурор, довольно улыбаясь.

— Да, — ответил судья.

— Ваша честь, ваша честь, ваша честь, ваша честь! — никак не мог уговориться Неудалый. — Позвольте...

Судья старался не смотреть на него.

— Что вам позволить?

— Выступить. Я хочу выступить с речью.

Судья понял, что еще никогда не встречал более мерзкого создания, чем господин Чарльз Неудалый Четвертый. Этот человек с бледным лицом, качающийся из стороны в сторону в своем мешковатом сером костюме, краснел от смущения. Еще более остро, чем когда-либо, судья почувствовал, что вся его жизнь — отвратительный обман и что больше так не может продолжаться. Так... просто... не может... дальше... продолжаться! Его черная мантия стала невыносимо тяжелой и горячей. Он ощутил покалывание во всем теле. «Что будет, если я просто-напросто разорву ее, и окажется, что под ней на мне женское белье, и затем выйду из зала с криком «Достали!» — подумал он, чтобы успокоиться. Это ничуть не успокоило его, однако по крайней мере позволило сделать жест рукой и дать понять Неудалому, что тот может продолжать.

И все же защитник стоял, нахмурившись и не говоря ни слова, уставившись в пол, будто в бесчувствии.

— Мистер Неудалый, — громко вырвалось у судьи. Он надеялся, что, если заговорит очень громко, он добьется своего. Но это не сработало.

— Что? — сказал Неудалый мгновение или два спустя, как будто испугавшись.

— Вы намеревались что-то сообщить суду?

— О, я и не знал, что уже могу это сделать.

Судья посмотрел в потолок, состоявший из множества прямоугольников белого цвета и ламп.

— Я лишь сказал, что уже можете.

— О, о, о. Я вас не услышал. Странно. Странно... — Его глаза двигались в разные стороны, и Неудалый выглядел так, будто никогда не сможет выбраться из затруднительной ситуации, в которой находится.

— Я указал жестом, — последовало от судьи, который не-навидел себя за то, что разговаривает с этим неудачником, причем на его же условиях.

Покрытое пятнами лицо Неудалого засияло от облегчения, словно ему вылили бальзам на душу.

— А это все объясняет, — пробормотал он. — Так, так, так, так...

Судье захотелось узнать, получится ли у него провести заседание и больше ни разу не посмотреть на защитника?

Время отхода ко сну здесь называли «вырубай свет», но светящийся предмет, похожий на пончик, что висел над бетонной кроватью Винки, горел всю ночь. Тусклый свет вдруг каким-то образом становился то голубым, то зеленым, то оранжевым; и он мерцал сотни раз в секунду, словно крылья мотылька. Рядом с лампой находилась камера наблюдения — безжизненное одноглазое существо.

Который был час? В тюрьме время летело странным образом, и особенно причудливо — ночью. Из другого конца тюремного блока раздался крик молодой женщины. Рэнди завопила: «Глупая стерва!» — и крик утих.

Детский костюм с тюремным номером Винки отдавал стиральным порошком, и от этого его потертый мех чесался. Днем это не доставляло медведю особого беспокойства, однако ночью, во время которой было так же светло как и днем, непрекращающийся зуд здесь и там становился невыносимым, и он принимался чесать себя. То небольшое количество меха, что оставалось у него на животе, постепенно стиралось, и даже во сне он понимал, что это необходимо прекратить, но не мог остановиться. Он царапал и царапал себя. Казалось, это приносит ему какое-то странное облегчение, временное облегчение; когда он чесался, он как будто бы ни о чем не думал. Перед тем как пойти спать, он старался доказать себе, что, если Винг или Финч найдут клочки меха на полу в камере, его непременно накажут, однако это не приносило никакой пользы. Каждую ночь он раздирает свое тело когтями.

Однажды он попытался просто снять с себя одежду, и на самом деле это принесло облегчение. Однако, наслаждаясь наготой, он пролежал лишь несколько минут: вскоре один из ночных охранников застучал по окну и приказал «мерзкой стерве» надеть свою чертову футболку обратно сейчас же, пока его охранника не стошнило на видеомонитор.

Винки повернулся на бок, замер, довольствуясь временным облегчением зуда и глядя на шершавую белую стену. Хижина, больница, тюрьма: то и дело его жизнь приходила к тупику, и что же будет, если это никогда не прекратится? От мысли об этом беспощадные линии и плоскости его камеры казались еще более суровыми, словно он пытался грызть эти бетонные блоки, этот металлический унитаз, раковину и полку, сделанную из какого-то крайне твердого, бежевого в крапинку, материала. Он лениво постучал по нему когтями, зная, что это не оставит на полке следов.

Послышался крик, затем — «Глупая стерва!» — и вновь тишина, в которой лишь раздавалось эхо.

В углах камеры высыхали бело-серые лужицы ядовитого средства для мытья пола в тюрьме. Иногда медведь закрывал глаза и представлял, что находится в лесу у быстрого ручья. Это означало: ему придется вспомнить о своем ребенке, что было равнозначно пытке. Он почувствовал первый приступ зуда и не стал ему сопротивляться, а снова принялся чесать живот, сначала медленно, потом быстрее, во всю силу. Вот уже прошли недели, как он находился в изоляции, и ему даже не позволили присутствовать на предварительном слушании собственного дела, хотя оно его не особенно-то и интересовало. Каждый день у него было в распоряжении пятнадцать минут для того, чтобы побыть на свежем воздухе, во внутреннем дворе из бетона, в одиночестве; и все равно это право аннулировалось из-за такого нарушения, как хмурый взгляд, который Винки, случалось, бросал в сторону Винг. Новостей о Франсуаз больше не было. Винки впал в беспокойную рассеянность. Он весь чесался.

— «Да, о да, конечно, о да, естественно, — лихорадочно бормотал судья. — ... Выражение вашего лица... — Его большая голова качалась из стороны в сторону, и его глаза метались под веками. — Позвольте заверить вас... Позвольте... Позвольте... Ваша честь, позвольте заверить вас...»

Главный следователь спрятал голову под подушку, сопя в темноте.

— Должны же они как-то расколоться! — еле слышно бормотал он.

К этому моменту мисс Винки и мисс Фуа допросили великое множество раз. Однако, несмотря на все угрозы и приманки, этот карликовый вдохновитель террористической организации не произнес ни слова, а лесбиянка продолжала плести свой сводящий с ума рассказ. «Их неплохо обучили», — размышлял детектив. Цепочка зловещих деяний этой парочки продолжала расти у него в уме, включая в себя различные преступления, каждое из которого было тщательно спланировано и совершено с целью особым образом уничтожить жизнь нации. Ночью их план представлялся ему особенно ясно.

— Да. Все сходится. Теперь понимаю! — сказал он вслух, будто дошел до этого впервые. На самом деле тайная организации была настолько огромна, настолько сложно организована, что ему приходилось убеждать себя в этом снова и снова, и каждый раз он был ошеломлен. Он упрямо смотрел в темноту, представляя, как преступник-карлик и его египетская сообщница нарушают все мыслимые законы цивилизованного общества. «Они думали, что не можем такое вообразить, — появилась у следователя мысль. — И в каком-то смысле, в этом и заключается их чертов гений. Но мы можем представить себе это. — Он сбросил с себя покрывала. — Что бы они ни придумали, мы можем представить себе это, даже если оно было бы в двадцать раз страшнее!»

Следователь перевернулся на другой бок и ударил по подушке. Пыль попала ему в ноздри. Нераскрытые преступления, накопившиеся за годы, начали наконец сплетаться в единую

картину. Он принялся обдумывать, на представителей каких этнических групп необходимо устроить облаву; какого возраста будут эти люди; каких сотрудников телевидения и радио и высокопоставленных чиновников следует привлечь; каким агентам он бы мог доверить расследование тех сторон работы секретной организации, о которых стал задумываться лишь теперь...

— Да, да, нет, черт, нет, да, — шептал он, мысленно просматривая воображаемый список людей.

Но временами, как сейчас, например, ему казалось, что из темноты появляется странное лицо этого маленького террориста, с грустью глядящего на него, освещенного прожектором и загнанного; его бьет ветер, что идет от вертолета — и все же он на что-то надеется.

Детектив заставил себя вернуться к размышлениям о расследовании.

— Генеральный прокурор предоставил мне карт-бланш, — тренировался он для того, чтобы позже сказать это напуганной мисс Винки. — Карт-бланш, черт возьми. КАРТ-БЛАНШ!

— Мисс Винки, как ваш адвокат я обязан, я действительно должен настойчиво потребовать... действительно должен, — сказал Неудалый однажды утром. Он снова пытался вытянуть из медведя воспоминания о месяцах и днях, которые предшествовали аресту.

Винки лишь пожал плечами.

— Мисс Винки, я не могу, я просто не в состоянии помочь вам, мисс Винки, если вы не... — Он высморкался в платок «Клинекс», украшенный цветочным узором. — Как ваш адвокат, как ваш единственный защитник считаю своим долгом, действительно своим священным долгом, задавать подобные вопросы, мисс Винки, даже если они причиняют боль...

Медведь смотрел в пол. Он понимал, что ведет себя как ребенок, но казалось, он не может не вести себя так, как не может не чесаться каждую ночь.

— Хорошо, хорошо, гм, давайте, может быть, вернемся к началу, — вздохнул Неудалый. — Где, то есть в каком городе, вы родились?

Полнейшее невежество этого вопроса привело медведя в ярость, и он энергично покачал головой. Его не рождали, его создали. С какой стати он должен это объяснять?

— Так, значит, вы мне так и не ответите, где родились? — спросил Неудалый.

Медведь закатил глаза и вскинул вверх лапы, но затем Неудалый, видимо сильно разочаровавшись, пришел к верному ответу.

— Что ж, полагаю, вы хотите сказать, что вовсе не рождались?

Винки удивленно посмотрел на мужчину и кивнул головой.

— Гм, но что вы под этим подразумеваете?

Винки снова закатил глаза: он не мог понять, что бесило его больше — необходимость отвечать на эти глупые вопросы или то, что он появился на свет. Он начал имитировать, как резали материал ножницами, сшивали его, а потом он указал на себя жестом, смысл которого можно было расшифровать как «вуаля».

— Ножницы... Шитье... Вас сшили?.. — Неудалый положил свою ручку. Приглядываясь к медведю, видимо, впервые, его голубые глазенки расширились, и он удивленно втянул подбородок. — Ах, надо же, конечно, конечно, конечно, я так и знал. — Он вертел в руках ручку. — Я, гм, ну, тогда, ну, тогда.. Где вас сделали?

Медведь не отвечал.

— Полагаю, в мастерской или на фабрике?

Винки кивнул головой еще раз, и Неудалый сделал запись.

— Отлично. И не могли бы вы мне сказать, где находилась эта мастерская?

Винки не удержался от того, чтобы не вспомнить это место. Однако, несмотря на свою яркость, этот образ ничем не помог Неудалому. Медведь пожал плечами. Как бы то ни было, какая была разница в том, где находилось это место?

— Не знает, — прошептал адвокат и сделал запись. — Угу... Так.. Хорошо... И что же произошло потом? Может, я буду говорить названия, и тогда вы скажете, не говорят ли они вам

о чем-либо? — Медведь вздохнул, но Неудалый не обратил на это внимания. Его голос стал удивительно тихим и спокойным. — Лондон, Рио-де-Жанейро, Пукипси, Бангкок, Чикаго...

Винки яростно закачал головой.

— Бангкок?

Медведь широко раскрыл глаза от разочарования.

— Чикаго?

Винки снова кивнул.

— И когда же это было?

Медведь отошел от него как можно дальше.

— Ах, очень давно, — сказал Неудалый.

Винки не желал ничего чувствовать, однако даже эти слова растопили его сердце, и воспоминания полились потоком.

— Должно быть, вы были очень молоды, когда жили там, — сказал адвокат.

Винки согласился, печально кивнув головой.

И таким способом, постепенно, в течение следующих нескольких дней, Неудалый смог в общих чертах отобразить жизнь медведя. Вскоре Винки не имел ничего против его вопросов, поскольку чем больше узнавал Неудалый, тем все более интересными становились вопросы. Этот человек оказался способным на поразительную внимательность и сочувствие. Под конец им начало казаться, что их умы работают как один.

— Когда вы испытываете желание что-то сделать, — спросил Неудалый, — нет ли у вас такого ощущения, что вы только что проснулись, или в вас начал бить фонтан, или вас освободили?

Винки указал на середину стола, желая сказать, что выбирает второй вариант.

— Может, как фонтан, — сказал Неудалый. — Понял. Поток воды или тонкая струя?

Медведь пожал плечами.

— Как сказать. Хорошо. А это похоже на поток воды с разноцветными пузырьками на солнце или темные подземные воды в пещере?

Винки указал вправо.

— Ах, пещера, — удовлетворенно промолвил Неудалый, записывая полученную информацию.

Среди нескольких новых прав, которых Винки удостоился на этой неделе, были и более продолжительные визиты к нему его адвоката. Начиная с понедельника на своем подносе на обед и ужин он обнаруживал то печенье с ореховым маслом, то кусочек замороженного пирожного, хотя и несвежего. Во вторник днем его привели во двор для тренировок, хотя вторник не был «его» днем, и в ту ночь даже лампа над его кроватью в камере погасла. Медведь на самом деле спал. Но самым странным было то, что и Винг, и Финч стали чрезвычайно вежливы.

— Мисс Винки, согласно приказу начальника тюрьмы я рад сообщить вам, что вы при сем освобождаетесь от одиночного заключения, — произнес помощник Финч с улыбкой, отпирая дверь камеры Винки в среду утром. — За примерное поведение.

Винки не замечал, что его поведение изменилось в последнее время, разве только, возможно, было принято во внимание его растущее отчаяние. Между ног Финч он разглядывал других заключенных, собравшихся у нескольких металлических столов на общей площадке. Рэнди радостно помахала ему рукой.

— Идите, — снисходительно сказал Финч, двигаясь в направлении стола. — Позволь представить тебя твоим товарищам!

Неделя чудес продолжилась двумя сеансами кино, соревнованием по игре в бадминтон, домашним мороженым и концертом местного струнного квартета на общей площадке. Во время антракта Рэнди наклонилась назад и прошептала медведю:

— Я считаю, то, что ты собираешься уничтожить Америку, — просто великолепно. — Она ухмыльнулась, довольно шмыгая носом. Подобные попытки вовлечь Винки в обличительный разговор лишь служили ему напоминанием о том, что он должен быть настороже. Как и всегда, он ничего не ответил.

Он все же не мог не волноваться, слушая музыку, и в конце концерта ему пришлось сдерживать слезы, когда он помогал убирать металлические складные стулья. Он лишь успел положить пятый стул на стойку, как помощница Винг позвала его:

— Ах, мисс Винки, к вам пришел человек, которого вы определенно захотите увидеть!

Медведь обернулся и увидел, как Франсуаз только запустили в тюремный блок. Она выглядела озабоченной и была напряжена, но потом поймала на себе взгляд Винки и улыбнулась.

— Иди сюда, медвежонок, — промолвила она, приседая.

Винки подбежал, забрался к ней на колени и зарыдал.

— Шшш, — успокаивала его она, поглаживая его уши. — Не волнуйся, медвежонок. Не волнуйся.

Винки жалобно смотрел на нее.

— Да, я в порядке, — ответила она, добавив, что ее подруга нашла для нее адвоката через профсоюз медработников. — На следующей неделе у меня слушание дела. Там будут все: наши друзья из Центра представителей нетрадиционной ориентации, люди из профсоюза, наши знакомые-египтяне. Некоторые из них устроят акцию протеста у здания суда! — Винки не знал наверняка значения сказанного, но ее голос успокоил его. Они присели у одного из столов, что стоял подальше, и Франсуаз заметила, как же повезло, что ее перераспределили в этот блок. Рядом кругами ходили заключенные, вслушиваясь, но Винки не обращал на них никакого внимания.

— Мои друзья — это все, что у меня есть, — сказала Франсуаз. — Вчера я получила письмо от сестры из Каира. Его отдал мне мой адвокат, и лучше бы он этого не делал. Она пишет, что наши родители и она сама надеются на то, что мой арест убедит меня в том, что я живу неправильно. — Франсуаз вздохнула. — Письмо очень огорчило меня.

Винки кивнул, кладя лапу на ее руку.

— Пятнадцать лет назад сестра приезжала ко мне в гости из Каира, и, когда она увидела, что у нас с подругой в квартире на

двоих одна кровать, она спросила: «Но где же спит Марианна?» Я ответила, что мы с Марианной спим в одной постели, потому что любим друг друга. Сестра заплакала: «Ох, я не верю этому! О нет, Франсуаз, ты должна прекратить это! Должна прекратить!» И я сказала: «Давай, милая, поплачь, потому что все равно ничего не изменится».

Винки было жаль, что он не знает, что сказать ей в такой момент.

— Но мы не должны забывать о том, что у нас было хорошего. Знаешь, медвежонок, однажды я уже попадала в тюрьму — из-за гигантской крысы! — Она рассмеялась, но Винки выглядел озадаченным. — Ты никогда не видел этой крысы? Мы иногда даем ее и другому профсоюзу, пользуемся ею на забастовках. Понимаешь, чтобы выразить протест. Она три или четыре метра высотой, и есть аппарат, который надувает ее. В больнице ее ненавидят — она наше секретное оружие! — Она снова засмеялась, и Винки вслед за ней. — Так что мы с Марианной рано утром идем в больницу, чтобы надуть крысу, но этот аппарат работает ужасно, и даже спустя час в крысе лишь немного воздуха. Марианна твердит ей снова и снова: «Поднимайся, глупая крыса!», но она ни в какую, продолжает лежать на боку, и мы все смеемся. Потом приходит полиция и арестовывает нас: видите ли, крыса лежит на больничной собственности.

Когда они вместе смеялись, Винки ощущал чуть ли не гордость за громадную крысу — за способность этого братского полусущества приводить в ужас и одновременно вызывать смех. Тихий смех Франсуаз нежно его убаюкивал, и на мгновение он почувствовал себя прежним.

И в этот момент он увидел Финча и главного следователя в окне двери. Помощник, казалось, никак не мог открыть дверь, следователь кричал, чтобы тот поторопился. Теперь поспешила Винг и провела по замку своей магнитной картой. Дверь издала характерный щелчок, и следователь вошел с воплем:

— Трус проклятый, чертова дрянь, ты здесь, ничтожество, маленький вонючий!..

Он прошел вперед и схватил напуганного медведя с колен его подруги.

Франсуаз закричала, и Винки протянул к ней руки. Следователь держал его за износившуюся шею, а медвежонок болтал ногами в воздухе. Финч надел на его запястья миниатюрные наручники, а затем и на его лодыжки, которыми он изо всех сил отбивался от них. Медведь тут же почувствовал себя уставшим.

— Этот твой маленький друг думал, что у него пройдет номер с тем, что он якобы женщина, — сказал следователь, очевидно, в сторону Франсуаз. Он передал Винки в руки Финча. — Думал, что избавишься от нас? Думал, что здесь будет легче? Тебе нравится гулять с дамами?

— Похабщина, — пробормотал Финч, держа медведя подальше от себя.

Винг фыркнула.

— Сэр, я вам говорила, причем не раз, что этот медведь мужского пола, — вступилась за друга Франсуаз.

— Что ж, тебе повезло. Судебный спектральный анализ подтвердил это, — ответил следователь. — Пойдем.

Когда Винки уводили, ему удалось в последний раз взглянуть на Франсуаз. Она плакала. Закованный в наручники, он смог лишь приподнять свою матерчатую лапу, чтобы как-то попрощаться.

— Эй! — позвала Рэнди. — Я слышала, как они говорили о каком-то секретном оружии.

Следователь тут же остановился.

— Что? — Он приказал увести медведя, а сам остался, чтобы расспросить доносчицу.

Винки все пытался постигнуть, как же так получилось, что его посадили в тюрьму, если в хижине он и так был словно в заключении. Он думал о том, что аресты сменяют один другого, так что куда бы Финч его сейчас ни отвел, его, наверное, задержат и там, и ему придется пройти через следующий уровень наказания. Помощник грубо толкнул его на ледяной пол

лифта, и после того как они проехали в нем около десяти секунд (то ли вниз, то ли вверх, Винки не мог понять), тяжелые металлические двери неохотно, с грохотом раскрылись, и из лифта открылся вид точно на такой же белый вестибюль, какой они только что покинули. Винки прищурился. Отличие заключалось лишь в том, что крики были отдаленней да звук свистков звучал ниже.

Еще больше коридоров, охраны, запертых дверей. У Винки было такое ощущение, что все это появляется только сейчас, специально для него, и он поражался, каким бесконечным может быть этот белый лабиринт. Наконец Финч привел его к камере. Но перед ними в помещение заходила группа людей в черной одежде, приобретенной на распродаже.

— В чем дело? — спросил Финч.

— Облава, — отозвался один из них.

Дверь за ними громко захлопнулась, и Винки мог слышать стук их тяжелых ботинок по полу коридора.

— Черт, — сказал Финч. Он повернулся лицом к двум офицерам, стоящим у пульта, но от них не последовало ответа. Через мгновение один из них сделал едва заметный жест подбородком, указывая на другую дверь. — Ребята, — пожал Финч плечами, — я ничего не мог поделать.

Он хотел сказать, что не было его вины в том, что ему пришлось привести столь презренного преступника. Финчу было стыдно даже охранять его. Винки понял это. Два офицера молча открыли вторую дверь, и Финч втолкнул в нее медведя.

Даже отсюда Винки мог слышать приглушенные крики. В примыкающей камере они с Финчем прождали некоторое время. Дверь заудела, и появилась помощница Винг.

— Я слышала, ты застрял здесь с этим маленьким ублюдком, — сказала она.

— Да, — урюмо отреагировал ее коллега. Он уже не раз жаловался на то, что его смена закончилась.

Винг показала головой в сторону, откуда доносился приглушенный крик.

— Кто-то опять бросается дерьмом?

— Похоже на то.

Винки слышал, как об этом упоминалось и раньше, но лишь теперь он понял, что это слово упоминалось в буквальном смысле. Теперь он понимал, что они говорили о необузданном, животном отчаянии, от которого заключенные бросали своими испражнениями в тех, кто их лишил свободы. Мысль об этом наполнила его таким же диким, животным отвращением. Он полагал, что в чувстве отвращения и есть все дело. В этот же момент до него дошло, что помощница Винг влюблена в помощника Финча.

— Ну и чем же вы с этим недоделком занимались целый день? — спросила она с неподдельным интересом. — Он опять переключился на девочек?

Финч лишь что-то промычал.

— Эй, может, это развеселит тебя? — сказала Винг, протягивая ему листок из небольшой стопки бумаг и конвертов, которая была у нее в руке. — Я получила это от своего друга из федеральной тюрьмы. Прочти.

Финч наклонился к листу.

— Нет, вслух, — приказала Винг. — Я хочу, чтобы заключенный это тоже слышал.

Он откашлялся.

— «Кто такой тюремный чиновник? — начал он. — Тюремный чиновник представляет собой совокупность всего того, из чего состоят люди, смесь святого и грешника, ничтожества и божества. Из всех людей в тюремном чиновнике нуждаются более всего, и в то же время он лишний. Странно, но тюремный чиновник — это существо без имени, к которому в лицо обращаются «сэр» или «мэм», а за спиной презрительно называют копом...» — Этот этюд продолжался несколько минут, пока Финч не прочитал его весь с чувством. — «Тюремный чиновник должен быть министром, социальным работником, грубияном и ласковым. И, конечно же, они должны быть гениями. Потому что им приходится кормить семью на свою зарплату».

Финч тряхнул головой и какое-то время ничего не говорил.

— Это чистая правда.

Винг пристально посмотрела на медведя.

— Может, теперь ты увидишь, каково приходится нам, — сказала она, будто проводила здесь свои дни, проявляя излишнюю заботу о заключенных. Станным было то, что Винки и в самом деле понимал, каково приходится Винг. Его вечное сострадание проявило себя и здесь, практически против его воли, и мгновение он смотрел на помощников Винг и Финча с какой-то новой грустью.

— И глянь-ка, я принесла маленькой мисс, мистеру, неважно, Винки, письма, — сказала Винг неожиданно радостно. — Ты этому веришь? Это маленькое он-она получает письма! — Комично имитируя фанфары, она положила небольшую стопку конвертов на пластиковую поверхность стола.

Медведь «исправился» и начал испытывать к ней прежнюю ненависть. Сначала он не двигался — он не хотел попасться на удочку, — но вскоре любопытство победило. Как только он дотронулся до конвертов, Винг резко выхватила их. Винки успел разглядеть адрес отправителя вверху конверта — Клифф Чейз.

— Постой, постой, постой! — воскликнула Винг. — Мы с помощником Финчем должны сами сначала просмотреть их. Убедиться, что там нет ничего подозрительного.

Финч хихикнул. Конверты были разорваны, их, несомненно, уже проверили власти. Неужели одно из них действительно могло быть от Клиффа, мальчика, которого он когда-то знал? О чем оно? Винки был не в состоянии это выяснить, и от этого из его глаз хлынули слезы досады.

— Ай-я-яй, глянь-ка на него! — сказала Винг. — Мавенький теволист пвачет! — Финч засмеялся еще сильнее, и его рот превратился в маленькую букву «о». Винг достала из стопки цветной конверт и зачитала вслух:

— «Дорогой захватчик!» Надо думать, это ты, плакса. «Не упускай такой возможности совершить великолепное кругосветное путешествие! Зарегистрируйся сейчас!»

От смеха у Финча начало колоть в боку, но Винки не обращал на это внимания. Он все смотрел на стопку писем, внушая ей приблизиться к нему.

— Трудновато будет отправиться в путешествие, — сказала Винг, утверждая очевидный факт, — когда ты сидишь в газовой камере! Но черт с ним. — Она нашла анкету для регистрации и достала ручку. — Так. Имя: Мохаммед Подлый Голубой Предатель Винки Третий. Адрес: Отделение Управления исправительных учреждений, округ...

Финч уже просто выл.

— Отправь его! Отправь! — вопил он.

— Ах, пошлю! И карлик-счастливчик тоже выиграет! — Винг поставила печать на конверт, который собиралась ото-слать, и собрала все письма Винки, кокетливо похлопав ими Финча по плечу. — До встречи!

Она ушла, и Винки увидел, как его письма ушли вместе с ней.

Примерно в полночь Финч и полицейский из мужской тюрьмы отвели арестованного в его новую камеру.

— Это Дэррил, — обмолвился полицейский, указывая на массивное храпящее существо, закутанное в одеяло и спящее на нижней полке. — Не беспокойся — его утихомирили.

Винки посмотрел на него: спящая глыба со скрежетом вдохнула воздух и снова выдохнула. Затем он пригляделся к своей койке, что была наверху, и ему стало интересно, как же у него получится забраться на нее так, чтобы не наступить на человека, по поводу которого он не должен был беспокоиться.

— Я слышал, что твой новый сокамерник — тот еще герой, — сказал Финч, стоя в дверях. Он зевнул. — Эй, Уолтер, нельзя ли поторопиться?

Помощник Уолтер осторожно снял крошечные наручники с медведя. Он был намного старше Финча и казался более приятным. Его лицо было багровым от загара и морщинистым.

— Большую часть времени Дэррил ведет себя нормально, — прошептал он, поднимая Винки на верхнюю койку, — но сегодня нам пришлось его немного успокоить. Он запустил, гм, чем-то в начальника.

И снова свет не гас. Казалось, что этот свет и это время будут длиться бесконечно, когда Дэррил сопел и храпел. Письма, которые так и не прочитал Винки, танцевали перед глазами медвежонок. Он начал чесаться. Медвежонок думал о том далеком утре, когда сидел на коленях у младшего сына Рут, Клиффа, с которым они вместе наблюдали за тем, как мать печет печенье. Девочки были в колледже, а двоих других мальчиков можно было пока не ждать из школы. В те времена, когда Клиффу было четыре года — так бывало частенько, — дома находились только мать, мальчик и Винки. Что-то напевая, Рут достала из шкафа еще один противень и принялась натирать клочок вощеной бумаги, который положила на него, кусочком кулинарного жира «Криско». По радио звучала симфония, в которой были слышны лишь металлические звуки. На окно, что было над раковиной, упали последние несколько капель ливня. Как и тогда, сейчас по телу медведя пробежала приятная дрожь. На улице было холодно и сыро, а на кухне Рут царил уют, отдающий ароматом печеного сахара и теста.

— Винки собирается испечь синее печенье, — сказал Клифф.

— Синее печенье? — переспросила Рут.

— Да, — радостно заерзал мальчик.

— Хорошо, теперь я припоминаю, как он это говорил, — сказала Рут.

Как тогда, так и сейчас медведь старался не упустить ни малейшего нюанса того сладкого мгновенья, когда он неожиданно удачно оказался в центре внимания.

— Винки будет есть синее печенье? — спросила Рут, заканчивая выкладывать аккуратный ряд из кусочков теста на противень.

— Нет, он будет продавать их.

Рут рассмеялась.

— Что ж, нам не помешает дополнительный доход. — Сквозь тонкие стены Винки, бывало, слышал, как Рут жалуется мужу, потерявшему работу, на отсутствие денег. Но в тот момент она была в хорошем настроении, и это было абсолютно необъяснимо, всегда необъяснимо, потому что даже за тридцать лет Винки не сумел постичь тайну ее настроения или предугадать его. — А из чего будет печенье Винки? — спросила она, заканчивая с последним рядом печенья. — Зеленый горох?

— Нет! — закричал Клифф. Он еще крепче обнял медведя.

— Бифштекс?

— Нет! — Мальчик радостно хихикал. — Да!

Таймер зазвенел, но он не извещал ни о конце, ни о начале этого чудесного дня. Рут достала из духовки противень с готовым печеньем и на его место поставила новый. Она снова запустила таймер, а затем взяла лопаточку и принялась быстро переключать горячее румяное печенье с противня на полочку из проволоки.

— И кому же Винки продает свое синее печенье с мясом?

— Животным.

— Ах да, животные любят синее печенье с мясом... — Теперь противень был пуст, и она нанесла свежий тонкий слой кулинарного жира. — Где он его продает?

— В зоопарке.

— По какой цене?

— Пенни за штуку.

— Боюсь, что печенье по цене пенни за штуку не очень-то нам поможет, — сказала Рут скорее себе, чем Клиффу.

Мальчик принялся лениво опрокидывать игрушку вперед-назад, и глаза медведя закрывались, открывались, закрывались, открывались, отчего у Винки всегда приятно кружилась голова. На улице снова начался ливень. В то время как Рут клала на плоский, только что смазанный жиром противень тесто кусочек за кусочком, Винки казалось, что он сам печет печенье и что оно было синее и внутри его было мясо. И, как уже было решено, он стоит в зоопарке, и все животные выстроились в ряд по парам, чтобы купить у него печенье...

Теперь же медведь рыдал, вспоминая все это, тряс головой и хотел закричать: «Нет!» И не потому что теперь он был в тюрьме, а потому что он был узником и тогда тоже — полный надежды, но раб чужих капризов, молчаливый и настороженный, прочно сидящий в нежном плену семьи Рут, любимый, да, но лишь в качестве игрушки и лишь время от времени, вечно мечтающий о большем, даже когда его обнимали, никогда до конца не довольный, часто страдающий от одиночества, всегда напуганный, а вскоре отвергнутый, обманутый и изгнанный.

И он заплакал, потому что знал, что вспоминать все это — его обязанность, вспоминать не просто отдельные моменты или незатейливые события из прошлого, как он это делал для Неудалого, а вспоминать как можно больше, чтобы он наконец стал понимать. Какой толк был в том, что он будет все это понимать, медведь не знал, но ему было необходимо разобраться в произошедшем.

«Думай о прошлом». Прошли месяцы, а он все старался не вспоминать эту фразу из его сна, однако он понял, что более не в состоянии не думать о прошлом. Это была лишь работа, сделанная до него, вполне ясное задание, которое необходимо было выполнить, точно так же, как осенью он прятал желуди, а зимой их снова находил.

— Я сказал, поднимайся, черт побери!

Вопль пронзил слух медведя, и в следующее мгновение он бросился в дальний угол койки, прижимаясь спиной к стене. Он представил, как его глаза сверкают, словно у дикого животного.

— Ах, так, — сказал агент Майк, дотягиваясь до него. — Маленький... — Винки было некуда деваться, и агент тут же схватил его за воротник. — Черт, я видал канареек, которых было труднее поймать. — Он привел Винки к помощнику Уолтеру, который стоял с наручниками наготове. Медведь продолжал яростно изгибаться.

— Пойдем, дружок, — совершенно спокойно сказал Уолтер. — Ты же не хочешь пропустить слушание своего дела?

Винки совсем забыл, что сегодня он предстанет перед судьей. Он перестал сопротивляться, но все же обиженно смотрел на Уолтера.

— Понимаешь, теперь я должен сделать это, — сказал он, застегивая на медведе наручники.

— И нам же не хочется разбудить малыша? — проворчал Майк.

На самом деле Дэррил продолжал храпеть на нижней койке, точно так же, как и прошлой ночью, закутавшись в одеяло. Казалось, он находился в спячке. Винки еще не видел лица своего сокамерника, и на одно мгновение, полное надежды, он вдруг задумался о том, что, если вдруг Дэррил окажется медведем, как и он.

Огромная толпа кричала и глумилась перед зданием суда, резко поднимая и опуская свои плакаты, словно это были копья.

— Черт возьми! — пробормотал агент Майк, ведя автомобиль. Словно бешеные пенопластовые шарики, что кладутся в упаковку, они подлетели к машине, плотно налегая на нее, поэтому медведю пришлось подождать в автомобиле с Майком и Мэри Сью, пока полиция не освободит дорогу. Его переполнял ужас вперемешку с любопытством, когда он смотрел на разъяренные лица, движущиеся в окнах из пуленепробиваемого стекла. Их крики были приглушенными, но на их профессионально изготовленных транспарантах было написано одно и то же:

КАЗНИТЬ ВИНКИ

— Левит 20:25

Они миновали толпу, прошли через двери и фойе, поднялись по лестнице наверх и оказались в небольшой овальной приемной, в которой стояла абсолютная тишина, если не считать голоса Чарльза Неудалого.

— Гм, хорошо, гм, мистер Винки («мистер» вас устроит?), хорошо, мистер Винки... ух ты, придется к этому привыкать... мистер Винки, мистер Винки, мистер Винки... хорошо, гм, как

бы то ни было, я делаю все, что могу, абсолютно все, могу вас заверить, что вы имеете право получить свои письма, у них нет причины, по которой бы они могли утаивать от вас ваши письма. — Неудальный говорил об этом и раньше, но Винки понял значение этого лишь сейчас и вопрошающе посмотрел на своего адвоката. — Конечно же, по этому поводу будет проведено отдельное слушание, я уверен, вы понимаете, что тема писем не имеет никакого отношения к сегодняшнему дню, поэтому давайте оставим эту проблему пока, я хочу сказать, лишь пока...

Здесь они ждали с агентом Майком, Мэри Сью и двумя полицейскими, пока судья не позвал их. Винки посмотрел в обеспокоенное лицо адвоката с чем-то, напоминающим надежду. Он был единственным человеческим существом, знавшим всю историю его жизни. Адвокат завоевал его доверие. В таком случае, спрашивал себя медведь, не был ли этот человек его спасителем?

— Я полагаю, все, что мы сейчас можем сделать, — это расслабиться до тех пор, пока судья не позовет нас. Порой только это мы и можем сделать, ведь так, правда, правда? — спросил Неудальный. «Что ж, хорошо», — ответил он сам себе, решительно кладя руки на колени. Несколько минут он молчал. Затем, будто медведь подозвал его к себе, Неудальный кивнул, сказав «хорошо», и наклонился к нему, чтобы переговорить с ним с глазу на глаз.

— Возможно, я не должен говорить вам этого, — прошептал он. Винки посмотрел по сторонам на присутствующих в комнате. — Но у меня всегда это ужасное, неконтролируемое предчувствие того, что я проиграю дело. Глупо, не правда ли? Просто глупо, я знаю, я знаю, я знаю.

Агенты и полицейские рассматривали свои слишком хорошо начищенные туфли, самодовольно улыбаясь, но Неудальный, казалось, не обращал на них внимания. В трубах кондиционера громко свистело. Винки нахмурил брови.

— Понимаете, это все моя фамилия, — продолжал Неудальный. — Боюсь, она приносит одни несчастья. Знаю, что глупо так думать, но не могу не думать об этом. Я постоянно повторяю себе: «Не думай об этом!» Но прежде чем я осознаю, что же

происходит, я проигрываю очередной процесс. — У него был тревожный вид, и бегали глубоко посаженные глаза. — По сути, я не выиграл ни единого дела. Ни одного! Этого мне бы тоже не следовало вам говорить. — Неудалый сглотнул несколько раз, прочистил горло и закашлялся. Винки посмотрел на свои ноги, закованные в кандалы. — Ближе всего я подошел к победе, когда присяжные были не в состоянии вынести приговор, — продолжал адвокат. — Ах, как это было мило! Это было в самом деле великолепно! Когда это произошло — лет пять назад? Нет, гм, семь. — Он вздохнул. — Но я помню все, будто это было вчера. Когда присяжные гуськом вернулись в зал суда и их старшина сообщил, что они зашли в полнейший тупик, на короткое мгновение мне вдруг показалось, что... — Он благодарно вскинул руки и улыбнулся. — Я хочу сказать, что чувствовал себя пушинкой! Это было... это было... это было удивительно. Но затем — ну, что ж поделаешь? — месяц спустя моего подзащитного снова судили и приговорили к двадцати годам каторги.

Неудалый замолчал, его лицо сначала выражало надежду, но потом — опустошение, снова и снова. Винки медленно опустил голову на лапы. Трубы продолжали свистеть. Время от времени он побрякивал цепями.

— Внимание, внимание, почтенный судья...

Махнув напоказ мантией, судья сел на свое место и серьезным взглядом посмотрел на медведя.

— Мистер Винки, — строго сказал он. — За сим вы обвиняетесь в следующих преступлениях. — Он стучал молоточком каждый раз, когда называл преступление. — Терроризм. — Бум. — Государственная измена. — Бум. — Организация тайного заговора с целью свержения правительства Соединенных Штатов. — Бум. — Оказание материальной поддержки иностранной террористической организации. — Бум! — Владение составными элементами средств разрушений, таких как бомба. — Бум. — Сто двадцать четыре обвинения в покушении на убийство. — Бум, бум, бум и т. д.

Полный список оглашался на протяжении пяти часов и четырнадцати минут. В середине судья сделал перерыв на обед, а после него продолжил:

— Имитация образа женщины. — Бум. — Мошенничество. — Бум. — Оказание сопротивления при задержании. — Бум.

К этому моменту почти все присутствующие спали, расслабившись после обеда и загипнотизированные заунывным, гнусавым голосом судьи и широкими черными полосками его бровей, которые были абсолютно неподвижны.

— Развращение молодежи Афин. — Бум. — Склонение к ложному учению о том, что Солнце — центр Вселенной, а Земля вращается. — Бум. — Богохульство. — Бум.

Однако сам Винки не дремал. Он сидел, свесив голову, и прислушивался к каждому слову, даже к тем, смысла которых не понимал.

— Черная магия. — Бум. — Преподавание учения об эволюции в школе. — Бум. — Организация сатанинских ритуалов. — Бум.

Из окна в зале суда было видно, как солнце начало заходить, озаряя крошечного подзащитного огненно-красным светом.

— Создание безнравственных произведений искусства. — Бум. — Непристойная брань. — Бум. — И в заключение, — судья, величественно перевернув последнюю страницу, произнес отчетливо и с особым отвращением: — Грубые непристойные действия по отношению к молодым людям в Лондоне. — И он громко стукнул молоточком еще три раза.

Зал проснулся от яростного удара.

— Мистер Винки, что вы ответите на эти обвинения?

В зале воцарилась мертвая тишина.

— Гм, — сказал Неудалый, выпрямляя спину. — Гм. Гм. Не виновен. Не виновен по всем статьям!

В зале разразился гам.

— Ужасно! — слышались крики, в то время как Винки уводили из зала. — Негодяй! Подлец! — Он даже не смел поднять головы. «Раз они говорили такое, — думал Винки, — должно быть, на самом деле я отвратительный, гнусный медведь».

Ураган

1.

Сегодня Клифф, как и его старший брат Кен, сразу лег спать. Медведь слышал усталые шаги Рут в прихожей, когда она поднималась по лестнице, затем — голос отца Клиффа в гостиной. С полки Винки смотрел на маленькие очертания тела Клиффа, лежавшего под темным одеялом, и размышлял, почему все происходит именно так.

Винки уже пять раз видел, как растет ребенок, и это было уже шестой раз. Иногда это было прекрасно, а иногда он едва сдерживался, чтобы не закрыть свои стеклянные глаза.

Ребенка воспитывали, и ребенок рос сам. Работали эти две силы, и никто не мог предугадать, что из этого получится. Ребенок был лишь тем, чем был, и потом с ним происходило разное, и, таким образом, пока Винки наблюдал за этим не моргая, потому что не мог моргать, ребенок становился тем, во что в итоге должен был превратиться.

Порой Винки казалось, что ребенок и окружающий мир — это два поезда, которым не избежать столкновения. Поэтому ребенок вполне мог стать калекой. Такого никогда не случилось с детьми из этой семьи, но бывало вполне могло произойти, потому что в мелочах частенько так, снова и снова —

Винки был тому свидетелем. Точно так же, как он видел и чувствовал, медвежонок старался помочь каждому ребенку обрести себя заново, делая это незаметно. И затем ребенок превращался в того, кем должен был стать: нечто починенное, как и сам Винки, пусть даже и совсем немного.

— Нет-нет, это необходимо. Необходимо, — пробормотал медведь себе под нос. — Необходимо выжить. — Но он не был в этом уверен. Возможно, Клиффу снились чудовища, и, конечно же, во сне он останется в живых. Но для чего? Через некоторое время по едва заметному изменению его дыхания Винки догадался, что мальчик почти проснулся. Кислосладкий запах его газов витал в неподвижном воздухе. Клиффу хотелось в туалет, но он продолжал лежать. Он пытался сдержаться, но у него не вышло. Так случалось уже далеко не единожды.

Винки хотел, чтобы все было иначе, и пытался осмыслить, что мир устроен именно так, и для него в том числе. Пятилетний мальчишка проснется от стыда и попытается спрятать испачканные трусы на дне корзины для белья, но он все равно не захочет или не сможет прекратить это делать, хотя в последнее время его постоянно и отчитывают за это.

Винки также знал, что все это, в свою очередь, воспитывает его. Именно так и произошло, когда Клифф дал ему новое имя. Мальчик только начинал ходить, когда назвал его «Винки», и медвежонок, ставший Винки, вдохнул это имя себе в душу, превратившись в мальчика, но внутри оставшись девочкой, Мари; и всем этим он очень гордился, потому что все это и была его судьба. И с тех пор он смотрел на Клиффа стеклянными глазами, еще более старыми и в то же время новыми.

Что же касается того, необходимо ли было произошедшее или нет, было ли оно тем, в чем медведь нуждался больше всего, он не знал. Воспитание — процесс необходимый, так Винки приобретал жизненный опыт, с которым делал то, что считал нужным.

И все же он порой размышлял, для чего ему приходилось наблюдать за тем, как ребенок рос в своем мире, так много раз, снова и снова. Сначала — Рут, затем, в течение многих лет, пожив в разных местах, — пятеро ее детей. Как и Рут с Дейвом, Винки считал, что Кен был последним ребенком в семье, родясь спустя пять лет после Пола. До этого он думал, что Пол будет самым младшим ребенком и что на этом все и закончится. Но вот на свет появился Клифф, который теперь уж наверняка был последним, а почему именно он?

То, что их родилось пятеро, было случайностью, и каждый из них играл со случаем: они были словно пять возможных путей, исходящих от Рут. Сама Рут была первой дорогой, по которой Винки было суждено пройти. Она и не думала, что кто-то может дать ему другое имя. Так что теперь он осознавал себя целиком и полностью принадлежащим Клиффу, точно так же, как и всегда принадлежал Рут. Он считал, что это тоже было случайностью.

Постоянное продолжение рода. Его нельзя остановить. Клифф снова заснул, и теперь его детское дыхание было идеально ритмичным. В бесконечной темноте Винки, казалось, видел дерево жизни, дающее почки и безгранично ветвящееся перед его глазами, как в калейдоскопе, залитое светом. Из полуоткрытого окна доносился тонкий, приторно-сладкий аромат луизианской гардении, что росла вдоль дороги; и он размышлял над тем, каким же сочетанием действий А и Б (бесконечно давно и на уровне крошечных молекул) он, Винки, был избран наблюдать за всем этим и понимать это. По улице проехала машина, и сквозь закрытые шторы он увидел тусклый, быстро исчезающий свет фар.

— Особенный медведь, — прошептал он, засыпая сам, — видит особенное.

2.

Клифф стоял у раздвижной двери, держа на руках Винки, туго заворачивая его ноги одну за другую и стараясь не шевелиться. Его братья лежали на диване и смотрели по телевизору ка-

кую-то игру. Сверху доносился звук скрипки Рут, которая в быстром темпе исполняла гамму, то вверх, то вниз.

— Тебе не нужно в туалет? — спросил Пол, который сегодня был за главного.

— Нет, — возмущенно сказал Клифф, но Винки знал, что все было наоборот. Прошло не так много времени после того, как семья переехала в Новый Орлеан, когда мальчик начал накладывать в штаны.

— Ты уверен?

— Да.

На самом деле это происходило по крайней мере раз в неделю, обычно чаще, иногда ночью, иногда днем, и продолжалось вот уже почти два месяца. Сначала Рут просто не обращала на это внимания. Потом она серьезно поговорила с Клиффом, напомнив ему о том, что ему уже пять лет, а не три. Вскоре его братья оказались вовлечены в мероприятие, целью проведения которого были чистые трусы.

— Он терпит! — пропел Кен, которому уже стукнуло одиннадцать. — Терпит! Терпит!

— Заткнись, — отреагировал Пол, долговязый подросток, стремившийся, как и подобает молодому человеку его возраста, брать на себя ответственность, но Винки уже слышал, как у Клиффа громко урчит в животе, к которому он прижимал медвежонка все крепче.

— Не терплю! — закричал мальчик и выбежал из гостиной.

— А теперь посмотри, что ты наделал, — сказал Пол Кену.

— И что с того?

Когда Клифф приблизился к лестнице, он почти совсем остановился. Здесь гаммы Рут звучали еще громче, но все же были приглушены закрытой дверью в спальню. Хотя никто не смел ее беспокоить, жалобные ноты были знакомыми и поэтому успокаивающими звуками. Все эти годы, где бы семья ни жила, Рут играла в местных оркестрах. Теперь она сфальшивила, проворчала «черт» и начала заново, так же как она и раньше начинала тысячу раз. И от этого Винки и мальчишка, казалось, плыли вне времени по бесконечному океану, имя которому было Рут.

Клифф взглянул через перила убедиться, что за ним никто не пришел. Конечно же, никого не было, но Винки знал, что мальчику нужно было спасти репутацию, подождав немного перед тем, как пойти и сделать то, что ему нужно.

Зайдя в туалет, Клифф снял испачканные трусы, положил их в желтую плетеную корзину и надел чистые. Вот и все дела. Затем он снова спустился вниз.

— Зачем ты таскаешь с собой повсюду этого глупого медведя? — спросил Пол. — Не будь таким младенцем. Ты уже слишком большой для этого.

Клифф держал Винки под мышкой.

— Я не младенец.

— Ты ведешь себя как маленький, — сказал Кен. — Посмотрите на этого малыша с медведем.

Винки был почти в ярости, но почувствовал, как Клифф сменил позицию и стал держать его уже не так крепко. В то мгновение старенький медведь понял, что, как бы грустно ни было осознавать, все эти годы он был лишь игрушкой. Теперь же он стал совершенно никудышной игрушкой. Тут он ощутил, что летит по комнате. Винки приглушенно плюхнулся на потрепанный коричневый диван.

— На-на-на, на-на, на-на-на, — пропел Клифф, подражая тому, как дразнил его Кен. Он вышел из комнаты, топая ногами, и захлопнул за собой стеклянную раздвижную дверь.

— Я позову маму, — лениво заметил Пол.

Винки разглядывал обивку дивана, на которой виднелось множество шишек. Он все еще пытался сфокусировать взгляд, когда Кен поднял его и посмотрел ему прямо в морду. Медведь даже не успел уклониться.

— Идиот, — сказал одиннадцатилетний мальчик. Затем он ударил медведя по носу и тут же выпустил из рук. От удара Винки отлетел назад. Он снова плюхнулся на диван. Пол захихикал.

Винки знал, что трудно было заставить старшего рассмеяться, поэтому, после того как у него все-таки получилось, можно было не сомневаться, что он проделает это еще раз.

— Идиот! — Бух. Плюх. — Идиот! — Бух. Плюх.

После того как Кен повторил это пять или шесть раз, хихиканье Пола становилось все тише, и Винки стал надеяться, что все закончилось. Он неподвижно лежал, испытывая ярость. Рут играла наверху, но куда же подевался Клифф? Краешком глаза он увидел, как мальчишка заходит в дом с заднего двора, на этот раз закрывая раздвижную дверь более аккуратно. Он молча остановился у телевизора. Затем, не глядя на медведя, Клифф начал играть в какую-то свою игру с занавесками, поднимая и отпуская их, отчего они волной падали на линолеум.

— Взгляни-ка, что я с ним делаю, — пропел Кен, ухмыляясь, держа высоко медведя и целясь в него кулаком. — Смотри-и. Смотри-и. — Он снова ударил Винки, и оглушенный медведь опять полетел на диван.

Еще вчера Клифф закричал бы от такой несправедливости, но сегодня он лишь сказал: «И что с того?» — и направился в столовую. Винки слышал, как мальчик открыл ящик, где лежали его принадлежности для рисования.

Теперь Пол вздохнул от скуки и тоже вышел из комнаты.

— Хочу кока-колы, — пробормотал он.

Через секунду Кен выключил телевизор и пошел за ним, а Винки остался лежать на коричневой подушке, забытый всеми. Один глаз его закрылся, а второй был открыт, отчего он видел половину ровного белого потолка. Наверху Рут сфальшивила, играя быструю мелодию первый, второй, третий раз. «Черт!» Внутри медведя росло и увеличивалось неприятное чувство, и казалось, он не сможет пролежать так больше ни минуты, а Клифф все не приходил. Из столовой можно было лишь едва услышать, как по плотной бумаге царапают карандаши.

3.

Однажды во время долгой поездки на машине из Нового Орлеана, наблюдая за тем, как телефонные провода поднимаются и опускаются, в то время как Клифф дремал, а Кен и Пол лениво пытались побороть друг друга на заднем сиденье,

Винки размышлял о том, не был ли он ангелом-хранителем этой семьи. Вряд ли. Но затем снова подумал, что, наверное, поэтому на Земле и происходит столько неприятностей: все ангелы были такими же, как и он, — никчемными.

В Иллинойсе Винки был свидетелем того, как семье не везло целых два года. Он накапливал у себя в голове все, что происходило, подслушивая через стены. Только они переехали в Чикаго, как отец Клиффа потерял новую работу. В течение нескольких лет он был безработным, и потом единственной работой, которую ему удалось найти, оказалась низкооплачиваемая должность на фабрике по производству лаков для волос, которая находилась в трех часах езды от дома. Семья не могла позволить себе снова переехать, так что они виделись с Дейвом лишь по выходным. Рут много жаловалась — Дейву, старшим детям — на счета, которые необходимо оплачивать, на сбережения, что заканчивались, на то, что у Дейва нет выбора работы и его вечно не было дома. Еще с тех пор, как Рут была маленькой, ей нравилось, чтобы все происходило так, как она того хотела; сейчас же казалось, что ничего и никогда больше не будет так, как этого хочется. Находясь днями в кухне, Винки наблюдал за тем, как Рут жалуется, и смотрел на Клиффа, который глядел на маму.

— Папа только пожимает плечами, — говорила она Кэрл, старшей дочери, — а я связана по рукам и ногам. — Девочкам пришлось оставить частные колледжи и перевестись в государственный университет, что был неподалеку, — это обходилось дешевле. Рут устроилась секретаршей, и Клифф начал ходить в сад. В выходные, когда Дейв находился дома, поздними ночами, когда Клифф спал, Винки вслушивался, как супруги спорили шепотом:

— Ну, я не понимаю, почему ты... А как же?.. И мне что теперь, только?..

— Дорогая, я понимаю, но... Я знаю, но не могу... Мне сорок восемь лет... А мне приходится...

Облако беспорядка проникало повсюду, и от этого даже дом начинал разваливаться, постоянно требуя ремонта, который, говорила Рут, семья не в состоянии была себе позволить.

Однажды Дейв даже чуть не погиб автокатастрофе; он вернулся домой с перевязанными ребрами. Через несколько дней он упал с дамбы и чуть не утонул. Возможно, думал Винки, эти события были причудливой разновидностью удачи, ведь Дейв все-таки остался жив, и казалось, что-то в Рут изменилось к лучшему, как когда-то и было или почти как было. Она уже не так много жаловалась. По крайней мере, однажды в пятницу, вечером, Дейв объявил, что нашел хорошую работу и что семья переезжает в Новый Орлеан. После этого Рут говорила детям снова и снова, что теперь все будет по-другому.

Вскоре Рут закончила играть, спустилась вниз и приказала Клиффу отложить в сторону карандаши, потому что уже почти пришло время ужинать.

— И Винки тоже, — добавила она, что вызвало у брошенного медведя горький приступ самоуверенности. — Я же просила тебя не разбрасывать свои вещи по большой комнате.

— Кен брал его последним, — пожаловался мальчик, но немедленно отправился за медведем. — Ну, пойдем, — вздохнул он так, будто Винки был его надоедливый младшим братом.

И все же, когда его несли по лестнице, медвежонку казалось, что, возможно, все встало на свои места, и он тяжело про себя вздохнул, подумав, что снова находится во власти Клиффа. Он еще не успел заметить, что один глаз у него открывался, как и прежде, а второй, правый, был намертво закрыт.

В спальне Клифф, как обычно, немного потряс медведя, чтобы его глаза открылись и закрылись, и, увидев, что правый глаз никак на это не реагирует, снова потряс его, и каждый раз медведю хотелось кричать от боли.

— Винки, — спросил мальчик, — почему твои глаза не открываются как следует? — Он говорил это, выказывая изящный гнев, словно медведь просто отказывался выполнять его волю. А так ли это было? Когда Клифф начал трясти его с еще большей силой, Винки внушал больному глазу, чтобы тот снова открылся.

Тряска резко прекратилась, и здоровым глазом Винки увидел, как к нему приближается указательный палец мальчика.

В Новом Орлеане все будет совсем по-другому

Он повернул направо, и медведь ощутил его влагу и тепло на глазу, который не открывался. Затем палец надавил на глаз.

Ощущение было просто невыносимым, зато теперь закрытый глаз поддался и со скрипом открылся.

Теперь обоими глазами он видел лицо Клиффа, совсем близко, такое озабоченное, и пристальный взгляд его серых глаз.

— Хм, — пробормотал он, как это делал один из его братьев. Мальчик нахмурился, и затем Винки увидел, как к нему снова приближается палец. Он еще раз надавил на правый глаз, отчего медведю захотелось кричать. Глаз снова со скрипом закрылся. Обычного щелчка не последовало, лишь послышался звук, затем боль, как от наждачной бумаги. Клифф надавил, и глаз открылся и закрылся еще несколько раз, и на какое-то мгновение ему показалось, что уже не так больно...

Мальчик неожиданно крепко обнял медведя, и какую бы боль Винни ни пришлось сегодня испытать, казалось, это того стоило.

— Скоро тебе станет легче, — сказал Клифф. Эти слова были словно успокаивающий бальзам и для его больного глаза, и для него самого, так что, несмотря на то как с ним обращались до этого, сердце Винки начало медленно и не без боли раскрываться...

— Разговариваешь со своим медведем? — насмешливо спросил Кен.

Винки слышал, как он топал по лестнице, но сделал вид, что не замечает, словно мальчик как-то мог помешать медведю.

— Нет, — ответил Клифф, неожиданно отстранив от себя медведя на расстояние вытянутой руки.

— Ах, Винки, ах, Винки, как твои дела? — пропищал Кен подетски.

Клифф быстро положил медведя на полку, не обращая никакого внимания на то, что один глаз у него открыт, а другой закрыт. Затем выбежал из комнаты и побежал по лестнице к ужину.

Той ночью, после того как Клифф переоделся в пижаму, он нежно посмотрел на медведя, но затем с растерянным видом,

будто не помня, что собирался сделать только что, просто полез в кровать. Внизу заиграла быстрая мелодия к фильму «Золотое дно».

В течение следующих нескольких дней Винки все смотрел и ждал, что его заберут с полки и еще раз крепко обнимут, но Клифф приходил и уходил, засыпал и просыпался, не говоря ему даже ни слова. И все же у медведя оставалась некоторая надежда: ведь, хотя Клифф со всей силы старался вести себя как большой, он продолжал накладывать в штаны.

4.

— Они сейчас устроили акцию протеста в... — с пренебрежением сказала Рут однажды вечером. С полки, на которой он сидел, Винки не расслышал название места и не знал, далеко это было или близко. Он смотрел прямо перед собой одним глазом.

— Чего хотят негры? — спросил Клифф.

— Ничего, — ответил Дейв. — Все это ровным счетом ничего.

— Они не знают, чего хотят, — добавила Рут, словно поставив точку.

Винки взволнованно вдыхал аромат их ужина — солонины и капусты. Насмешки над неграми стали семейным развлечением еще в Луизиане. За завтраком Дейв любил читать газетные сообщения о том, как какой-нибудь негр пытался что-то украсть, но его поймали, потому что он был глуп. Или группа негров вышла на акцию протеста против чего-то, и полиция разогнала или задержала их. Винки же казалось, что это было несправедливо. От этих историй у него кружилась голова, как будто полка, на которой он отбивал ссылку, понемногу наклонялась и он, казалось, вот-вот упадет.

Случилось так, что школу, куда ходил сам Пол, в тот год дегрегировали. По какой-то неопровержимой логике, которую Винки не мог постичь, это означало, что все девочки, «белые» и «цветные», теперь ходили учиться в более новое,

современное здание, построенное для «белых» подростков, а Полу и другим мальчикам осталась полуразрушенная школа на другом конце города, где до этого учились «цветные». Пол не любил школу, и Рут с Дейвом обвиняли в этом негров.

— Эти «цветные» просто развалят новенькую школу, — сказал Дейв. — Можно подумать, политики от этого одумаются.

— Я хочу ходить в эту классную школу для «белых», — сказал Кен с акцентом чернокожих, от чего Клифф рассмеялся.

Винки не любил шутки, в которых высмеивались люди. Он слушал, как вилки звякают по тарелкам.

Рут сказала:

— Когда я ходила в школу, мы тоже прошли через десегрегацию, потому что они начали переезжать в Морган Хилл. Они просто уничтожили мою школу. Видели бы вы ее сейчас.

Посуда продолжала тихо звенеть, словно завершая необратимый процесс разрушения, который только что описала Рут. Больной глаз Винки начал пульсировать. В этот же момент он заметил, что Пол (что было очень странно) не проронил ни слова на протяжении всего разговора о его школе. Медведь вдруг понял, почему от подростка исходил несвежий запах конфет и сигарет: он сбегал с уроков. Не только Клифф и Кен поняли это. Винки одновременно смотрел и в темноту, и на покрывала на кроватях младших мальчиков. Странно было знать то, о чем никто больше и не подозревал. Иногда Винки испытывал от этого чувство гордости, а иногда жалел, что не может взять и выложить все секреты.

5.

«Многоточие», — подумал медведь, глядя в темноту комнаты мальчиков. Он называл это тоской, а не нелюбовью или нерадостью, потому что тоску можно было вынести, от нее можно было избавиться. Сегодня застрелили президента. Винки знал об этом, поскольку Клифф и Кен вернулись из школы раньше обычного.

— Всякое случается, — напомнил себе Винки, испытывая что-то похожее на чувство удовлетворения оттого, что его опасения оправдались. Он посмотрел на карту США, которая висела на стене Кена, на оттенки серого в темноте. То, что он видел, показалось ему огромным, приносящим несчастье, одурманенным, прожорливым крокодилом.

Медвежонок размышлял о том, что должно было случиться и чего не должно, что могло случиться и чего не могло, что выбрали, что выбрали лишь частично и чего вовсе не выбирали, на что надеялись и в то же время не надеялись, что можно было изменить и чего нельзя, что было выстрадано и пережито и что — нет, и чего так легко можно было бы избежать.

Клифф словно забыл о Винки. Порой он все равно носил медведя по дому, будто забыв о насмешках братьев, а иногда казалось, что Кен и Пол сами забыли — они видели мальчика с Винки под мышкой, но не говорили ни слова. Или даже временами они начинали играть с Винки, говоря что-нибудь наподобие: «Винки хочет посмотреть телевизор», или «Винки скучно», или «Винки хочет перекусить». За такие причуды Винки стал ненавидеть Кена и Пола еще больше, потому что он знал, что с такой же легкостью все это может превратиться в «Винки нужно отшлепать» или «Ой, Винки упал с лестницы». «Винки хочет, чтобы его обняли» — этого никогда нельзя было услышать.

Возьмет ли Клифф его на руки или, может, даже поцелует его когда-нибудь? Это было повторяющимся вопросом, который сводил медведя с ума. Его больной глаз вел себя непредсказуемо. Порой, когда Клифф надавливал на правый глаз, он мог взять и открыться, закрыться и открыться опять, как и следовало. Но чаще глаз никак не открывался и болел. И тогда Клифф начинал давить на него или ковырять его пальцем, снова и снова рассеянно проверяя, двигается он или нет, будто это был шатающийся молочный зуб.

— Бедняжка, — шептал мальчик, в то время как медведь пытался выбрать, думать ли ему о боли, словно от наждачной бумаги, или ощущать незваную радость оттого, что его снова обнимают. — Бедный глаз.

6.

В скором времени ненадолго приехал в гости отец Рут, чтобы увидеть Новый Орлеан и новый дом Рут. Из того, что успел увидеть, Винки запомнил: он был высоким и худым, как и прежде, но теперь совершенно седым и сгорбленным, как не до конца раскрытый складной нож. Он шумел совсем немного, потому что, как подслушал Винки, когда Рут с восхищением говорила об этом Дейву, ее отец проводил большую часть дня в гостиной за чтением Библии и «Науки и здоровья с ключами к Священному писанию».

Медведь слушал, как разным тоном выли и ревели пылесосы, в то время как Рут медленно спускалась с ним по лестнице.

— Черт! — прошептала Рут. Очевидно, кто-то из мальчиков перед школой пролил на бежевый ковер пунш. Винки слышал, как отец Рут показывал ей пятна. Он сделал это замечание в своей противоречивой, сдержанной манере, из-за которой даже Винки не мог понять, шутил он или на самом деле хотел показать ей пятна; как бы то ни было, Рут немедленно отправилась на поиски очистителя для ковров «Эврика».

С тех пор как приехал ее отец, от подобных сомнений весь дом ходил ходуном, в чем было мало приятного. Винки знал, что ее благоговение перед отцом столь же непреодолимо, сколь мелки молекулы, из которых она состояла, и бесполезно было хотеть, чтобы это было иначе... Поэтому одним открытым глазом, в то время как другой был закрыт и болел, Винки предавался созерцанию удивительной и в то же время грустной картины: неизменные узы между родителем и ребенком. Во время завтрака, обеда и ужина по всему новому дому раздавался энергичный голос Рут, которая вечно что-то рассказывала, и доносился до Винки, сидевшего наверху. Она рассказывала, как ей удалось решить проблему с бухгалтерией в конторе стоматологии, где она работала неполный рабочий день, и о том, как она дала Хелен разумный совет, когда та, будучи в отчаянном положении, позвонила из Иллинойса, где училась в колледже. Находясь наверху, Винки не мог слышать, что отвечал на это

тихим голосом ее отец или о чем шептались три мальчика; лишь Дейв, который разговаривал меньше, чем обычно, говорил что-нибудь вроде «совершенно верно». Время от времени медведь слышал смех Рут, и он знал, что, скорее всего, ее отец только что пошутил в своей сдержанной манере, которую Рут так почитала.

— Кто-то взял мой пунш и разлил его по всей лестнице, — заявила Рут в прихожей, когда Клифф вернулся из детского сада, — и утром мне пришлось пропылесосить ее заново.

Медведь напряг слух, будто мог заметить, как Клифф старается не привлекать к себе внимания, пока поднимается по лестнице. Из своего большого опыта Винки знал, что пока Рут еще не была в плохом расположении духа, однако вот-вот выйдет из себя.

Клифф зашел в свою комнату, принес с собой карандаши и бумагу. Это означало, что он собирался сделать кому-то неожиданный подарок, возможно, «дедуле». Винки вдыхал тишину. Совсем скоро должен был вернуться Кен и начать донимать их. И, может быть, Клифф даже возьмет Винки и на минутку отнесет вниз. Сидя за столом, мальчик положил руку на белую бумагу, обвел ее ручкой и принялся дорисовывать то, что получилось, карандашами, пока у него не вышел индюк. Винки почувствовал знакомый запах и понял, что мальчику пора в туалет, но Клифф продолжал работу до тех пор, пока не закончил надпись — буквы «б» и «и», что, наверное, означало «Благодарение» и «индейка». Тогда он встал, и его лицо приобрело то озадаченное, раздосадованное и при этом рассеянное выражение, которое всегда появлялось, когда с ним только что произошла «авария» и он надеялся на то, что ошибается. Он вышел, и вскоре Винки услышал звук смыва в туалете, этот обнадеживающий звук, но, когда Клифф вернулся, он закрыл дверь и снял свои синие вельветовые брюки и трусы, белизну которых и на самом деле обезобразило коричневое пятно среднего размера. Как обычно, мальчик закинул трусы в желтую плетеную корзину для белья

и быстро накрыл ее крышкой. Затем он достал из ящика чистое белье, надел его и натянул штаны. Заправив рубашку в брюки, Клифф взял рисунок и помчался вниз, видимо, в поисках деда.

Задолго до этого Рут устало поднялась по лестнице наверх и прикатила корзину для белья в комнату мальчиков. Винки взял себя в руки. Когда она подняла крышку желтой корзины, то продемонстрировала точно такое же озадаченное, раздосадованное и при этом рассеянное выражение лица. Но оно тут же превратилось в гнев, а темная верхняя часть оправы ее очков, которые по форме напоминали кошачьи глаза, стала выглядеть как нахмуренные брови, что часто показывают в мультфильмах. Она подошла к перилам, держа в руках отвратительные трусы, и закричала:

— Клифф! А ну-ка поднимайся сюда — сейчас же!

Затем Винки услышал, как она зашла в ванную, пробормотав с отчаянием:

— Я просто не знаю, что с ним делать. Я просто не знаю, что делать!

Было слышно, как она начала стирать; с лестницы доносились легкие шаги Клиффа, поднимающегося медленно и неохотно, почти на цыпочках.

— Зайди, — приказала Рут.

Винки слышал тихий скрип и шуршание, когда мальчик шел к ней. Он также услышал шаги деда, который поднимался и затем остановился наверху.

— Посмотри на это! — сказала Рут. Снова журчание воды. — Взгляни, где мне приходится их стирать. Они слишком испачканы, чтобы стирать их в раковине.

Было слышно, как закапала вода с одежды, которую выжимают, затем — пронзительный рев смыва туалета. Бачок начал наполняться водой, и снова стало слышно, как что-то стирают.

— Ты видишь, что мне приходится делать? — сказала Рут. Она почти кричала. — Видишь?

У Винки было такое ощущение, что он сам все это видел: трусы в коричневых пятнах и руки Рут в унитазе.

Эта картина была такой ясной, будто ее, словно фильм, спроецировали на обратную сторону его закрытого глаза, который уже начал пульсировать. Затем он увидел стоящего мальчишку, его мать, опустившуюся на колени перед унитазом, и рядом ее высокого худого отца, который остановился наверху лестницы. Все трое предстали перед ним в образе графика, при этом каждый из них был столь же совершенен и постоянен, как круг, квадрат и треугольник: все трое — отец, дочь и сын дочери, три существа, то есть три факта. Они словно застыли перед его мысленным взглядом, но он знал, что это всего лишь иллюзия замедленного времени в момент катастрофы.

Винки знал, что намерения были одними, а факты — совершенно другими. Факты были неопровержимы, как и трагедия, и, таким образом, в опилках своего разума он попытался смягчить действие времени и замедлить его ход, перед тем как случится необратимое.

Винки показалось, что дед поставил ногу на последнюю ступеньку, покрытую ковром, и тотчас же, словно черный бильярдный шар, летящий рикошетом, в свою комнату из ванной с плачем влетел Клифф и бросился не на кровать, а между стеной и кроватью, туда, где даже Винки не видел его. Повторно прокручивая у себя в голове сцену скандала, медведь мельком увидел, как дед тихо спустился, скорее даже украдкой, в отведенную ему комнату и аккуратно закрыл дверь. Через мгновение из туалета уже снова послышался звук стирки, будто он был продолжением обычных дел, и после того как туалет смыли в последний раз, Винки услышал, как Рут быстро, скорее даже украдкой, спустилась вниз, видимо, идя в прачечную.

Так же ясно, как и божий день, медведь предвидел взволнованное и одновременно целеустремленное выражение лица Рут, когда она будет делать вид перед самой собой же, будто отец не слышал ничего из того, что только что произошло. Поворачивая диск стиральной машины влево и поджимая губы, она заставит этот день продолжаться.

Даже теперь Винки хотелось, чтобы Клифф подошел и крепко обнял его, как раньше, но утешать было некого,

и сдавленное, неравномерное хныканье мальчика казалось печальным звуком разрывающейся старой ткани рыжеватого-коричневого цвета.

Через некоторое время сдавленные звуки полностью затихли, и Клифф, распрямившись, встал на колени, рассеянно выводя пальцем геометрический рисунок на покрывале. Когда он этим занимался, Винки тоже начал путаться в этих голубых и зеленовато-голубых квадратах, которые, казалось, танцевали перед его глазами, почти успокаивающе, и время еще раз замедлило свой ход.

— Мама велела прийти накрывать на стол, — сказал Кен, появившийся в дверях: очки, чуб, клетчатая рубашка, штаны цвета хаки, белые носки. Еще факты.

— Хорошо, — пробормотал Клифф, не отвлекаясь от своего занятия.

— Нет, — сказал Кен. Клифф беспомощно повиновался, а когда оба мальчика затопали по лестнице, Винки почувствовал себя все более и более беспомощным. От одиночества в глазах начало рябить, и он впал в прежнее оцепенение.

7.

Смотреть, смотреть, слушать, слушать: как долго он еще выдержит в одиночестве? Если бы только Клифф любил его так же пылко, как раньше, Винки был бы счастлив навсегда остаться игрушкой. Но беспомощность и ожидание, казалось, продолжались и продолжались, и он все так же не знал, когда они прекратятся. Это могло никогда не закончиться. Или наверняка придет время, когда это так и не прекратится, и, даже если сейчас это и не то время, оно вполне могло быть им, потому что вечное одиночество так или иначе приближалось.

Чудовища были маленькими пластмассовыми троллями, которых Клифф купил в автомате, где продавалась жевательная резинка. Медведь наблюдал за тем, как Кен с Клиффом строят для них большой дом на полу, рядом со своими кроватями,

используя для этого почти все красные пластмассовые кирпичи, маленькие белые окна и двери. Винки тоже хотелось играть, но Клифф теперь играл только с троллями. Кен и Пол, казалось, не думали о том, что выглядят по-детски больше всего, и на самом деле, вот, Кен собственной персоной играл с ними. Тролли были слишком твердыми и маленькими, чтобы их обнимать. Они были безобразны и ничего не чувствовали. Теперь они стали любимыми игрушками Клиффа.

Кен и Клифф даже смастерили для них мебель из кирпичиков — диваны, кровати, кухонные столы. Обычно братья дрались, но сегодня мирно работали сообща. Они не стали делать крышу, чтобы видеть дом изнутри и двигать по нему троллей.

Кен установил лестницу так, чтобы она могла упасть при малейшем прикосновении.

— Она задавит их, — сказал он, держа в руке белого тролля, покачивая его и говоря за него. — О-о, а вот и цветной.

Больной глаз Винки снова начал пульсировать. Он видел эту игру и раньше, тем не менее ему хотелось яростно закричать от лица троллей темного цвета, при этом все же завидуя более светлым. Кен поставил четырех черных и коричневых троллей в игрушечную машинку рядом с комодом. Это был автомобиль с откидным верхом, так что мальчики могли с легкостью ставить их в нее и вытаскивать. Кен толкнул машинку вперед, и она быстро покатилась.

— Ииии, — проговорил он, имитируя звук скрипящих шин, и машинка тут же остановилась перед большим кирпичным домом. Клифф хихикнул.

Все белые, желтые и синие тролли прятались наверху.

— Они здесь, — сказал Клифф, ставя одного тролля у окна. Кен двигал черного тролля на сиденье водителя.

— О, посмотри-ка, особняк!

— О! — сказал Клифф.

— Давай стащим что-нибудь, — сказал Кен. — Лучше обойти дом сзади, чтобы нас не засекли! — Он толкнул машинку, и та обогнула дом, имитируя пыхтение старого, еле работающего двигателя, который потом заглох.

— Доверьте это мне! — Клифф захихикал еще больше. Кен вытащил из машины «водителя», который затем «подошел» к шаткой лестнице.

— Дзинь-дзинь, — произнес Кен. — Эй, белые есть?

— Дома никого нет, — сам же Кен и ответил, ставя несколько троллей в дом.

— Это хорошо, — «сказал» черный, приближаясь к дому. — Давай пойдем наверх. А-а-а-а-а!

Пока мальчишки смеялись, лестница упала.

— А-а-а-а-а! — закричал Клифф.

К этому моменту Винки так разозлился, что почти обрадовался драке, которую снова затеяли братья.

— Довольно, пора убирать, — сказал Кен. По всему полу спальни были рассыпаны красные и белые пластмассовые кирпичи.

— Хорошо, — сказал Клифф, начиная их собирать. Но Кен просто-напросто направился к двери. Прошло мгновение, и шестилетний мальчишка понял, в чем дело.

— Эй...

— Это твои кирпичи, — сказал Кен. Со злорадной улыбкой он уже практически вышел из комнаты, копируя то, как говорит ведущий телевизионной передачи для маленьких: — А сейчас убери свои игрушки, малыш Клиффи.

— Нет!

Винки догадывался, что, возбудившись от игры в лестницуюловушку, Клифф разозлился так, как не злился уже давно.

— Я отдаю их тебе, — пропел Кен. Он был у ступенек, вне поля зрения Винки. — Теперь они все твои.

Он победоносно затопал по лестнице, но Клифф побежал за ним, держа в руке машинку. Теперь он исступленно плакал.

— Нет! — кричал он, и послышался грохот. Должно быть, он швырнул машинку.

Мгновение мучительной тишины. Затем Винки услышал, что Кен собирается пожаловаться матери, и, крича: «Мам, мам!» — пошел в кухню. Это означало, что он в полном порядке, а вот у Клиффа будут проблемы.

Через секунду Винки услышал, как Клифф забежал в ванную и громко хлопнул дверью.

8.

Время как будто подернулось дымкой и стало двигаться быстрее. Отпраздновали Рождество и дни рождения. Клифф научился читать и начал сочинять рассказы, которые превращал в книги из бумаги для черчения. Он больше не пачкал штаны. Марди-Гра, Пасха, День независимости, Хэллоуин. Винки все мечтал о том, чтобы его обняли; это происходило редко, затем еще реже, пока вовсе не прекратилось.

Иногда глаз беспокоил его, иногда — нет; он слышал шум — шаги, захлопывание дверей, приезжающие и уезжающие машины, — но не обращал на них никакого внимания; порой подолгу он ничего не чувствовал, закрыт ли был его глаз или открыт, застрял ли он или свободно двигался. Время от времени по какой-то задумке барометра или из-за влажности больной глаз сам открывался или закрывался по собственному желанию, в зависимости от того, сидел медведь или лежал, и на какое-то мгновение начинало казаться, что мир вернулся к своему нормальному состоянию, потому как его глаза двигались согласованно, не вызывая напряжения и не причиняя боли.

Затем бывало так, будто все, что он видел и чего не видел, имело смысл, и он казался себе прежним, таким, каким всегда себя помнил. Но вскоре (если случалось так, что Клифф брал его на руки на минуту, возможно, чтобы отыскать что-нибудь на полке) Винки понимал, и это было похоже на удар, что его больной глаз снова застрял — в закрытом или открытом состоянии или, что еще хуже — где-то посередине, и от этого он снова был не в ладу с самим собой, и его взгляд на этот мир, насколько он мог оценить себя со стороны, был сумасшедшим, одурманенным. Он слышал, как Клифф хихикает над его видом; на первый взгляд, это было даже мило. Потом Винки охватывала грусть, похожая на

ужас. Она пронизывала его всего, потому что у него даже не было сердца, чтобы как-то сдерживать грусть. Был только страх и переживание, желание закричать или заплакать. Он понимал, что в такие минуты он становится сумасшедшим, безнадежным медведем — даже если в это время Клифф обнимал его — полусуществом, не способным вызывать любовь, реагирующим на все плохое, что есть в этом мире. Разум Винки превращался во вспышки света, которые постепенно затухали. Или иногда он надолго впадал в беспамятство, а случалось так, что и этого не происходило — все становилось как бледно-серым.

Мальчик бросил его уже давно. Винки лишь наполовину проснулся. Он снова был спокоен, но прислушивался к каждому звуку, вдыхал каждую молекулу, что пролетала мимо, — запах воска от карандашей, старых блокнотов, своего собственного жалкого меха и опилок и еще репеллента, что распылял по округе грузовик, который время от времени проезжал по улицам, борясь с комарами.

Вот так и прошло почти два года.

9.

Реклама по телевизору и насмешливое монотонное пение Кена в гостиной, крик Клиффа: «Нет!», затем плач на лестнице, и вот он рыдает уже здесь, как и много раз до этого. Он остановился у кровати и свернулся на ней калачиком, и даже теперь сердце медведя едва не раскрылось навстречу мальчику, который к нему больше так и не прикоснулся.

«Семь лет», — думал Винки, глядя на него и стараясь быть объективным. Семилетний мальчик плачет, затем пытается успокоиться, перестает плакать и вот уже просто дышит, все еще свернувшись калачиком. Его тихое, короткое дыхание, его детская голова и прямые, песочного цвета волосы. Его носик... Почему медведь не мог просто взять и отпустить его, как сначала отпустил Рут и позже всех детей, что были до Клиффа?

— Слишком рано, — ответил он сам себе. Дело было не в том, для Винки еще не пришло время отпустить мальчика. На самом деле он понимал, что как раз для него было уже слишком поздно. Причина крылась в том, что Клифф оттолкнул его слишком рано и слишком жестоко, поэтому каждый раз, когда Винки видел мальчика, его переполняло чувство несправедливости за такое отношение к себе.

— Стена, — сказал он про себя. — Между нами стена, стена, стена, стена... — Эти слова походили на рыдание, однако после них не наступало облегчения. А могут ли настоящие рыдания смягчить боль? А если свернуться калачиком, а если дышать? «Стена, стена, стена», — все думал медведь, и казалось, смысл этих слов почти доходил до него, и ведь, вполне возможно, вскоре он поймет, что этого ребенка он на самом деле уже потерял, как и всех остальных, и он действительно был одинок. Факт, простой факт.

Однако — будто эта мысль обладала волшебной силой, будто смирение с неизбежным, как это ни парадоксально, сняло проклятие — именно в этот момент Клифф повернулся к нему и сел на кровати.

— Привет, Винки, — сказал он. Огромные серо-голубые глаза были полны слез и любви. Сколько времени прошло? Клифф подошел к полке и снял с нее медведя, держа его в руках, словно младенца в пеленках. Один глаз Винки тихо закрылся, другой застрял открытым. Сколько прошло времени с тех пор, как его обнимали так нежно в последний раз?

— Я больше не играю с тобой, — с серьезным видом сказал Клифф, глядя на него.

«Да уж», — подумал медведь. Ему хотелось еще сильнее прижаться к стене и спрятаться. Наполовину восторженный, наполовину взбешенный, он мог лишь смотреть своим испорченным глазом на мальчика, который отверг его. И как будто этот скошенный взгляд возымел силу убеждения или даже истины, лицо мальчика скривилось от угрызений совести.

— Прости, Винки! — всхлипнул мальчик.

И старый медведь оказался в крепких объятиях Клиффа, и плечи мальчика содрогались от горестного плача.

10.

Нет, нет, нет, это было невозможно... За все эти годы Винки не возвращался ни к мальчику, ни к девочке, ни к какому ребенку. За все эти годы любовь ребенка никогда не возобновлялась, такого никогда не было раньше, потому что этого просто не могло быть.

И что же вызвало такой взрыв чувств у Клиффа? Винки был озадачен вопросом весь оставшийся день, вечер и всю ночь, пока Клифф спал; но он знал, что на этой неделе началась школа, и в тот день Кен дразнил его — Винки даже не подозревал, почему, — и Клифф прибежал наверх в слезах. Затем он успокоился и повернулся к Винки... Но печальное воссоединение закончилось так же резко и странно, как и началось: все так же сопя, Клифф просто посадил Винки обратно на полку и пошел вниз, видимо, снова смотреть телевизор.

Медведь не мог вернуть то, что было, да и не хотел, это бы не принесло добра, даже если бы у него это получилось; даже несмотря на то что все это время он думал, что хочет вернуться к прошлому. Нет, он порвал связь с прошлым, было уже слишком поздно.

И все же на следующий день, пока Кен был на репетиции со своей музыкальной группой, Клифф поднялся наверх и снова снял медведя с полки.

— Теперь я буду играть с тобой каждый день, — прошептал он. Мальчик осторожно нажал на правый глаз медведя и открыл его, таким образом, оба глаза снова были в гармонии друг с другом. Затем он провел медведя по кровати. Винки не хотелось этого, и все же, когда Клифф замурлыкал «Ду-ди-ду», медведь увлекся, и ему начало казаться, что он и сам идет по кровати и напевает мелодию — какую-то забытую мелодию, настолько красивую, что, казалось, она исходила из его души.

Теперь больше, чем когда-либо раньше, несмотря на свои прежние рассуждения, Винки слушал и наблюдал за своим единственным другом, чей приглушенный голос, доносящийся из кухни или гостиной, приятно ласкал слух медведя и заставлял его вздрагивать от томного ожидания. Не более недели назад это же самое состояние, казалось, призывало Клиффа снова подойти к медведю, а теперь день за днем проходили в забвении, причем, видимо, Клиффа не терзали угрызения совести, он об этом даже и не задумывался.

Однажды днем Кен и Рут зашли в комнату мальчиков, и, пока Рут стояла и смотрела, тринадцатилетний толстячок забрался на комод и принялся натягивать липкую ленту из одного угла в другой угол большого венецианского окна.

— Пойдет? — спросил Кен.

— Мне кажется, надо пройти еще раз и здесь, — ответила Рут.

— Хорошо...

Винки и раньше слышал их деловую беседу и этот резкий скрип скотча, доносящийся из других спален, и ему интересно было знать, чем они там занимаются. Кен приклеил ленту к окну в виде буквы «Х» еще раз, отступив от первой несколько сантиметров.

— Спасибо, — сказала Рут, когда Кен спускался с комода. — Конечно же, папы нет дома, и мне приходится все делать самой.

Винки вздохнул про себя, услышав излюбленный повод для жалобы. На этой неделе Дейв был в командировке в Нью-Йорке.

— Пол говорит, что нам, возможно, придется покинуть дом, — сказал Клифф, только что появившийся в дверях. Всех троих сегодня отпустили из школы раньше.

— Они даже не знают наверняка, доберется ли она до нас, — ответила обеспокоенная Рут. — Она может изменить направление.

За заклеенным окном виднелась безобидная бледная голубизна неба. Правый глаз Винки, застрявший открытым, сегодня опух и особенно болел, как это обычно и случалось

в хорошую погоду. И все равно медведь забеспокоился. Рут и Кен переместились к окну в ванной, а Клифф следовал за ними по пятам, свистя, как ветер. Теперь Винки слышал звук отрывающегося скотча и с первого этажа, и это, наверное, был Пол, который занимался таким же делом.

Когда стали надвигаться сумерки, Винки заметил, что боль в правом глазу не просто уменьшилась, а исчезла, впервые за два года. Обычно ему легчало, когда шел дождь, но такого облегчения он еще не испытывал. И вдруг он почувствовал, как глаз даже перестал плотно сидеть в глазнице (медведь сидел прямо, и глаз оставался открытым), теперь же он немного качался вверх-вниз, как и раньше. Впервые за два года ни глаз, ни глазница не были раздуты. Ему захотелось сказать кому-нибудь: «Взгляни-ка!», но все находились внизу за ужином, и в спальне было темно.

На улице небо быстро заволокли облака, и уже наступила ночь. Вскоре стал дуть ветер и начался дождь. Свет уличных фонарей и окон на противоположной стороне улицы стал расплывчатым от дождя, и силуэты молодых деревьев заматались у тонких шестов, к которым были привязаны деревья. Венецианское окно дребезжало при каждом порыве ветра. Винки даже видел, как стекло с приклеенной к нему лентой немного вдавливалось внутрь окна и с треском возвращалось в исходное положение, после того как порыв ветра стихал. Теперь за окном шел ливень, и капли ударяли по окну, словно кто-то кидал в него пригоршни гальки.

Медведя начало трясти. Он ощущал себя крошечным, даже меньше, чем обычно. Ему очень хотелось, чтобы Клифф поднялся, и если и не обнял его, то хотя бы просто взял на руки, и если не взял на руки, то хотя бы поговорил с ним, и если не поговорил с ним, то хотя бы взглянул на него, и если не взглянул на него, то хотя бы включил свет... И все же казалось, что одиночество и гнев медведя почти прогнали, как духов, этот проливной дождь и звук гремящего окна. Пусть этот страшный ураган уничтожит этот дом и всех, кто в нем живет. Вечер тянулся медленно, никто так и не приходил. Винки услы-

шал, как кто-то идет по лестнице, но оказалось, что это был Пол; как и обычно, вечером в будний день подросток запирался в комнате и начинал играть на гитаре «Дом восходящего солнца». Между порывами ветра до медведя доносились звуки телевизора — музыка, голоса актеров, новости. «...Порывы ветра достигают... Ураган Бетси... Советуем жителям... в ближайшее убежище...»

— В такой ветер? — кричала Рут. — Нести с собой еду и постель?

Ветер. Грохот. По телевизору сказали что-то еще, и Рут произнесла в ответ:

— С какой стати мы будем там в большей безопасности — в какой-то школе, с кучей других людей?

Винки находился в тревожном замешательстве от услышанного. Была ли она права? Пол пропел еще один мрачный куплет, предупреждения по телевизору продолжались, и затем за мокрым окном можно было видеть, как во всем квартале погас свет.

— Ох! — сказали Кен и Клифф. Пол прекратил свое бречение.

— Так, — вымолвила Рут, будто случилась обычная мелкая неприятность, и Винки почти успокоился.

Единственное, что можно было слышать, — это шум ветра и дождя, молотящего по окну в спальне и другим окнам в доме.

— Куда папа положил фонарик? — пожаловалась Рут. — Он должен был лежать на холодильнике.

— Отойди, — сказал Кен, видимо, Клиффу.

— Вот он, — пропела наконец Рут, и Винки мог представить себе круг из света на кухонном полу, его отблески на лицах Кена и Клиффа. Здесь же было темно, как в пещере. Рут крикнула:

— Пол!

— Да, — мужественным голосом отозвался подросток, и Винки услышал, как он пробирается вниз по лестнице к остальным.

— Ну и что теперь? — спросила Рут с юмором, как обычно, будто в доме произошел очередной непредвиденный случай. Однако дождь и ветер не утихали, а становились все сильнее.

Рут сказала что-то о свечах и о еще одном фонарике в багажнике «Фалькона». Будто какой-то измерительный прибор для погоды, окно, рядом с которым находился Винки, стало грохотать еще сильнее. В темноте он представил себе, как скотч, наклеенный на окно в виде буквы «Х», дрожит все яростнее и яростнее. Так помечают место, где...

— Что, если будет наводнение? — спросил Клифф.

— У нас двухэтажный дом, придурок, — сказал Кен. — Мы просто поднимемся наверх.

Это немного успокоило Винки, ведь он уже был наверху, но тут Рут заметила:

— Держитесь подальше от гостиной. То окно, боюсь, может разбиться. — Окно в гостиной выходило туда же, куда и окно в спальне, в которой находился Винки.

— Вам уже давно пора лечь спать, — заметила Рут Кену и Клиффу сквозь шум от их быстрых шагов по лестнице.

В фиолетовых бусах, что принесли с праздника Марди-Гра, отразилась вспышка света, и Рут зашла в спальню с фонариком в руках. Винки почувствовал, как его слабый желтоватый свет проплыл мимо его потертого лица.

— Это самое никудышное, — сказала Рут, посветив на окно. — Только послушайте.

При очередном порыве ветра окно загремело снова. Пол пришел в комнату следом за матерью со своим фонариком.

— Ух ты, оно может разбиться в любой момент, — сказал он.

— Пол! — Рут раздраженно вздохнула. — Что ж, Клиффу и Кену здесь лучше не спать. Вот, поддержи-ка.

Рут отдала Полу свой фонарик, и Винки увидел, как она стянула с матрасов простыни и одеяла и понесла их в прихожую, откуда донеслось раздражающее шарканье ее ног, такое же, как обычно, когда она занималась хозяйством.

— Ты можешь светить в одно место?

— Почему они просто не могут спать на диване в гостиной? — поинтересовался Пол.

— Рядом со стеклянными дверьми? Вода уже в доме. — Она поспешно забрала с кровати подушки и кинула их в прихожую. — Я не буду спать всю ночь, буду вытирать полы.

— Хорошо, хорошо...

— Пойди-ка поищи свой транзисторный приемник.

Он пошел осторожным шагом, и вскоре из комнаты Пола стали доноситься резкие отрывистые металлические звуки радио, по которому передавали новости: «...сборы... Портчартрейн... уровень моря...» Рут, видимо, спустилась вниз и перед тем, как Винки услышал приближающиеся голоса Кена и Клиффа, сказала:

— Хорошо, сходите и принесите пижамы.

На какое-то мгновение Винки почувствовал себя почти в безопасности, представляя себе пижамы, теплые одеяла и подушки на полу прихожей, как будто приходили гости и остались ночевать. Ему казалось, что он уже там лежит, удобно устроившись, что о нем позаботились.

— А разве не будет наводнения? — взволнованно спросил Клифф. Он уже давно должен был лечь спать.

— Только в черных кварталах, — поправил его Кен. — В нашей части города ничего не произойдет.

Винки хотелось знать, правда ли это. Вероятно.

Свет фонарика Рут снова осветил комнату, и Клифф с Кеном зашли на цыпочках, будто стараясь не потревожить окно, которое продолжало с грохотом трястись от дождя и ветра. Фонарь осветил бледные полосы ленты на окне, которые все так же дрожали. Рут направила размытое пятно света на комод, чтобы Клифф мог видеть — и именно в тот момент, когда семилетний мальчик открывал второй ящик, Винки понял то, что уже давно должно было стать очевидным, — Клифф тоже пришел за пижамой, не за медведем.

Мальчик взял то, за чем пришел, закрыл ящик и поспешил из комнаты. За ним проследовали Кен и Рут, закрыв за собой дверь, оставив Винки наедине с темнотой, грохочущим окном и ураганом.

Грохот, грохот. Ребенок должен жить, ребенок должен расти, и, пока он растет, он должен был с чем-то расставаться, как, например, всегда расставались с Винки. И как только он мог подумать, что на этот раз его не бросят?

Предательство, и ветер, и темнота, и дождь, и грохот.

Глупо, глупо, глупо было думать, что с Клиффом все произойдет иначе, не так, как с другими детьми. На сей раз, который наверняка был последним, и, следовательно, это был конец. Винки был один. Одиноким глупый медведь, одинокие опилки и ткань, скрытые глупые мысли и медленная смерть во время урагана — все это должно было случиться, и лишь глупый медведь мог допустить мысль о том, что все будет иначе.

Стекло затряслось, на мгновение замерло, снова затряслось от сильнейшего ветра, который дул прямо на медведя и лишь в последний момент сдерживался этим единственным прозрачным оконным стеклом.

Но как же?.. Что?.. И надолго?.. Почему же?.. И что же делать?..

Порывы ветра принесли с собой ужас, и Винки тысячу раз представлял, как это бледное стекло наконец разбивается: осколки, ветер, ярость, впившиеся в него кусочки стекла — все кружится в водовороте, который поднимает и уносит прочь медведя, всего в грязи, в бешенстве, несет над деревьями, скрытыми под водой, залитыми лужайками, тротуаром и домами, и грязью, где-то там, в страшной, грохочущей от ветра темноте.

Но даже если так должно было случиться, что он останется один... Тогда медведь надеялся, что по крайней мере — надеялся, что по крайней мере — надеялся, что по крайней мере... Он все не мог постичь — ни тогда, в этой ужасной комнате, ни сейчас, спустя годы, в своей камере, — о чем же он так мечтал; что же он надеялся не потерять в этот последний раз; что же такое, не имеющее имени, если оно на самом деле не было потеряно, каким-то образом могло уберечь этого мальчика от неизбежной судьбы всего человечества и, возможно, всех других существ тоже; и почему же он чувст-

вовал, что, если Клифф спасется, что бы это «спасется» ни означало, это спасет и его самого тоже?

Ни бессердечие, которому отдавали предпочтение, ни невинность, которая была так недолговечна, ни ложь, в которую верили, ни разбитые мечты, ни ярость, которая накатывала на него снова, ни потерянные знания, ни пережитая печаль, ни перенесенный стыд. Нет, ни от одного из вышеперечисленного он не собирался спасти мальчика, а от чего-то всеобъемлющего — чего? — чего-то, что было не меньше, чем законы этого мира, и тем не менее он надеялся, вопреки своему разуму и опыту, что, может, на сей раз законы этого мира не сработают.

— Только один раз, сейчас, — сказал себе медведь тогда, в темноте урагана, и теперь, в своей слишком светлой камере, для того чтобы сделать себе больно за подобное желание, и в то же время продолжая этого хотеть. И все же... все же... Глупый, глупый, глупый! Как законы этого мира могли не сработать?

Винки и законы этого мира. Винки и законы этого мира. Дождь, молотящий по стеклу. Винки и законы этого мира. Он смотрел прямо перед собой на дождь, молотящий по стеклу.

Всю ночь напролет, в кромешной тьме тряслось и скрипело окно. Оно так и не разбилось.

Часть 2

**Ах, если бы только у детей была возможность,
какие различные истории они написали бы о себе!**

***Фредерик Тутен.
«Тинтин в Новом Свете»***

Винки живет самостоятельной жизнью

Как медведь попал с полки, висевшей в спальне пригорода, в хижину, находившуюся в лесу, где его и арестовали? Необычное путешествие началось всего лишь с мысли. Той, которая не раз появлялась у Винки до этого, но на сей раз он также знал, что у него получится.

Казалось, дом тихо шумел в предвкушении чего-то нового. В нем никого не было. Своими силами Винки поднялся на ноги, стряхнул с морды пыль, медленно прошелся по книжной полке и спрыгнул на подоконник. Его ноги смягчили прыжок — он немного отскочил от подоконника и снова опустился на него. Винки посмотрел через прозрачное стекло. Светило солнце, и в округе было абсолютно тихо. У тротуара было посажено молодое деревце, и его немногочисленные бледные листья трепетали на ветру. Мимо проехал пожилой мужчина на гигантском трехколесном велосипеде, и снова никого.

Винки прекрасно знал истории, начинающиеся с «Давным-давно, когда все еще имело смысл чего-то желать...». Теперь он видел, что пришло новое время желаний, так же как никуда не уходило и старое, и оно продолжалось и в этот день. Он поднял с подоконника большую старую книгу

и швырнул ее в окно. Грохот совсем не испугал его — настолько твердым было его намерение. Он медленно выполз из окна, пробираясь сквозь торчащие в нем осколки стекла.

Винки стоял на ящике для растений, что находился за окном: в нем ничего не росло, и он был немало потрепан непогодой. Медведь огляделся по сторонам, шурясь от солнца. Он не был на улице вот уже почти сорок лет, с тех пор как однажды «принял участие» в кукольном представлении на лужайке. Тусклость этого воспоминания заставила его усомниться в том, было ли это на самом деле. Он посмотрел на свою мягкую круглую медвежью лапу, ту, что швырнула книгу. На ней не было ни пальцев, ни когтей, ни мышц, ни связок — это была лишь потертая меховая ткань да опилки. И несмотря на это, его лапа взяла книгу и бросила ее.

— Ха, — пожал плечами Винки, — я способен на многое.

С ящика он сошел на живую изгородь. Он немного повертелся на подрезанных колючих ветках, усеянных темно-зелеными листьями. Хотя он и натыкался постоянно на эти колючки, они не пронзали его. Изгородь колыхалась и дрожала под его мягкими шагами.

— Ха, — сказал он себе, — так вот каков мир.

Порою в своей камере Винки думал о том времени и спрашивал себя, почему же, если уж он смог ожить, у него не могут теперь вырасти крылья или почему он не может превратиться в мощное чудовище, которое смогло бы рушить стены на своем пути? Или даже в чудовище, которому все равно?

Тогда, находясь в доме, на своей полке, Винки совсем забыл, что такое любовь. Семья переезжала с места на место, и его перемещали на новую полку. Больше ничего не менялось. Шли годы, в воздухе поднималась и оседала пыль, в комнате становилось жарко, потом холодно и снова жарко. Он потерял всякую надежду на то, что его когда-нибудь снимут с полки и обнимут. Еще годы. Но, когда прошло уже так много времени с тех пор, он оставил свои надежды абсолютно бесповоротно и достиг конечного состояния — непорочности, способной творить чудеса. Он моргнул лишь раз, поняв при

этом нечто новое и ужасающее, как раз в тот момент, когда достиг этой точки. И то, что он мигнул, то есть просто опустил и поднял свои стеклянные глаза, которые при этом издали характерный щелчок, означало, что он проявил впервые свою новую способность, совсем даже не намереваясь этого делать. Ведь он моргнул сам, его даже никто и ничто не наклонило ни вперед, ни назад. Вполне возможно, что это произошло от землетрясения, и на самом деле это событие не имело колоссального значения в жизни медведя. Однако Винки знал, что собою представляет землетрясение, и знал, что ничего подобного не происходило.

Изнуренный, боясь подумать о чем-то еще, он заснул и проспал несколько дней с широко раскрытыми глазами. Ему снилось несметное количество снов, каждый из которых он забывал, лишь только сон заканчивался. Время от времени Винки просыпался. Ему казалось, что он сидит на дне пруда с прозрачной жидкостью и смотрит на мерцающий свет в небе. Но затем он увидел, что находится в своей светлой комнате, как и прежде, оперевшись на все ту же старую книгу, печально и абсолютно неподвижно взирая на две двуспальные кровати синего цвета, аккуратно убранные. Возможно, само время остановилось. И вот тогда у него и возникли три желания, и это означало, что они вполне могут сбыться.

Во-первых, он хотел обрести свободу; во-вторых, хорошенько покушать; и в-третьих, научиться ходить по-большому в туалет.

Теперь, находясь на улице, на живой изгороди, впервые по своей воле, Винки медлил. Он боялся. На своем привычном месте, на полке, он тоскливо смотрел в окно на этот зеленый прямоугольник столько раз, сколько он просто не смог бы сосчитать. И вот теперь он прикасается к нему, заставляет его трястись. Цвета казались ярче. У него заболели глаза. Он посмотрел в голубое небо, на пятнистую, зеленую с желто-коричневым лужайку, на противоположную сторону улицы, где стоял белый, покрытый ржавчиной пикап. Почему-то машина придавала ему смелости.

— Хорошо, — сказал он. — Давай-ка попробуем сделать что-нибудь еще.

И со звуком «умф» он прыгнул с ограды. Затем вытянул в сторону лапы и почувствовал, как махровая ткань его одежды хлопает на ветру по его талии. Он моргнул, когда упал.

Винки наслаждался силой притяжения. Но расстояние от ограды до лужайки было намного больше, чем от полки до подоконника. Винки думал, что если принять во внимание все те возможности, которые преподнес ему этот день, то он не просто упадет, а мягко приземлится на лужайку, словно дельтаплан, равномерно движимый той же самой невидимой рукой, что подарила ему жизнь и радость движения. Но, несмотря на то что его падение, казалось, длилось долго, приземление было стремительным и жестким. Винки несколько раз споткнулся, прежде чем оказался лежащим на животе рядом с одуванчиком, его ворсистые лапы при этом были раскинуты в стороны.

Он вздрогнул и, тяжело дыша, стал ловить ртом воздух. Что-то проворчав, он перевернулся и посмотрел в небо, которое кружилось где-то над ярким желтым цветком одуванчика. Кислород придал ему сил. Всем своим пухлым телом он ощущал столько странного, и особенно конечностями: скрытое движение, покалывание, легкое подергивание. Винки вдруг почувствовал, что одет в рубашку из махровой ткани, которую когда-то давно для него сшили.

— Это не я, — медленно произнес он с полным убеждением. Он лишь хотел быть нагим. Эта мысль пробудила в нем необъятное желание бороться. Рубашка была его прошлым, его прежним существованием, с которым он покончил; и он сорвал ее с себя и бросил на траву, где она теперь лежала скомканная. Ему бы очень хотелось, чтобы она каким-нибудь образом сгорела на нем, пока он летел из дома на лужайку. Казалось, он путешествовал во времени: то ли назад в прошлое, к своему тогда еще невинному «Я», то ли вперед, к своему более совершенному воплощению, — он не знал наверняка. С гордостью, от которой кружилась голова, он нагнулся

и внимательно осмотрел торчащий светло-коричневый мех своего выпирающего живота, выгоревшего, всего в пятнах и потертого.

— Чесотка, — удовлетворенно сказал он.

Ощущая слабость в теле, он присел и осмотрелся. Мир и его место в нем изумляли его. Винки мысленно строил причудливые треугольники, начиная от себя к недавно посаженному дереву, к кончику соседской крыши и назад к себе; затем к другому дереву с красными колючими цветами, или унылой серой улице, или, возможно, к покрытому ржавчиной пикапу, и назад — опять и опять. Он увидел, что при особом, красивом, бесконечном сочетании как раз таких треугольников он оказывался в обнаженном, древнем, убогом бытии.

Винки почти забыл, что ему надо было поесть, но там, в траве, в нескольких метрах от него под молодым деревцем валялось около дюжины каких-то длинных коричневых стручков. Незадолго до того Винки смотрел в окно и видел, как один старый кореец с женой наклоняются и собирают эти самые стручки в бумажные пакеты из магазина. Затем они заковыляли по кварталу, направляясь к следующему дереву, и продолжили собирать стручки. Тогда Винки не понял, что они были съедобные. Но теперь он знал: выглядели они аппетитно. В восторге Винки пополз на четырех лапах к благоухающей лужайке и спрятался в тень дерева, под которым валялись стручки. Он поднял один, присел и принялся грызть его. Быстро разгрыз и впился в большое семечко, что находилось внутри. На вкус оно напоминало шоколад.

Вскоре Винки расправился со всеми до единого стручками, валявшимися под этим деревом. Он взгляделся в редкие молодые ветки над головой и увидел еще больше стручков, коричневых и длинных, соблазнительно свисающих меж заостренных серо-зеленых листочков. Он наелся, но ему доставляло удовольствие созерцать это изобилие, до которого он мог при желании добраться.

— Да они похожи на кал, — заметил Винки про себя удовлетворенно и тут же вспомнил о своем третьем желании.

Мир и его место в нем изумляли его

До этого Винки никогда еще не ходил в туалет, хотя не раз и притворялся, что ходит. Теперь, когда он подкрепился как настоящее животное, было легче это сделать. Он добежал до конца лужайки и в ожидании присел на корточки, как делали собаки всех пород и мастей несметное количество раз. Он сосредоточенно смотрел на травинки прямо перед собой. И когда в этом состоянии ему показалось, что это множество выходящих молодых былинки стали целым миром, и ничего нельзя было увидеть, кроме зелени и травы, Винки почувствовал медленное и при этом непреодолимое движение внутри себя, все ниже и ниже. Такой силы внутри себя он еще не никогда не чувствовал.

Он ощущал некоторую тяжесть и покалывание, а еще тепло, словно он закутался в мех; эти ощущения, казалось, сверкали внутри него. В нем одновременно что-то накапливалось и сквозь него проталкивалось, медленно и неизбежно. Ему было больно, но не очень. Он почувствовал, как какая-то неизвестная внутренняя часть его торжественно движется. Затем маленький шов на его теле тихо раскрылся, и вот впервые то, что было внутри его, выходило наружу. Он закрыл глаза. В темноте нечто новое, похожее на экстаз, пронеслось по нему, словно огромный грохочущий грузовик в замедленной съемке. И все. Вздвогнув, он повернулся посмотреть на то, что произвел на свет, и заметил в траве коричневую блестящую массу. Он понюхал ее и, отметив, что она немного отдает запахом семян, которые он только что съел, остался доволен собой. Это было намного лучше игры. Затем он привстал на цыпочки и осмотрел улицу, вдоль которой росли деревья с маленькими коричневыми стручками и растянулись желто-зеленые прямоугольники лужаек, один за одним. Ему хотелось оставить свой особенный отпечаток на каждом участке.

Почти все жители окрестностей были стариками, и в жару они благополучно сидели в своих домах или выезжали из автоматических дверей своих гаражей в уже закрытых изнутри роскошных, напоминающих по форме матку, автомобилях

с кондиционированным воздухом. Винки съел стручки и сделал свое дело на двадцати пяти лужайках, прежде чем увидел человека. Надвигался вечер, было жарко. Винки очень устал и все же решил продолжать свое занятие, потому как он не знал, чего еще он хотел. По тротуару быстро шла старушка в ярко-бирюзовом махровом спортивном костюме. Винки не обратил на нее никакого внимания и продолжал очищать кожуру с особенно сочного стручка. Краешком глаза он видел, как фигура в бирюзовом продолжала двигаться, и слышал, как громко шуршала только что выстиранная ткань.

— Ей определенно нужно снять это с себя, — довольно сказал про себя Винки, с удовольствием вспоминая свое собственное освобождение от одежды несколькими часами ранее.

Только он успел очистить большое семечко с шоколадным вкусом, похожее на букву «У», и положить его себе в рот, как понял, что старушка не прошла мимо него, а стояла в нескольких метрах от него на тротуаре, уставившись на медведя. Винки повернулся к ней и сердито посмотрел на нее своими широко раскрытыми коричневыми глазами.

— Какой, какой, какой симпатичный, симпатичный, маленький, маленький, — заворковала старушка. Ее монотонный голосок, который, казалось, был старше, чем само время, безмерно взбудоражил Винки. Из-под бирюзовой повязки выбивались ярко-белые, седые волосы, а лицо ее было таким же старым, как и сам Винки. Она вглядывалась в него сквозь огромные очки с толстыми стеклами. Похоже, она не очень хорошо видела. — Что же ты за кроха такая? — Она принялась подзывать его к себе и вытянула вперед руку, будто предлагая еду. — Ты живешь у кого-то дома? Ты еще маленький? Ну, вот и кто же выпустил на улицу такую симпатичную крошку?

Винки чувствовал себя так, будто эти два мира — человек и животное — разорвали его на две части. Монотонное гудение женщины словно тянуло его назад. Забытые воспоминания о колыбелях, куклах, объятиях и крошечных щечках собирались в кучу вокруг его разгневанных, широко раскрытых глаз. Он выронил из лап семечко.

— Что ты, что ты? — пропела седая искусительница. Теперь она опускалась на колени в траву, пытаясь разглядеть, что же представляет собою Винки. — И чей же этот маленький пушистик? Пушистику нужен домик?

Винки знал, кем является и чем занимается в данный момент, и хотя он понимал все это отчетливее, чем когда-либо, его переполняли сомнения и чувство одиночества. Три его желания осуществились, и что теперь? Теперь был он ничей.

— Крошка, крошка, малыш, — ворковал голос. — Ну и что же ты за кроха такая?

Винки хотелось прикоснуться к этим седым волосам и уткнуться носом в это загорелое морщинистое лицо, будто какую-то вещь. Ее молочно-голубые глаза моргали за стеклами очков. Винки понял, что если она подойдет слишком близко, то поймет что он не был ни зверем, ни игрушкой, а чем-то пугающим и странным, чего этот мир еще никогда не видел, — многообразное существо, постоянно изменяющееся, уродливое, созданное самим собой, сшитое из тела, духа и воли, что были дарованы ему.

Старушка осторожно приблизилась еще на шаг, продолжая напевать своим высоким голосом и подзывать его, и то ли страх, то ли печаль, то ли гнев вышли из-под контроля: у Винки невольно вырвался визг, похожий на смех помешанного. Он еще никогда не издавал и не слышал подобных звуков, но вот какими они получились:

— Иииин! Иииин! Иииин!

Старушка в страхе отпрыгнула назад. Винки не двигался, продолжая пристально смотреть на нее, а она повернулась и принялась осторожно, на цыпочках удаляться. Ему почти захотелось вернуть ее, но было уже слишком поздно. Прихрамывая, она бежала в панике, пока не исчезла за углом. С грустью ликуя, он снова издал эти звуки.

Покорившись своей новой судьбе отшельника, Винки направился в лес. Он разглядел его с одного из деревьев, что росли вдоль тротуара, на которое залез для того, чтобы выяснить, отличались ли по вкусу стручки, висящие на дереве,

от тех, что валялись на земле. Так он надеялся отвлечься от преследующего его образа старушки. Повиснув на ветке, жуя без особого интереса, он посмотрел сквозь листья и над красной черепичной крышей розового дома увидел бледную вершину голубоватой, покрытой лесом горы. За ней садилось солнце, гора выглядела умиротворенно и свежо на фоне абсолютно ясного, желтого неба. Винки понял, что именно туда он и должен пойти.

Часами он бежал от лужайки к лужайке, пересекая одну серую улицу за другой, увертываясь от машин, прячась от собак и детей. Казалось, он шел в никуда. В тот день осуществились три его желания; неужели у него не возникнет больше никаких? «Я уйду жить в горы, — восторженно повторял он про себя, и то ли полз, то ли шел. — Как настоящий медведь».

Винки так давно был старым, что находился вне какого-либо возраста. Или, по крайней мере, ему не с кем было сравнивать себя. Он был игрушкой одного ребенка, а спустя годы — еще пяти. Каждый из них заново сдавал ему в аренду жизнь, похожую на отсрочку смертного приговора. Но эта цепочка оборвалась — все это происходило много лет назад. После этого Винки измерял свою жизнь количеством тоски. Маленькая тоска, умноженная на десять, составляла большую тоску; в свою очередь, большая тоска, умноженная на двадцать, превращалась в супертоску. После того как Винки пережил супертоску двадцать или даже больше раз, он сбился со счета. Однако это время ожидания никогда не было для него мучительным, потому что к тому моменту он напрочь забыл, чего ждал. Он потерял нить своего существования и погрузился в мысли о жизни. И таким образом обрел свою мудрость.

Мудрость приходила ему на помощь, когда он пробирался через кварталы, думая о той горе, о жизни под деревьями. Ему наскучило это путешествие, но он продолжал идти. Наконец лужайки стали шире, а порой между низких пригородных домов не было ничего, кроме деревьев и высокой травы. Он уже слышал странные звуки, издаваемые животными,

загадочные крики, которые одновременно манили и пугали. Что, если Винки придется не по душе диким животным? Но даже если в эту ночь его разорвут на мелкие кусочки львы и тигры, он смирится с этим, потому что такова его судьба.

В этот момент исчез из виду свет кухонного окна последнего дома, и в ночной темноте огромные величественные деревья стали смыкаться над головой Винки. Он услышал журчание ручья откуда-то слева и пошел к нему на ощупь сквозь густой, спутанный, сладко пахнущий подлесок.

Выбравшись из деревьев, он оказался на скалистом берегу и в свете луны увидел, как под нависшими деревьями, журча, течет вода. Винки остановился, чтобы немного попить и затем подкрепиться темно-оранжевыми ягодами, которые свисали гроздьями у него над головой. Вкус, который он ощутил, был волной удовольствия, еще никогда не испытанного им, — будто у него во рту взорвались звезды. Он ощущал приятную тяжесть в лапах, его одолело желание заснуть. Винки пришел. Засыпая на покрытом мхом камешке в последние пред-утренние часы, он знал, что у него будет намного больше трех желаний, что они будут постоянно появляться у него, одно за другим, а это означало, что рано или поздно каждое из них сбудется.

Когда Винки проснулся через несколько часов, его охватила дикая, неистовая боль в животе. Он лег на него и начал прижиматься к камням. Всю ночь ему снились какие-то обезглавливания, которые явились кульминационным моментом действий и ощущений, что возникали сами по себе. Лягаясь, он переворачивался до тех пор, пока не оказался в грязи и листве вместо камней, но боль не утихала, и он снова начал прижиматься к земле. У него было такое ощущение, будто сама грязь излучала острую, мучительную боль теплыми волнами, которые теперь накатывали еще быстрее, и он от них отбрыкивался. Это продолжалось все утро и весь день. Когда эти горячие волны превратились в вибрацию, ему показалось, что они превратились в свет. Винки перестал видеть и почувствовал, что все его швы вот-вот разойдутся. Невыносимая боль

пронизывала снова и снова и затем начала вылезать из него. Казалось, это будет продолжаться вечно, и теперь то, что было внутри его, было тем же самым, что находилось вне его. Он откинулся на спину, и мучения прекратились.

Винки весь взмок и дрожал. Моргнув, пытался очнуться. Он жалел, что ночью наелся тех ягод, и обернулся, чтобы посмотреть на ужасную кучу, которую он, должно быть, наложил.

Но то была совсем не куча. В траве и листве лежало его дитя.

Все те годы на полке и даже в течение этих двух дней, проведенных на воле, Винки и не надеялся найти такое же существо, как он сам. Но вот он лежал, только меньше и совершенно беспомощный, в толстой шубке из нового меха, и смотрел на себя большого. Значит, все это время это было его самым сокровенным желанием, о котором он даже и не подозревал. И опять же все это время ребенок постепенно рос внутри его, словно жемчужина или бриллиант, появившись из расплывчатого пятна одиночества, под легким давлением опилок Винки.

Журчал ручей. Сонные глаза малытки моргнули и закрылись, издав характерный металлический щелчок, как это получалось у Винки. С закрытыми глазами малыш открыл свой крошечный ротик, и Винки прижал ребенка губами к стертому соску на груди, откуда уже сочились жемчужные капли питательного молока. Пока Винки его кормил, малыш заснул.

Как мечты и истории начинают жить своей жизнью, так ожил и Винки. И как каждый смысл дает начало более глубокому смыслу, так и Винки дал жизнь новому существу. Он держал ребенка на коленях и молча рассматривал окружающий его мир: колышущиеся ветви высоких деревьев, дрожание тысяч ярко-зеленых листьев, по форме напоминающих звезды. Пока Винки наблюдал, ветер усилился, и, хотя листва была еще совсем зеленой, два или три листочка с мягким щелчком оторвались от ветки и стали падать сквозь ветви

на землю. Теперь Винки понимал все. Он смотрел на мелкий ручей, в котором, кружась, проплывали мимо водовороты, и перед его глазами пронеслись его желания, одно за другим. В этот момент он понял, что с ним случилось какое-то конечное превращение, еще более примечательное, чем чудо рождения. Что-то происходило с его моргающими стеклянными глазами. Они были мокрыми, и из них текло. Упали капли. Винки плакал.

Темнело. На небе, видневшемся меж деревьев, показались звезды. Слезы Винки бесшумно падали на пушистые щеки малыша, одна за другой. Ребенок проснулся. Он посмотрел вверх, изумляясь тому, откуда падали эти прохладные капли, — влажным, понимающим глазам мамы-папы, и увидел в них отражение миров.

Замечательные жизни

1.

Блестящие багровые ягоды, что росли у холма, так и напрашивались в рот, темнея на фоне бледных листьев; и без какой-либо подсказки малышка Винки потянула к себе усыпанные ягодами ветви лозы, срывая ртом самые спелые. Довольный, что его детеныш будет сыт, Винки сам принялся есть. Это был самый обыкновенный летний день.

И все же не было на Земле ничего более необыкновенного, чем эти два существа — оживший Винки и Малышка Винки, его чудо-ребенок, зачатый одиночеством, тоской и обретенной свободой. Никто из людей не видел их дольше одной секунды, и они были единственными представителями своего рода. То, что они пережили зиму на горе, являлось им еще большим чудом, поскольку Винки приходилось импровизировать все животные инстинкты, начиная от того, где необходимо спать и чем питаться, и заканчивая (что еще более важно) заботой о пушистой малышке, которая всецело зависела от него.

Жуя потихоньку кислые ягоды, Винки не забывал об опасности. Он даже не знал, как долго продлится ее детство, ведь она была его первым ребенком; однако, видя, что она была в два раза меньше него, он догадался, что малышка уже наполо-

вину выросла. Он начал размышлять (как часто этим занимался) о том, в каком направлении пойдет ее жизнь. «Мир и судьба, мир и судьба», — казалось, пели деревья над его головой.

Винки наблюдал за ней, когда она выплюнула стебелек и впиалась в следующую ягоду. Несмотря на то что малышка все еще зависела от него, она, как и он, принадлежала самой себе, и так было всегда. Например, она была девочкой (хотя Винки употреблял это слово в довольно неопределенном смысле). Была любопытна и расспрашивала маму-папу о каждой мелочи, будь то жук или верхушка холма. Всего этого Винки, занятой родителем, просто не замечал. Она воспринимала мир по-своему.

— А там? — спросила она теперь, подкрепившись ягодами, наклоня голову в сторону следующего холма, где колыхались листья различных цветов и формы.

— Зеленая гора, — сказал он. Так называлась их игра, в которой они угадывали, куда пойдут дальше и что там найдут.

— А там? — спросила она, показывая на сосновый лесок.

— Тень и прохлада.

Если выяснялось, что она хотела пойти туда, куда Винки не желал идти, малышка тут же успокаивалась, но сейчас она хихикнула и решительно направилась в сторону сосен.

Винки кивнул сам себе, отвечая на вопрос о том, следует ли отпускать ее туда. Он не стал идти за ней слишком близко. Невидимые узы между ними: она притворялась, что тянет за них, — еще одна шутка, которая у них была, означавшая, что она хочет побыть в одиночестве.

Замедляя шаг, Винки наблюдал, как малышка проходит мимо замысловатых очертаний куста. Когда она была совсем мала и, громко топая, пришли охотники с ружьями, он брал ее за шиворот и мчался в тайную берлогу, которую смастерил в дуплистом дереве. Как же она кричала! Этот крик почти свел Винки с ума — он попытался объяснить, но она была слишком мала для того, чтобы это понять.

Теперь же малышка понимала, но частенько не соглашалась. «Это хорошо, — сказал Винки про себя, — не соглашать-

ся — хорошо». Одна мысль об охотниках заставила его промчаться мимо куста и побежать на извилистый холм в поисках своего детеныша, который теперь мечтательно стоял в прохладе высоких сосен.

Винки облегченно вздохнул, но когда Малышка Винки заметила его, то нахмурилась из-за того, что нарушили ее уединение. Винки пожал плечами и наполовину отвернулся, сделав вид, что рассматривает папоротник и красно-коричневые колючки у себя под ногами.

Медведь, который так много лет помогал заботиться о чужих детях, теперь сам был родителем. «Медвежонок, маленький медвежонок», — шептал он себе еще до того, как отнял малышку от груди, чтобы подбодрить себя, когда ему приходилось грызть желуди, настолько маленькие и твердые, что даже белки отказывались их есть, или когда посреди ночи он рылся в мокром мусоре у обочины дороги, в то время как Малышка Винки спала у него за спиной. Когда она немного подросла и смогла идти рядом с ним, Винки старался научить ее всяким вещам, большинство из которых он сам понимал незадолго до того.

— Вот как надо делать, — сказал он этим утром относительно багровых ягод.

— Да? — отреагировала она, криво улыбаясь.

— Да, — подтвердил Винки, но она хихикала.

С того момента, как ее глаза впервые открылись, у Малышки Винки появился особенный талант видеть его насквозь. Когда Винки впервые убежал, его непоколебимой целью было жить, как настоящий зверь, а не как игрушка, в стороне от желаний и принуждений человеческого общества. Этого он хотел и для своего детеныша, и на некоторое время он почти забыл, что когда-то носил рубашку и сидел на качающемся стуле, притворяясь, что пьет из игрушечной чашки. Но каким-то образом Малышка Винки понимала, что он заблуждается.

Однажды поздней ночью, когда они вернулись домой из далекой поездки, Винки показал ей, как следует опрокидывать

мусорные урны и разбрасывать их содержимое по участку. Совершенно не обязательно было это делать, чтобы найти пустые банки из-под варенья, или черствые булочки для бутербродов, или еще что-то очень вкусное — Винки хотел наделать как можно больший беспорядок. Это занятие, казалось, соответствовало их животной натуре, отдаляя их еще больше от домов и тех, кто в них живет.

— Вот, — сказал он, облизывая обертку от конфеты.

— Вот, — ответила на, бросая через плечо бумажный стаканчик «Дикси».

И они засмеялись, глядя на бумажные тарелки, фольгу и розовые салфетки «Клинекс», которые освещала луна. И как раз в тот момент откуда ни возьмись появился енот и молча принялся жадно разрывать пенопластовый контейнер, не обращая никакого внимания на плюшевых медведей и их смех. Винки хватило единственного взгляда своего ребенка, чтобы понять очевидное: настоящие дикие животные не шутили со своей дикостью. Два Винки являлись жителями звериного царства не больше, чем человеческого. Они были, есть и будут где-то посередине и вне их.

Итак, в этот теплый августовский день, когда Малышка Винки с изумлением смотрела куда-то вверх, а Винки старался не смотреть на нее, казалось, даже шумящие сосны, безмолвные полосы облаков и журчание ручья обращались к ним почти со стоном: «И все же, кто вы?»

Тишина, следовавшая за этим, ожидала их ответа, затаив дыхание.

— Винки? — пропищала малышка, поворачиваясь к нему.

— Малышка Винки, — отзывался медведь.

— Винки? — продолжала первая.

— Малышка Винки, — отвечал второй.

Это было чем-то вроде шутки и в то же время нет. Это было их самой старой игрой, в которую они начали играть с тех пор, как малышка впервые заговорила. И за этим занятием они могли провести целый день, просто называя друг друга по имени или произнося свое собственное имя.

2.

В другой части леса жил сумасшедший профессор, который с недавних пор помешался на Малышке Винки. Кроме него, ни один человек еще не видел ее. Винки был крайне бдителен, и медведи прятались при любом постороннем запахе или звуке, поскольку Винки, бывшей игрушке, слишком хорошо была знакома страсть человека хватать все, что является таким же прекрасным и единственным в своем роде, как его ребенок.

Профессор пришел жить в уединенную лесную хижину несколькими годами ранее, и до тех пор, пока он не обнаружил Малышку Винки, думал, что уже никогда никого и ничего не полюбит. Целыми днями профессор занимался изготовлением бомб, которые один раз в месяц относил в конец леса и посылал по почте одному из своих врагов. Затем возвращался в хижину, устало включал старый телевизор и ждал, что произойдет.

Он был неизменно разочарован, потому что, как бы он ни старался, его бомбы никогда не взрывались. Местному отряду саперов приходилось уносить посылку на какую-нибудь близкую автостоянку, зажигать ее и отбегать на безопасное расстояние. Как правило, даже тогда «бомба» не взрывалась.

Нет (отшельник часто мысленно спорил сам с собой), он был не просто какой-нибудь террористишка. Допустим, что они оба читали лекции в университете Беркли и впоследствии стали жить в отдаленной хижине в лесу. И действительно, они оба ненавидели современный мир, но кто любил его? И конечно же, они были сверхъестественно похожи друг на друга тем, что посылали бомбы своим врагам. Но, в отличие от Террориста, отшельника еще ни разу не поймали и, более того, никогда и не поймут (говорил он себе). Кроме того (делал он вывод), Террорист был математиком, а профессор преподавал литературное мастерство. (Его уволили в середине семестра за кое-какие хвалебные комментарии в адрес книги Гитлера «Майн кампф».)

Последовавшая за этим война против университетского начальства и прочие нехорошие поступки внушили ему безрассудную цель, но в последнее время отшельнику приходилось

признать, что терроризм уже не доставляет ему такого удовольствия. Он не знал, чувствовал ли он это из-за того, что не очень преуспевал на этом поприще, или потому, что просто потерял к этому занятию всякий интерес.

Ребенком он любил убивать саламандр и других маленьких существ, которые легко ловились. В надежде воскресить юношеский энтузиазм он заставлял себя обратить свое нездоровое внимание на такие занятия, как охота и рыбная ловля. Он называл это «Жизнь на острове», имея в виду не столько утраченное искусство рыбной ловли и стрельбы (к которому у него напрочь отсутствовали способности), сколько смутное чувство уединения с природой. «Я живу ею», — любил он повторять себе, целясь из ружья или ставя ловушки. Часто животные оказывались хитрее него (и это убивало вышеупомянутое ощущение), и поскольку он был ученым, то поклялся, что будет их изучать. С этой целью еще дальше в лесу он соорудил замысловатое укрытие, из которого мог подолгу наблюдать за птицами и млекопитающими, оставаясь незамеченным. Он сделал сотни записей на мини-дисках о жизни животных, и каждый из них пометил, как «Жизнь на острове». Хотя он ругал себя за то, что DVD-камера была современным удобством, однако тут же отвечал себе, что она служит потенциально эффективным средством для того, чтобы донести до всех его послание, например, в его собственной телевизионной программе. Обычно эта мысль угнетала его. Ведь в чем заключалось его послание? Пока отшельник бранил себя ровно сорок семь раз на дню (за каждый год своей жизни), у него так и не родилось никакого послания. Несмотря на тысячи страниц, исписанных аккуратным подчерком, его манифест ускользал от него.

В эту лихорадочную неопределенность и вошла Малышка Винки.

Стоял туманный день, и небо было затянуто облаками. Медведи шли вдоль кромки ручья, нахмурившись и не разговаривая, потому что Малышка Винки хотела продолжать есть ягоды: «Ух ты!», а Винки был твердо убежден, что, если она

съест их еще, ей станет плохо. Теперь они искали плоды шиповника, но у Малышки Винки не было к этому никакого желания.

Справа от себя отшельник услышал хруст; он выглянул из своей засады и вдруг увидел двух самых странных существ, которых когда-либо встречал.

Существа были похожи на медведей, но не на тех, что он видел в жизни или по телевизору. Они были размером не больше, чем с младенцев, а один к тому же еще меньше, чем другой. Иногда они шли прямо, как два человека-карлика, ловко срывая самые красные плоды шиповника передними лапами. Иногда они ползли на четырех лапах и с жадностью хватали ягоды ртом, как обычные животные. Их карие глаза, щелкая, удовлетворенно моргали каждый раз, когда они проглатывали пищу. И что еще удивительнее, оказалось, что их глаза были изготовлены из стекла и металла, а подушечки их лап, похоже, были из выцветшего хлопка — по их краям виднелись грубые швы.

Невозможно переоценить эффект, который произвело реальное чудо на разум, и так уже расшатанный маниями. Два неизвестных существа продолжали свои сосредоточенные поиски в кустах, покрытых шипами, словно мимолетные желания в листе кошмара. Когда отшельник наблюдал за ними, у него появилось тонкое, едва уловимое, забытое ощущение того, что теперь он чего-то сильно желает. Ему захотелось выкрикнуть из своего укромного места: «А вот и я!» Так кричит ребенок, играя в прятки, когда видит, что его старший брат проходит мимо, не замечая его. Затем, к еще большему его изумлению, та, что была поменьше, с блестящим красивым мехом, запела:

*Веселая болтовня,
Болтай весело дальше.*

Расскажи о том, чем хочешь заняться.

Профессор чуть не рухнул в своей засаде. Голос этого существа был тонким и сладким, как будто играл крошечный гобой.

*У тебя должна быть мечта,
Если у тебя нет мечты,
Как же она тогда сбудется?*

Когда она закончила, послышался необыкновенно искушенный смех большого, потертого медведя — он мог легко сойти за декана факультета, который пришел на вечеринку с коктейлями. На какое-то мгновение профессору показалось, что существа издеваются над ним. Получается, все это время они знали, что он здесь живет? Они устроили тут какое-то глупое представление и смеются? Или, что еще хуже: а вдруг эти два существа — жестокая мистификация — роботы или голограммы, посланные, чтобы свести его с ума?

Но потом медведи просто переместились к следующему кусту, и, когда они ели, у них был настолько невинный и беспечный вид, что отшельник успокоился. Они все-таки были настоящими животными, несмотря на столь необычный вид; и нет, вряд ли они выслеживали его.

Парочка снова затихла, сосредоточив все свое внимание на ягодах. Вверху над высокими скрещенными ветвями подул ветерок и тут же затих, превратившись, как показалось, в бесконечную тишину.

— Винки? — зачирикал медвежонок.

— Малышка Винки? — ответил другой.

— Винки? — повторила первая.

И когда медведь, что был побольше, отвечал, профессор беззвучно шевелил губами, тоже произнося: «Малышка Винки». И на самом деле ему показалось, что более прекрасного имени у нее и быть не может. Он пытался успокоить свой разум, но у него все больше кружилась голова от того, что он наблюдал. Он говорил себе, что всего лишь испытывает глубокое волнение по поводу научного открытия, но на самом деле это было нечто большее.

Пока он продолжал наблюдать, поразительное маленькое существо выпянуло вверх шею, и солнечное пятно осветило ее светло-коричневый, одурманивающе густой, короткий мех.

Словно мимолетные желания в листве кошмара

Отшельник был изумлен. Его лицо и руки, словно взорвавшись, покрылись крошечными мурашками, как будто у него самого внезапно вырос мех, будто он сам покрылся миллионами нежных и сложных фолликулов и его кожа стала бархатом. Ему показалось, что вот-вот выпрыгнет сердце. Еще никогда ему не хотелось так сильно чем-то обладать. Может, это было галлюцинацией? Нет, он знал, что на самом деле является свидетелем чего-то необычного и в то же время реально-го, и, не зная, что еще подумать, сказал себе, что то, что он увидел, было вознаграждением за выполненную им в лесу миссию. Он думал, что такое увидит любой, кто вернется к истокам. Отшельник выключил камеру.

Услышав щелчок, существа убежали прочь.

— Черт! — разнеслись по лесу эхом слова профессора.

Камера запечатлела лишь шелестящие листья, на которые профессор, словно загипнотизированный смотрел в своей хижине. Когда он больше не мог этого вынести, то принялся мастерить еще несколько укрытий для наблюдения и в каждое из них ждал, когда это диковинное существо, Малышка Винки, появится снова. Но хитрые маленькие медведи были особенно осторожны и ловко обходили все засады профессора. Проходили дни и недели, а Малышка Винки так и не появлялась, и возбуждение профессора только росло. От того, что его сердце, казалось, постоянно выскакивало из груди, он стал слабеть. Он уже не занимался бомбами — вся сила его безумия направилась на маленькое животное, которым он так желал завладеть. Как, как, как, спрашивал он себя, можно было утолить эту жажду? Склонившись над своим плетеным столом, поглаживая бороду, он аккуратно написал в тетради: «Малышка Винки: предварительные заметки».

Он задумался на мгновение, затем начал:

«Малышка Винки появляется как украшение самого длинного и красивого предложения, которое вы когда-либо читали. Плотность и красота языка окружают и помогают Малышке Винки».

Как раз в этот момент он услышал хруст и, затаив дыхание, почти поверил в то, что вызвал дух своей любви. Он выглянул из укрытия — нет, всего лишь глупый олень. Профессор продолжил писать.

«Если Малышка Винки заплачет так-то и в такой-то момент, ты тоже заплачешь. Тебя тянет ее успокоить. «Бедная Малышка Винки!» — скажешь ты. Этот момент выражается такими обстоятельствами — опасность, провоцирование преступления, — чтобы прекрасный плач Малышки Винки воздействовал на тебя как муки». Профессор вспотел. Он остановился на минуту, кусая карандаш. Но эта остановка тоже оказалась мучительной. Он писал слишком медленно.

«Малышка Винки где-то ползает. Малышка Винки гуляет отдельно от большого Винки. Каким-то образом Малышка Винки подвергается опасности. У Малышки Винки появляется новый друг. (Я?) На какое-то мгновение она в безопасности. Но затем что-то происходит, Малышка Винки заворачивает за угол и обнаруживает опасность, — и ожидание, рев. (Я?) Выживет ли Малышка Винки? Если да, то как? а) испытание ее чему-то научит, и она перехитрит противника? б) случайно, невольно, и таким образом событие подтвердит ее невинность и чистоту? Должно быть, «б».

Профессору приходилось сдерживать себя, чтобы от волнения не выйти из засады. Когда он писал, его рука тряслась. «Она дикое животное подсознательного. Она похожа на Будду, только маленькая и пушистая. Она присутствует во всех твоих любимых книгах — книгах, о которых ты не вспоминал годами: Вальден, Орландо, «Портрет художника»... В ней присутствует всегда актуальная, не поддающаяся влиянию пикантность героев мультфильмов 30-х гг., предстающих перед нами в одиночестве на фоне природы: утка в пруду; кролик в норе; мышь в лодке. С чем она столкнется, когда окажется за кадром? То есть каким неожиданным и веселым образом она победит и унизит своего бесталанного врага:

- Волк, раздавленный в лепешку?
- Кот, разрезанный на мелкие кусочки?

— Охотник, застреленный своим же собственным ружьем?»
Страница запрыгала перед глазами отшельника и разорвалась на куски. Его дыхание сбилось. Он упал в обморок.

Наступает восхитительный вечер, когда все тело — одно большое ощущение и каждой порой оно впитывает в себя наслаждение. Малышка Винки идет и, обладая какой-то странной свободой, воссоединяется с Природой...

Голова профессора дергалась из стороны в сторону. Его сердце забилося из всех сил, остановилось, снова забилося.

Плес Темзы распростерся перед Малышкой Винки, словно начало бесконечного океана. Невдалеке море и небо соединились, как сустав...

Звук трубы затихал, и Малышка Винки стояла абсолютно голая. Со времен сотворения мира ни одно человеческое существо никогда еще не выглядело более восхитительно...

Я называю Малышкой Винки бесстрашие, празднично лежащее и приходящее в восторг от опасности. Его можно увидеть во взгляде, в походке, улыбке, и именно оно создает внутри тебя вихрь страстей...

Дикий ангел, Малышка Винки, явилась ему, ангел смертной юности и красоты, посланница справедливых судов жизни, чтобы в момент исступленного восторга раскрыть перед ним ворота всех грехов и блаженства. Навсегда, навсегда, навсегда, навсегда!

Профессор очнулся от обморока и услышал мелодичный шелест рядом с его укрытием. Он был в книге, в видении или мире? Он посмотрел сквозь прутья и листья. Вот она — Малышка Винки — всего лишь в метре от него, невинно пьет из ручья. Она выглядела несколько иначе, чем образ, запомнившийся ему, — уши были больше, мех темнее, — но нет, это могла быть только она. Второго, самца, нигде не было видно.

Сердце профессора бешено колотилось. Он бросился из укрытия и схватил свою любовь.

— Иииин! Иииин! Иииин! — закричала она.

И, отдаваясь эхом на дне ручья, в ответ слышался крик, только голос был ниже.

3.

Винки увидел, как сумасшедший с бородой исчез в овраге, а на его плече визжала Малышка Винки. Медведь бросился за ними через кусты. Каждый крик его ребенка был словно трещина в реальности. Ну, почему он потерял ее из виду? Он мчался как обезумевший. Ежевика, грязь, мешковатый зад похитителя, мелькающий в листве.

Обвисший зад уносил с собой его жизнь. Он не должен потерять из виду тот движущийся клочок ткани цвета хаки. Винки кричал и ревел. Лязгающие лапы. Догонял ли он их? Он снова закричал. Стали ли крики его ребенка ближе? Мимо проносились листва, верхушки ветвей. Там, впереди, клочок ткани цвета хаки, казалось, застрял.

— Черт возьми! — закричал похититель, пытаясь перевести дыхание.

Медведь пробрался сквозь заросли ежевики и прыгнул. Он вцепился в похитителя, который держал его малышку. Ее крики были для Винки, словно уколы булавкой в глаза. Винки рычал и клал зубы. У него вдруг потемнело в глазах — что-то ударило по нему. Неужели у этого больного были кулаки? Если Винки разорвет зубами извивающееся существо цвета хаки, ребенок будет освобожден. У Винки снова потемнело в глазах. Он кусал в особенно мягкое место. Он кусал со всей силы. Чудовище ревели и изгибалось.

Время замедлило ход. Винки почувствовал, как в его рот брызнула странная струя. Из чудовища вытекала какая-то внутренняя жидкость. Страшное существо вот-вот исчезнет, как двуногий водяной шар, он станет податливым и вежливым, и Малышка Винки нежно опустится на волну.

— Иииин! Иииин! Иииин! — продолжал кричать детеныш. Винки хотел сказать ей: «Не волнуйся», но он должен был кусать. Удары по его голове не прекращались. Он и не такое заслу-

жил, оставив свое единственное дитя, позволив такому случиться. Пятна стали разноцветными. Затем он почувствовал, как его череп крепко сжали и с силой потянули. Винки вцепился еще сильнее, но мягкая плоть чудовища увернулась.

— Черт! — выругался мужчина, задыхаясь. — Ах ты маленькая дрянь!

В следующий момент Винки оказался над землей. Он выплюнул жидкость. Он успел заметить, что похититель держал Малышку Винки, крепко прижав ее голову к своей. Винки рычал, вопил и извивался.

Сумасшедший закричал:

— Пошел вон!

И Винки полетел по воздуху мимо кружащихся вокруг него деревьев. Позади него пронизывающие крики его единственного ребенка становились все ниже, следуя закону Доплера. Винки ударился о землю, издав писк. Он поднял голову, попытался застонать, но его глаза, щелкнув два раза, закрылись.

Профессор привязал Малышку Винки бечевкой к своему столу и предложил ей большой выбор еды, из которой она съела лишь сырные шарики и муравьев в шоколаде. Ему пришлось пройти немалый путь, чтобы раздобыть для нее такое, и каждое утро и каждый день он подавал ей все это на двух тарелках из тонкого листового золота. Однако хныканье Малышки Винки не прекращалось.

Она целыми днями сидела на столе, глядя в грязное окно лачуги и шепча: «Папа, мама, папа», как она звала Винки, когда еще была маленькой и беспомощной, когда он днем и ночью кормил ее грудью. Она продолжала ждать, что морда Винки — такая же, как и у нее, — вот-вот появится из кустов.

Вместо этого днем и ночью над ней маячили печальные глаза и аккуратная седая борода профессора.

— Шшш, — шептал он. Время от времени она кусала его, хотя знала, что это не принесет никакой пользы. — Сейчас, сейчас, — бормотал он, резко хлопая ее по носу. — Нет!

Малышка Винки ненавидела эти попытки «выдрессировать» ее, особенно с тех пор, как противный удар стал просто утешением по сравнению с ее тяжелой утратой. Три раза в день она приседала на корточках у края стола и ходила в туалет, и три раза в день он шлепал ее за это, толкая ее к мусорному ящику, который купил, и вопя: «В ящик! Ходи в ящик!», как будто она до сих пор это не поняла. Наверное, после сотого раза она повернулась к профессору и довольно отчетливо заявила:

— Запретный круг: не приближайся, не прикасайся, не поглощай, не наслаждайся, не разговаривай, нигде не появляйся, в конечном счете, не существуй, живи лишь в темноте и тайне.

Ее похититель не знал, что, когда малышка не горевала по своему потерянному родителю, она читала. Она уяснила: отчаяние ускоряет обучение. Она читала и ночью, когда профессор спал. В течение нескольких недель она ознакомилась со всеми его тетрадями, надеясь найти какие-нибудь новости о Винки, и затем принималась усваивать все те знания, что обитали на битком набитых книжных полках профессора.

Дело было не в том, что она надеялась побеседовать с профессором. Она понимала, что это было бесполезно. Просто ее отчаянию, возраставшему с каждым днем, нужен был выход. Он не заслуживал ее собственных слов, и поэтому она говорила чужими. Даже страдая, ребенок играет, и Малышка Винки произнесла первое, что пришло ей на ум.

— Фуко, — добавила она, печально пародируя настоящее цитирование.

Этот последний контакт с ней поразил похитителя, но лишь на мгновение, а затем ее неожиданная попытка к речи поглотилась его многочисленными теориями о ней. Они продолжали лихорадочно будоражить его, возможно, теперь, когда он обладал ею, еще больше, чем когда-либо. Профессор достал новую тетрадь и присел, чтобы понаблюдать за своим прирученным животным, как делал это каждое утро. Он написал: «Ткань и опилки — овощ. Металл и стекло — минералы. Укусы и испражнение — животное. Речь и пение — человек. Существование — невозможно!»

Увидев то, что он написал, и его очевидное удовлетворение от написанного, Малышка Винки закатила глаза.

— Неужели вы думаете, что то, что не есть красиво, обязательно уродливо? И все, что не есть мудрость, — невежество? Разве вы не знаете, что у разума есть промежуточное состояние между мудростью и невежеством? Сократ, по словам Платона. Почему у нас больше желаний, чем в той горе? Почему? Штейн.

Профессор оказался в замешательстве, услышав последнюю фразу. Он заметил, что глаза у нее печальные и старые. «Старая и при этом молодая, — сделал он запись. — Подчиненная и при этом внушающая ужас. Красивая и при этом нелепая».

— Ваш рассказ, сэр, излечит глухоту, — холодно сказала его одержимость. — Что еще видишь ты в темном прошлом и пучине времени? Шекспир, «Буря».

Теперь отшельник нахмурился. Он написал: «Возмутительно. Кажется, М.В. намеренно передразнивает меня — будто она говорит то, о чем думает, а то, о чем думает, остается для меня тайной. Будто она шутит со мной за мой же счет».

Малышка Винки подошла к тарелке и с презрением проглотила муравья.

— Он собрал коллекцию бабочек и попросил мать дать ему мышьяк, чтобы убить их, — сказала она. — Однажды по комнате довольно долго летал мотылек с воткнутой в него булавкой. — Она утрюмо присела. — Фрейд. Сон представляют смешным, потому что прямой и самый короткий доступ к его мыслям запрещен. Там же. Песня кровоточащего горла! Уитмен.

Профессор ожидал, что это маленькое существо станет в его жизни чистым голосом невинности, однако она разговаривала на его языке, языке книг, который отдавался в нем эхом печали. Он тревожно продолжил: «Ее выбор пищи, например: подлинное предпочтение или презрение — или и то, и другое?»

На мгновение Малышка Винки попыталась проникнуться переживанием к полному отсутствию такового у отшельника. Заглядывая к нему в душу, она увидела стену, за которой кипели страсти. От этого ей стало больно. «Поскольку свободное общение —

самый настоящий труд, — прошептала она, — такой, что некоторые даже говорят, что этому ему надо обучаться. Лакан».

Решив, что раскрыл потенциал пленницы, отшельник принялся давать ей уроки гуманитарных и естественных наук, объясняя, что это будет напоминать концовку «Грозового перевала», если благородную девицу заметят за обучением чтению необразованного мальчика — профессор забыл имена героев, это было и неважно — в отношениях ученик — учитель мальчик и девочка начинают подходить друг другу, поскольку процесс обучения сглаживает разницу в уровне образованности и сближает их, ведь, как описывается, они склоняют головы над одной и той же книгой. Малышка Винки с горечью подумала, что засмеялась бы, если бы ее давила не выразимая словами боль утраты. Она вспомнила, как когда-то называла своего родителя по имени и он отвечал, но этого не вернешь. К чему пришел мир? Глядя на седые волосы, торчащие из носа отшельника, она сказала:

— Человек Гоббса скитается по улицам, забавно, и его волосы блестят...

Профессор щелкнул ее по носу и начал урок.

Шла примерно тринадцатая неделя заключения, когда Малышка Винки решила исчезнуть. Эта идея осенила ее как-то ночью, подарив неожиданную и почти успокоившую ее уверенность, как и осознание того, что она всегда обладала даром исчезновения. Он всегда был в ее распоряжении.

Похоже, обычное выражение ее лица основательно изменилось, поскольку на следующее утро безумец внезапно прервал урок и выпалил:

— Ты забыла про того большого медведя. Ты больше не думаешь о нем, так ведь? — Он понимал, что говорит со слишком большим чувством, но не мог сдержать себя. — Да! Об этом говорят твои глаза.

Он имел в виду, что теперь ей хотелось быть его любимицей, но это было совсем не так. Начиная хныкать, чего не делала уже несколько недель, Малышка Винки сказала, больше для себя, чем для него:

— Я хотел попробовать плоды со всех деревьев сада по имени «Мир». Уайльд. — Она вздохнула, отворачиваясь к тусклому окну. Уже так долго она созерцает этот опустевший лесной пейзаж, где нет Винки, пейзаж, похожий на пожелтевшую, покрытую толстым слоем лака, картину. Она закрыла лицо. — И все же какие потрясающие моменты можно выхватить у этого серого, медленно движущегося существа по имени «время».

Это было ее последней жалобой. Она вычислила, что ее исчезновение займет не больше нескольких дней. Оно позволит ей пройти через необходимые уровни смирения, назад пути не будет. Она стала понемногу расти. Сладкие муравьи и кислый сыр накапливались в ее тарелках. Она смотрела в окно так же печально, как и раньше, однако теперь она надеялась увидеть своего родителя не в лесу, а в ином мире, каким бы он ни был, прошлым или будущим, и во что бы они в нем ни превратились.

Порой она уже находилась там, то ли вспоминая, то ли еще предвкушая, она не знала точно. Не здесь и не сейчас представлялась ей в виде тысяч сложных событий и эпох история за историей, и все они не просто были возможны, а уже существовали во всей своей красе.

Прошло немного времени, когда отшельник заметил, что она светится, потому что вначале этот свет не затмевал то небольшое сияние, что всегда окружало его любимицу с тех пор, как он впервые ее увидел. Он продолжал обучение и полагал, что ее более редкие ответы являлись признаком примирения с новыми условиями жизни, которые он ей представил. Он даже с нетерпением ждал дня, когда сможет развязать ее.

Но однажды вечером, когда он выставил тарелку свежих муравьев, выкинув из нее тех, что она не съела до этого, его поразил золотистый отблеск на крошечных тускло-коричневых шоколадных фигурках. Он взглянул на источник света и увидел своего любимого медвежонка. Хотя ее стеклянные глаза оставались печальными и опущенными вниз, не выдавая,

таким образом, ее плана, он догадался — с ужасом и, словно пророк, понимая, что его желания безнадежны — она уходит, она уже почти ушла от него.

Во всем мире она была единственной, кто был таким же уникальным и странным существом, как он сам. Он надеялся, что их аномальная сущность сделает их союзниками, но понимал, что этого не случится. Она не могла жить в заключении. Она увядала, как дикий цветок, и ее увядание было светом. Так и не сумев подчинить себе это милое существо из ткани, ему оставалось лишь контролировать увядающий цветок.

А может, это он увядал? Его сердце выскакивало из груди. На самом деле сердцу уже давно нужен был отдых; этого он тоже не замечал.

— Умоляю... — произнес он.

Чудо-ребенок сказал:

— Проанализировав этот случай, ты ясно увидишь, что проявление любви — это плод милосердия, а не природы.

Отшельник упал замертво.

То ли она сама, то ли ее свет начал издавать шум, который разнесся по всему лесу; казалось, он исходил из каждой веточки. Вскоре пронизывающая музыка дошла до спящего Винки.

Его глаза резко открылись. Прошли месяцы, а он так и лежал в том же месте, его уже оплела лоза. Он снова стал почти игрушкой.

Но даже в этом неподвижном мраке, пока Винки лежал, окруженный густым лесом, не в состоянии ни что-либо знать, ни делать, он слышал крики своего драгоценного ребенка. Теперь они, похоже, стали громче и поэтому разбудили его, но, когда он проснулся, от них остался лишь непрекращающийся звон, похожий на эхо органа в соборе.

Он тяжело встал и нетвердой походкой стал продираться сквозь листья, сломанные ветви, папоротник, старые шины, грязь, пластиковые упаковки, дикие цветы, кучи навоза, пепел

от костров, ежевику. Не обращая внимания на порезы и ссадины, он шел на крик умирающего ребенка. Свист-звон-жужжание — все росло, и он вышел на опушку.

Там, в грязном окне хижины, он увидел Малышку Винки, чей мех горел золотом пламени, разгораясь все сильнее, — бесподобное видение, полностью состоящее из света.

Его единственное дитя обернулось, и, увидев, что ее родитель наконец пришел за ней, малышка поняла, что ее исчезновение представляет собой не просто какое-то отдельное действие, а дикий спектакль для того, кто произвел ее на свет. Оно было похоже на самый нелепый танец, который только можно было себе представить. Светясь, она слегка пожала плечами, будто желая сказать:

— Посмотри. Еще одно чудо.

Понял ли ее Винки? Глядя на своего пылающего ребенка, он знал, что все это лишь вопрос, касающийся того, что можно отнять и чего нельзя. Как выяснилось, он произвел на свет ангела. Ее маленькие муки не могли искупить ничьих грехов, хотя и были символичны, как и все страдания, как любая пытка и, следовательно, как любая нелепость. Со слезами на глазах он вопрошающе поднял голову. И пока он смотрел на нее, она, словно светлячок, внезапно погасла, загорелась снова и исчезла.

* * *

Перед своим исчезновением Малышка Винки начала писать мемуары, при свете луны, на огромном блокноте, который она обнаружила в ящике стола, к которому была привязана. Винки наткнулся на него спустя некоторое время — блокнот был спрятан позади стола. Несмотря на то что ее короткая жизнь была так жестоко оборвана, ребенку, видимо, было что вспомнить. Листы были с обеих сторон покрыты сотнями заметок и отрывков — люди, места, события. И хотя Винки ничего не знал об этих людях, местах и событиях, он каким-то образом прекрасно понимал написанное. Вот чем заканчивались записи:

Когда мы в тот день приехали, нам сообщили о смерти Оскара Уайльда. Моя подруга Габриэль была еще более потрясена, чем я. Мы бродили по портовому городу, словно в бреду. И когда мы направились к центру вдоль узких извилистых улочек, мы заметили, как все вокруг изменилось: новые рестораны и кафе, которых раньше не было, странного вида курортные закусочные, даже миниатюрный белый замок с четырьмя фальшивыми башенками — все это, казалось, было знаменем нового духовного начала, которое должно было появиться. Ярко светило солнце. Мы зашли в одно из этих заведений и присели перед небольшим внутренним двориком.

Зная, что это был день, когда жизнь надо было есть большой ложкой, Габриэль без колебания дала официанту согласие на участие в представлении с бабочками. Я с гордостью наблюдал, как моя возлюбленная, с которой мы не расставались вот уже пятнадцать лет, в своем черном бархатном платье выскользнула из стеклянной двери и царственно остановилась у складного столика во дворике. Я смотрел на нее со слезами на глазах. Улыбаясь толпе, Габриэль засунула руку в одну из трех оранжевых банок, и оттуда, сверкая на фоне ее черного рукава, испачканного в меде, когда она вытащила руку из глиняной посуды, показалась неопишуемой красоты бабочка.

Она проделывала это снова и снова, и каждый раз на ее рукаве появлялась новая переливающаяся бабочка, летящая на мед и бархат. Ее крылья нежно хлопали — радужно-голубой на фоне огненно-оранжевого, или золотой в окружении ровного белого, или бледно-зеленый с алым на черном. И тогда я не выдержал, даже в такой день, когда преследование и заключение, казалось, одержали победу раз и навсегда, я знал, что наступил переломный момент и нас ждет только хорошее, которое довольно скоро сменится плохим, возможно, невообразимо плохим, а позже — снова хорошим, может, даже невообразимо хорошим — и так снова и снова. Габриэль, моя подруга, стояла освещенная солнцем нового века.

Ницца, 1900

Винки оплакивает потерю

Равномерно затянутое серыми облаками небо приглушало все цвета. Опало много листьев, и деревья казались оголенными, и в то же время на расстоянии мелкие ветки делали их пушистыми, словно деревья были из плюша. В опавших, но при этом невероятно желтых листьях виднелись отблески света. Меж голых деревьев тихим костром желто-зеленого, оранжево-розового или коричнево-красного пылали те, на которых еще оставалась листва.

Прошло несколько недель с тех пор, как Малышка Винки исчезла. Вспоминая, как светилося в окне его утраченное дитя, Винки теперь повсюду видел свет — мириады огоньков.

Округлое дерево с переплетенными ветвями и крошечными дикими яблоками, казалось, распылило повсюду ярко-оранжевые точки, которые дереву было легче рассеять в спокойный серый свет полуденного леса. Каждый куст и каждая ветка старались избавиться от чего-нибудь, а именно — от света каждого невероятно яркого листочка или ягоды, которые улавливал глаз, словно счетчик Гейгера. Перед тем как листьям приходило время упасть, они должны были попрощаться с лучами, пронизывающими их; от света, а не от листьев должны были избавиться деревья.

С взъерошенных облаков падал серый свет, и его снова поглощала их мягкость, будто это был хлопок или тело Винки. Медведь должен был впитывать и еще раз впитывать суровые, унылые факты, в том числе и собственное отчаяние. Он поднял голову и взглянул на решетку из темно-золотых и зеленоватых листьев клена, чьи огромные ветви переплелись, словно змеи на голове у Медузы, но безобидной формы. Казалось, дерево слишком активно и при этом тщетно пытается отбиться от медведя.

Картина напоминала ему жест полусумасшедшего, безумно встревоженного, однако без видимой причины, нелепо предостерегающего его, что вот-вот случится нечто ужасное. Но было уже поздно.

Если бы только он не оставил ее одну в тот день. Ей хотелось пойти вверх по ручью, он отпустил ее, а потом...

Винки шел под осенними деревьями. Тусклые коричневые листья падали вокруг него на тропинку. Раньше под этими деревьями шли двое, теперь — лишь один. Винки шел под осенними деревьями один.

Он вернулся в хижину отшельника, где жил вот уже месяц, ожидая получить какой-нибудь знак того, что ребенок все же вернется.

Отшельник был мертв, и Винки убрал его тело. Медведь выбрал место, которое было бóльшим из двух зол: лес без Малышки Винки или хижина без Малышки Винки, это страшное место, в котором она исчезла. Его инстинкт остаться здесь был таким же сильным, как стремление вырыть яму и похоронить тело.

В первые секунды после того, как его ребенок покинул эту Землю, Винки охватило любопытство, и он рискнул осмотреть безжизненное тело мучителя. Оно лежало на полу хижины, внутренняя часть которой больше не озарялась светом, а представляла собой лишь самые обыкновенные предметы из дерева, пыль и давнишние запахи готовившейся когда-то еды.

Отшельник больше не был чудовищем. В состоянии вечно-го покоя он казался даже милым — тихий бородатый старичок, который подкармливает зверюшек и разрешает им сидеть у себя на плече. Дело было не в том, что это понравилось бы Винки. Просто медведь понимал, почему старик мог бы нравиться таким животным, как, скажем, бурундуки или дрозды.

Такое ни в коей мере не пришлось бы по душе Малышке Винки, даже если бы отшельник на самом деле был хорошим человеком, и от этой мысли медведь вздрогнул. Он сделал вид, что ни о чем подобном не подумал, потому что знал, что это была горестная мысль. Винки еще не был готов признать, что ему надо было оплакивать дитя. Он пнул тело профессора, чтобы убедиться, что тот мертв. Последовавший глухой стук мог издавать только мертвец.

В самой глубине своего сердца медведь знал, что Малышка Винки ушла навсегда, но он убеждал себя, что она все еще может вернуться, и если существовала хоть какая-то вероятность того, что так и будет, он должен был убрать отшельника-злодея с глаз долой, чтобы тот больше не отпугивал и без того напуганного ребенка. От постоянной боли и безысходности в нем что-то взорвалось.

Винки схватил мертвеца зубами за грязный фланелевый воротник и начал рывками тянуть его к открытой двери. Это оказалось так тяжело, трудно и невыносимо медленно, что вся тщетность усилий стала тут же очевидна. Винки заплакал. Он понимал, что не откажется от своей затеи, и от этого плакал еще сильнее.

С каждым рывком на несколько сантиметров вперед одежда профессора издавала особенные короткие скрипяще-свистящие звуки, тершись о пол хижины. В такой момент без этого звука обойтись было нельзя. Винки знал, что мог подобрать для такого момента и другой звук, возможно, разрывая плоть отшельника зубами и выплевывая его куски, а затем разгрызая хижину на мелкие кусочки и тоже их выплевывая.

Но он выбрал это занятие — тянуть его, — и следовательно, это было его судьбой, а шум при движении стал его жертвованием в ужасную тишину лесных сумерек, в которой теперь нигде не отыщешь Малышки Винки. Где-то каркнула ворона. Запели сверчки. Тянуть и еще раз тянуть. Винки почти ничего не видел — его глаза затмевали слезы, — но было важно закончить начатое. Затем можно будет услышать другие звуки, когда он станет копать яму, зарывать тело и топтать по земле, что означает то же, что и топтать по самому мучителю.

Ничего из вышеперечисленного не облегчит боль, поэтому Винки было и неважно, чем именно он занимался; и все же сейчас перед медведем стояла важнейшая задача — избавить мир от этого большого мертвого ничтожества, которое теперь катилось по трем бетонным ступенькам хижины.

Ранняя осень незаметно сменилась поздней. Каждое утро Винки выглядывал из грязного окна и видел милых животных, занимающихся своими милыми делами: кролики прыгали и щипали траву, белки быстро и ловко находили орехи, у них светились глаза, — и его охватывала невыносимая печаль.

То, каким образом Малышка Винки умерла, казалось ему и возможным и невозможным. Малышка Винки была для него самой жизнью — самой любовью, — так как же могла она умереть?

Он искал и не мог найти ответы, как он тысячу раз в день искал и не мог найти Малышку Винки. Любишь, но не можешь найти, постоянно смотришь, но не видишь. Все это только усугубляло и без того тяжкое состояние от неопределенности самого бытия Винки, подвешивало его между осознанием себя как медведя и как игрушки, между духом и материей, человеческим и естественным миром. Он больше не знал, чего хотеть и куда идти.

Однажды, гуляя по лесу, медвежонок стал думать о том, как войти в другое измерение, и действительно в печальных

золотых сумерках, склоняющихся над тропинкой, он вскоре замерцал, становясь зазубренным и принимая форму трапеции под голыми деревьями. Но то измерение причиняло такую же боль, как и это, или даже бо́льшую, и ни в одном из них Малышки Винки было не найти. Приняв свою прежнюю форму, Винки поплелся назад в хижину.

* * *

Ему следовало бы запастись на зиму желудями, как он это делал год назад с Малышкой Винки, когда та была еще младенцем, крепко державшимся за его спину. Но скрипучие полки в хижине отшельника были до самых стропил заставлены дешевыми консервами, которых медведю хватило бы еще надолго. Год назад Винки счел бы ниже своего достоинства воспользоваться открывалкой для консервов, но зачем было церемониться теперь? Он позволил себе вернуться к нормальному человеческому быту, с которым однажды так решительно распрощался — стол и стул, мягкая кровать, одеяла, тепло и спагетти.

Когда-то он был неживой игрушкой, часто рассерженной и печальной, теперь же он жил даже не как медведь, а скорее как маленький человек. Маленький грязнуля, потому что скидывал в кучу в углу хижины пустые консервные банки. Он никогда не мыл ложки и не застилал кровать. Все книги, одежда, оружие и бумаги профессора лежали грудой на полках, полу, столе, в них целыми днями рылись крысы и птицы, повсюду оставляя помет. Винки начал допоздна засиживаться у телевизора, настроенного на канал, по которому в основном показывали рекламу тренажеров, поэтому просыпался поздно. Лежа на грязном, сбитом в кучу одеяле, он каждое утро, осматривая растущий беспорядок в хижине, говорил себе:

— Хорошо.

Неторопливо тянулись недели. Вдали — та же птица исполняет свое поминальную песню. Каждый день Винки подходил к окну и наблюдал, как с дерева падают последние листья. Затем все листья внезапно опали и пение прекратилось.

Винки механически, не думая, взялся за уборку. Он знал, что без грязи и невообразимого беспорядка хижина будет жуткой и пустой, но не мог остановиться. У него болела спина, когда он тер, ташил, доставал, наклонялся. В куче книг и бумаг он наткнулся на видеокассеты с надписью «Малышка Винки в заточении».

Он и раньше их замечал. И хотя Винки понимал, что что-то ищет, это было не тем, что он хотел бы найти. У него не было желания смотреть на своего ребенка в плену. Он подумал о том, чтобы сжечь пленки, но решил, что и это тоже не подойдет, а потому забрался на стул и швырнул их на самую высокую полку, пробормотав:

— Убери. Убери.

И в этот момент, посмотрев вниз, чтобы успокоиться, он заметил мемуары Малышки Винки — толстый желтый блокнот, засунутый между столом и окном. Он спустился, прилег на край стола и схватил блокнот своей матерчатой лапой. Страницы были прохладными и топорщились от чернил. У него немного закружилась голова, как бывает, когда карусель замедляет ход и ты хватаешься за медное кольцо.

Винки вытащил блокнот из укромного места и аккуратно пригладил его, положив на стол. Он сел, скрестил лапы и начал читать.

Множество рассказов с разными героями, но в каждом из них был один и тот же рассказчик. Его охватывал клубок необъяснимых ощущений — он гордился тем, что ему довелось прочитать подобное, ему казалось, он сделал открытие, столкнулся с судьбой. Ему хотелось, чтобы дневники не заканчивались. И поэтому, когда он перевернул последнюю исписанную страницу, одна за другой из банки стали появляться бабочки, он понял еще раз, что его жизнь с Малышкой Винки не вернешь. Он не смог спасти ее. Его слезы упали на желтую исписанную страницу.

Пустота. Винки посмотрел в окно. Уже стемнело, и даже не было дождя. За окном ничего не происходило.

Но именно в ту самую ночь ему и приснился сон: в воздухе перед ним парит Малышка Винки; трепещущая бесконечность ее взгляда; «Думай о прошлом»; и она исчезла навсегда.

Тогда Винки проснулся, и его охватили грусть, недоумение и гордость за свое дитя, те же, когда она исчезла в первый раз. Он понял, что это и были его чувства к Малышке Винки, окончательные. Телевизор продолжал работать, особенно мигая то темным, то светлым, вызывая таким образом интерес у покупательской аудитории. Он выключил его. Винки словно качался на качелях, переживая еще более глубокое отчаяние. Попытавшись понять смысл того, что сказал ребенок, он снова заснул, и ему опять приснился сон.

Это была вторая часть того же сна. Перед ним предстали образы из его долгой игрушечной жизни: дети, которых он любил, их семьи, и каждый из них махал ему на прощание рукой с таким особенным выражением глаз, что грусть и чувство потери пронзали его, как самый острый нож. Он давно не вспоминал эти образы: Рут еще маленькая девочка, ее сестра, брат, родители и затем своя семья у Рут, один за другим ее дети: Кэрол, Хелен, Пол, Кен и, наконец, Клифф; и каждый из них брал медведя на руки со взглядом, полным любви и решительности, каждый из них вырос и бросил медведя. Но во сне Винки оставил их — он уезжал от них на огромном белом плавучем театре, и звуки его ансамбля банджо разносились по зыби широкой коричнево-зеленой реки. На нем были надеты короткие гетры и цилиндр, он танцевал, но на палубе не было зрителей, лишь взрослые и дети, стоявшие на грязном берегу, махали ему на прощанье рукой.

Он уже несколько лет не думал о них. Возможно, самым страшным было забыть то, что потеряно.

Объятия, тайны, истории, игры, карандаши, мишура, подарки, слезы, трепка, предательства, собачки, прозвища, руки, прижимания, два плюс два, поцелуи, фейерверк, детские коляски, прогулки — все это кружилось в водовороте, появив-

Любишь, но не можешь найти

шемся на ровной поверхности реки вслед за гребным колесом судна, что весело гудело «ту-ту» и издавало грохот, который не успокаивал Винки, не предвещал никакого несчастья — он был просто неизбежен под танцующими ногами Винки.

Вздрыгнув в своей постели, он проснулся.

Было раннее утро. Он вышел на улицу, чтобы облегчиться. Сидя на корточках, он с горечью вспоминал, как когда-то это простое занятие доставляло ему столько удовольствия. Он обвел глазами лес, который все так же любил: высокие деревья, чирикание воробьев, желтые лучи солнца меж сотен голых веток. Он позволил своему разуму замереть, и на какое-то мгновение мир и его радость снова влились в него потоком.

Теперь, увидев вторую часть своего сна, он понимал, что когда, привидевшись ему, Малышка Винки сказала: «Думай о прошлом», она имела в виду не последние события, а то, что происходило давно.

Это прощание с лодки было лишь началом воспоминаний о других детях, которых он знал. В своей новой жизни, где была Малышка Винки, ему ни разу не захотелось оглянуться назад, в прошлое — не было нужды думать о тех годах, что он прожил в качестве игрушки, но теперь он понимал, что долгое прошлое тоже было наполнено любовью и болью и что, следовательно, те годы также были частью его. Даже несмотря на, то что они безвозвратно и давно ушли.

Продолжая вспоминать о времени, когда еще не было Малышки Винки, старый медведь внезапно осознал, насколько маленьким он был под этим огромным сводом деревьев. Он посмотрел на свою округлую тень на ушедших в спячку ветках, и ему снова захотелось плакать. Не нашлось утешения в том, чтобы вспоминать забытые ступени, что привели его к этому одинокому месту. Но было очевидно, что воскрешать воспоминания — его долг, и он продолжил. Он отложил это занятие до заката и потом ночью предался воспоминаниям — лихорадочно, сначала вспоминая лишь обрывками, а затем остановившись на том грустном, счастливом, полном недовольства времени, когда его называли Мари.

Тюремное заключение, безусловно, прервало этот процесс, но воспоминания продолжали одолевать его и по пути в тюрьму. Так что Винки находился примерно в середине детства Рут, когда его посадили. Прошли месяцы, прежде чем Винки снова стал вспоминать, и это случилось накануне суда. Поэтому когда начался суд, он как раз вспоминал детство Клиффа.

Часть 3

И не найдешь предмета мягче, и все же
он есть ось Вселенной.

Уолт Уитмен

Государство против Винки

1.

Армейский генерал указал лазерной ручкой на фотографию размером с плакат.

— Этот снимок сделан со спутника, и мы полагаем, что это лаборатория по изготовлению усовершенствованного биологического оружия, где, по отдельным сообщениям разведки, создают этих «медведей-убийц». — Генерал обвел светом ручки один расплывчатый треугольник, затем другой. — Здесь. Здесь. И здесь, — сказал он повелительным голосом.

— Понимаю, — сказал прокурор взволнованным тоном, едва слышно. — Под «медведями-убийцами» вы подразумеваете не совсем обычных медведей, я правильно вас понимаю?

Генерал захихикал с серьезным видом.

— Нет. Мы называем их так из-за внешнего сходства с медведями.

— И они совсем не мягкие и пушистые, да?

— Нет, конечно, нет. Совсем наоборот, они представляют собою не меньше, чем армию супервоинов, обученных калечить и убивать. — Генерал показал следующую схему. — Мы полагаем, что они создаются методом, который нам пока неизвестен, однако есть вероятность, что в нем принимают участие похищенные дети, чья ДНК объединяется с генами

местных животных, таких как змеи или грызуны, или, вполне возможно, микроорганизмами, устойчивыми к медицинским препаратам, — возбудителями оспы или сибирской язвы.

На схеме можно было увидеть штриховой рисунок маленькой девочки в розовом платьице слева, посередине — жирную черную стрелу с подписью «ДНК», указывающую на голое существо, похожее на Винки, что было справа. Зал открыл рот от удивления.

— Спасибо, все ясно, — сказал прокурор. — Больше нет вопросов.

— Пока, так, гм, хорошо, — прошептал Неудалый медведю, быстро перелистывая кипу раздутых папок из оберточной бумаги. — Присяжные просмотрели, просмотрели, просмотрели все это. Незачем волноваться, мистер Винки.

На самом же деле реакцию присяжных было невозможно оценить, потому что восемь мужчин и шесть женщин сидели за занавесом. На основном совещании суда с адвокатами сторон обвинению успешно удалось доказать, что ввиду крайней опасности, которую представляет собой террористическая сеть подзащитного, личности присяжных заседателей должны остаться тайной. Винки с опасением посмотрел на высоко подвешенный кусок голубой ткани, слегка колышущийся от сквозняка. Казалось, что сам занавес выносил приговор, испытывая к нему ненависть за все то, в чем его обвиняли, игнорируя его, наказывая его тишиной своих складок.

— Мистер Неудалый? — с нетерпением сказал судья.

Неудалый продолжал копаться в кипах бумаг, папок и компьютерных дисках. В то утро обвинение удостоило его чести удовлетворить его давнишний запрос на доступ к уликам, передав ему примерно 10 тысяч машинописных листов и 213 компакт-дисков. В интересах скорейшего правосудия в деле национальной значимости прошение защиты об отсрочке было отклонено, и масса доказательств, результатов лабораторных исследований и других документов окружала теперь адвоката и его подзащитного, словно они сидели в запущенном

гнезде. Словно птица, Неудалый порхал от кипы к кипе, его жидкие волосы падали ему на глаза.

— Сэр, намереваетесь ли вы устраивать перекрестный допрос или нет? — спросил судья.

Было слышно лишь, как адвокат роется в бумагах.

— Так, — сказал прокурор, закатывая глаза.

— Ах! — пробормотал Неудалый и принялся деловито, внимательно просматривать отчет, который только что нашел, что-то ворча, целиком погрузившись в чтение.

Судья начал покачивать молоточком двумя пальцами.

— Советник... Советник...

Не обращая внимания ни на что, кроме листа, который он держал перед своим носом, Неудалый поднял руку над головой, желая сказать этим: «Не отвлекайте меня», и продолжил читать.

У судьи был настолько рассерженный вид, что Винки потянул своего адвоката за рукав, однако тот не обращал никакого внимания. Его глаза бегали по странице.

— Ха, ха, угу... Что? Ой. Гм, угу... О Боже! Ха. Ах... а...

Перед тем как Неудалый просто оторвал свои маленькие глаза от стола, спрятанного под грудой бумаг, успели выступить несколько свидетелей. Свидетельские показания проплывали перед брошенным медведем, как во сне, где можно лишь наблюдать и нельзя ничего сделать. Однако, когда вызвали главного следователя, тот посмотрел на медведя таким пристальным взглядом, полным ненависти, что Винки снова настойчиво потянул адвоката за рукав.

— Господи, что? — вырвалось у Неудалого.

Винки напуганно указал на следователя, но убийственный взгляд того уже исчез. Теперь он выглядел особенно спокойным и милым, стоя на возвышении у флага, давая клятву говорить только правду, произнося слова все тем же жужжащим голосом, который медведь впервые услышал из вертолета.

Даже Неудалый обратил на него внимание. Отвечая на вопросы прокурора, следователь в подробностях рассказывал

– Здесь. Здесь. И здесь, – сказал он
повелительным голосом

о тех годах, что он провел, отслеживая подзащитного, и об обстоятельствах его долгожданного задержания.

— Я понял сразу, когда смотрел в бинокль, что он был «нашим».

Неудалый вмешался:

— Ваша честь, гм, что бы, что бы этот агент там ни думал, это, это, это, это беспочвенно, совершенно беспочвенно...

— Протест отклоняется. — Бум.

— Спасибо, судья, — сказал прокурор, закрывая глаза и наклоняя голову так, будто без вмешательства судьи он бы покорно смирился с любым нападением со стороны защиты. Он снова повернулся к следователю. — Сэр, и почему же? Как вы узнали, что это «ваш», как вы изволили ярко выразиться?

— Потому что он полностью подходил под описание.

— И каким же было это описание?

Следователь вытянул ладонь своей огромной руки и принялся похлопывать по ней сначала одним пальцем, затем двумя, потом тремя, отмечая неопровержимые отличительные черты.

— Низкорослый мужчина с наполеоновским комплексом, как называют его эксперты, изуродованный, возможно, до неузнаваемости, социально опасный, бродяга, параноик, напроць изолированный от семьи и друзей, неженатый, конечно же, неспособный на нормальные, здоровые интимные отношения с противоположным полом, отношения, которые могут привести к рождению нормального ребенка, неспособный любить и создать семью.

После месяцев допросов Винки большей частью привык к абсурдным обвинениям следователя, но ему так хотелось возразить ему и сказать, что на самом деле он родил красивого счастливого ребенка...

— Но как, как такой человек может существовать? — спросил прокурор. — Как вообще хоть кто-то может со всем этим жить?

— Опять же, это ненормальная личность. — Многие из присутствовавших в зале зашептали в знак согласия, и следо-

ватель изобразил гримасу отвращения. — Для того чтобы компенсировать эти физические и психологические изъязнения, такой человек неизбежно будет заниматься преступной деятельностью — особенно изготовлением взрывчатки, что дает ему ощущение того, что в его руках власть, что он сам Бог.

— Ужасно. Просто ужасно, — заметил прокурор, тряся головой.

Неудалый, казалось, был готов выдвинуть возражение, но тут же затих, его внимание привлекла какая-то фраза в очередном документе.

— Сколько лет вы уже являетесь агентом ФБР? — задал прокурор вопрос следователю.

— Двадцать восемь лет, сэр. — Серебро его волос переливалось в свете ламп.

— Вы когда-нибудь сталкивались с подобным случаем? — спросил прокурор.

— Никогда. — Следователь глубокомысленно покачал своей крупной головой. — Еще никогда в своей практике я не сталкивался со столь опасным преступником и с таким пронизательным, коварным умом.

— И я полагаю, что мы с уверенностью можем сказать, что та практика, на которую опирается это мнение, обширна.

Следователь выглядел почти как мальчишка, когда в знак согласия скромно опустил подбородок.

Неудалый передал в руки следователю книгу в переплете. Перелистывая бесконечные бумаги, как казалось, наугад, адвокат смог откопать ключевой документ ФБР, созданный незадолго до ареста медведя.

— Свидетель, будьте любезны, гм, гм, гм, прочтите для нас страницу, страницу, страницу — *страницу тысяча пятьдесят пять, начало последнего абзаца*, — попросил адвокат, почти не в состоянии сдержать возбуждение от того, что вот-вот продемонстрирует всем удачный ход.

— Согласно различным докладам с места, так называемый сумасшедший террорист... — забормотал следователь.

— Да! Вот вам! — прервал Неудалый. — Пожалуйста, продолжайте, продолжайте, продолжайте! — Неудалый взволнованно стал вращать обеими руками, желая поторопить свидетеля.

Следователь нахмурился.

— Полагается, что сумасшедший террорист, гм, имеет рост примерно один метр восемьдесят сантиметров, от 45 до 55 лет, полного телосложения, внешность без особых примет, голубые глаза, очки, седеющие волосы и борода.

— И — фоторобот? — подсказал Неудалый. — Не забывайте, гм, пожалуйста, о фотороботе!

Следователь поднял рисунок человеческого лица, грязного и угловатого, с сердитым выражением, в солнечных очках и в капюшоне толстовки. Такого лица Винки еще не видел, и оно пугало его еще больше, чем сам судья.

— Что ж, и имеет ли эта, гм, интерпретация или это описание, которое вы так, так, так любезно для нас только что прочли, что-либо общее с подсудимым данного судебного процесса?

Следователь избегал пристального взгляда Неудалого.

— Ну, не совсем...

— *Действительно*, почему бы вам не сказать — **СОВСЕМ НЕ?** — закричал Неудалый, при этом его щеки и лоб буквально вспыхнули от ощущения победы. Следователь не отвечал, но Неудалый не мог оставить все так, как есть. Подобный успех был настолько редким гостем в его карьере, что он хотел, чтобы это мгновение никогда не заканчивалось.

— Большое спасибо, сэр. *Действительно*, этого вполне достаточно. Больше нет вопросов, действительно. Это вполне, *действительно*...

Бум! Бум!

— Мистер Неудалый, — зашумел судья, — если вы сейчас *действительно* не присядете...

Под всеобщий смех Неудалый поспешил к своему месту. Винки тревожно посмотрел на голубой, без рисунка, занавес и затем на адвоката, чье перевозбужденное лицо колебалось между выражением чувства победы и чувством стыда.

— О да, теперь мы схватили их сами знаете за что, — прошептал Неудалый.

Однако в течение последних двадцати минут двенадцать помощников прокурора, которые сидели за ним в ряд, как сумасшедшие копались в этом же самом документе, что находился в памяти их двенадцати портативных компьютеров, и благодаря помощнице Номер Двенадцать и ее скупому поиску информации прокурор обратился с еще одним вопросом к главному следователю:

— Сэр, что еще говорится о преступнике в докладе — на странице семьсот сорок семь, сноска пятьдесят шесть, абзац четвертый?

Устало следователь перевернул страницы толстого доклада, но затем внезапно его лицо просияло.

— Ах, мне зачитать? — спросил он.

— Будьте добры.

Следователь произносил слова медленно и четко:

— Как описание, так и фоторобот сумасшедшего террориста необходимо принимать во внимание с особой осторожностью, поскольку, как полагают, этот коварный преступник является мастером перевоплощения.

Теперь всеобщий взгляд устремился на медведя — настолько пыливый и осуждающий, что Винки почувствовал себя так, будто его внешность и вправду меняется, здесь и сейчас, против его воли, принимает любую форму — низкорослый или высокий, животное или человек, ужасный или красивый — все быстрее и быстрее, пока он не принял расплывчатый вид игорного автомата, который быстро вращался.

2.

Винки смотрел вверх на неизменный круглый глаз лампы, который уставился на него в ответ, будто жалея медведя. К этому моменту он прекратил копаться в фактах своей жизни, пытаясь найти в ней какое-то облегчение — пример, забытый урок, обрывок надежды, — и вместо этого он просто наблюдал за тем, как опустошается его разум. Было уже, наверное, три часа но-

чи. Казалось, койка стала ниже, и теперь он парил в воздухе, однако его сдавил спертый воздух, который стал невыносимо тяжелым от всех слов, что были сказаны в этот день в суде. Несмотря на невыносимый зуд, который возобновлялся у него каждую ночь, когда он ложился на койку, он не чесался, даже не двигался, и на некоторое время ему удавалось избавиться от зуда. Но теперь он позволил себе задать вопрос: а вдруг он просто не сможет двинуться? Опилки в его конечностях, казалось, пропитались ядовитым сиропом, и это было наказанием, которое он заслужил за то, что считал его подходящим. Какой бы страшный сон ни начался в этот день, это ужасное ощущение было теперь частью этого сна, причем его худшей частью.

Снизу, из тени от койки Винки, доносилось неприятное жужжание беспокойного храпа Дэррила, которое начиналось каждую ночь именно в этот час и, скорее, возвращало Винки к реальности, нежели пугало его. Он снова начал чесаться — это была уже другая, более земная кара. Он сконцентрировался на левой стороне живота и стал согласовывать свои движения с дыханием Дэррила, которое всегда звучало так, будто это был горный лев, рычащий из пещеры, однако, как и Дэррил, он был безопасен.

По задумке властей, Дэррил должен был изводить медведя. Но Винки понравился громиле сразу же, потому что в тюрьме он больше всего скучал по своим мягким игрушкам. Дэррил отбывал срок за кражу в магазине. Он никак не мог привыкнуть к заточению. Из-за недавнего бунта он получил дозу нового, более сильного успокоительного, но на самом же деле он унялся лишь в присутствии медведя. Хотя следователь постоянно жаловался, что Дэррил не выполняет свою «работу» и что его необходимо заменить более жестоким сокамерником, охранники вздохнули с облегчением, когда поняли, что им больше не надо оттирать стены от его кала и стирать свою форму, и оставили его на своем месте.

— Мы прекрасно ладим с Дэррилом, — вздохнул медведь, будто это могло послужить утешением. Их изолировали от других заключенных, и теперь они находились в своей соб-

ственной тюрьме, где помощник Уолтер был единственным надзирателем. Время здесь шло странным образом. К ним не допускались посетители, за исключением Неудалого. Дэррил спал по девятнадцать с половиной часов в сутки. Когда он бодрствовал, то тихо сидел на своей кровати, скрестив ноги, рисуя в одной из тетрадей для раскрашивания, что каждую неделю приносила для него бабушка. Порой, когда сюда доносились крики и вопли какого-нибудь очередного нарушителя тишины и порядка в главном блоке, Дэррил хватал медведя и сжимал его в своих грубых объятиях. Иногда прижимал к медведю Йозмита Сэма, свою любимую игрушку в оранжево-фиолетовую полоску. Временами он даже давал медведю одну или две белые скользкие капсулы, которые ему удавалось прятать у себя за щекой, пока Уолтер не уходил; от горького содержимого капсулы у Винки приятно закрывались глаза и его зуд мог прекратиться на целых полчаса.

Продолжая скрести себя лапой по тому месту живота, где у него зудело сильнее всего, медвежонок позволил себе испытать ужас от того, что он докатился до такого. Он уже не впервые задумывался об этом. Но иногда, как, например, сегодня, переживание каждого мучительного воспоминания, прочувствованное до своего ужасного конца, обрело некую роковую силу, которая доставляла медведю странное удовольствие. Ему было жалко, что он не может в буквальном смысле засунуть свой нос в него. И таким образом, если это и был его конечный пункт, спрашивал он себя — как спрашивал всегда, достигнув этой точки, будто вопрос мог спасти его, — чему научила его эта жизнь?

— Во-первых, — отвечал он себе, не пытаясь уклониться от удара, — любовь будет наказана. Во-вторых...

Однако он не знал, что было во-вторых.

3.

Прокурор встал и откашлялся.

— Ваша честь, вследствие чрезвычайной опасности, которой подвергаются свидетели обвинения, не говоря уже об их семь-

ях, со стороны международной преступной сети терроризма, которая находится в руках у подзащитного и которой, как мы полагаем, он продолжает управлять, находясь в своей камере, многих из свидетелей будут представлять специально обученные актеры.

Разгневанный Неудалый начал возражать:

— Гм, гм, гм, гм...

— Для того чтобы дополнительно защитить свидетелей, — продолжал прокурор, — и чтобы у присяжных не создалось предвзятого мнения, мы не станем разглашать, кто является настоящим свидетелем, а кто — актером. В некоторых случаях, — добавил он быстро, — актеры будут представлять тех свидетелей, которые по той или иной причине не в состоянии дать показания.

К этому моменту даже костлявые руки Неудалого покраснели от возмущения.

— Ваша честь, это... Ваша честь, я не могу... Ваша честь, вы непременно должны...

Молоток стукнул три раза.

— Отклоняется, отклоняется, отклоняется, мистер Неудалый, эти постоянные прерывания должны прекратиться, или я заменю вас самого актером. — Бум. — По крайней мере тогда кто-то сможет выговорить то, что хочет сказать.

Зал впал в дикое веселье, даже слышались аплодисменты. Неудалый откинулся на кресло. Винки злобно посмотрел на судью.

— Общественное обвинение вызывает Джейн Коттер!

Худошавая молодая женщина в черном платье, черных чулках и белом фартуке и чепце, украшенными оборками, заняла место свидетеля. На мгновение Винки вообразил, что это Франсуаз, хотя униформа женщины не совсем походила на то, что носила Франсуаз; будто во сне она пришла выступить в его защиту, сменив свою привычную одежду, в момент, когда он меньше всего ее ожидал. Но, конечно же, это была не Франсуаз, и сердце Винки наполнилось привычным отчаянием.

— Я работаю горничной в гостинице «Савой», — очень тихо начала мисс Коттер с быстрым ирландским акцентом. —

Я помню, как мистер Винки останавливался в нашей гостинице в марте 1893 года. — Она нервно откашлялась.

Как в то утро прокурор объяснил своим помощникам, он надеялся сотворить историю права, играя на чувствах присяжных так, как еще никто до этого не делал. Неудалый наполовину поднялся, чтобы выдвинуть возражение, но судья помахал ему молоточком, и тот успокоился, присел и принялся что-то яростно царалать в своем блокноте.

Мисс Коттер продолжала:

— Я сочла необходимым привлечь внимание экономки к тому, в каком состоянии находилась кровать мистера Винки. — Она снова откашлялась. — На простынях были пятна... особого происхождения.

Зал зашептался. Даже Неудалый на минуту оторвался от своего занятия, а Винки хотелось спрятаться под одеялом в своей камере.

— Продолжайте, — сказал прокурор.

— На третье утро его пребывания, — рассказывала мисс Коттер, — около одиннадцати часов мистер Винки позвонил экономке. Когда на звонок пришла я, то встретила в дверях с мистером Винки, и он сказал мне, что ему нужно зажечь камин. — Она сплотнула. — В комнате я увидела юношу лет восемнадцати с темными, коротко постриженными волосами и болезненным цветом лица.

Опять шум.

— Вопросов больше нет. Народ благодарит вас за то, что вы пришли, мисс Коттер.

— Гм... Ваша честь, секунду... Секунду... Гм... Гм... Ваша честь, секунду... Гм, гм...

— Мистер Неудалый, если вы через десять минут не начнете перекрестный допрос...

— Да, ах да, конечно... — Но, когда Неудалый направился к месту, где находился свидетель, он задел несколько кип папок, компакт-дисков и дискет.

— Оставьте! — вырвалось у судьи, когда Неудалый остановился, чтобы все собрать. Это случалось уже столько раз, что зал да-

же не засмеялся. В мертвой тишине Неудалому удалось лишь наполовину выпрямиться, перед тем как он обратился к свидетелю.

— Мисс Коттер, сколько вам лет?

— Протестую. Ваша честь, какое отношение... — начал прокурор, но свидетельница уже ответила:

— Двадцать четыре.

Судья даже на мгновение показался заинтересованным.

— Разрешаю.

— Двадцать четыре года, — повторил Неудалый. К этому моменту он полностью выпрямился. — Хорошо. И при этом вы утверждаете, будто бы видели подзащитного в 1893 году?

— Да, — ответила она.

— Более ста лет тому назад?

— Да. И что с того?

Неудалый поднял руки, как обычно делают адвокаты в знак удивления.

— Итак, мисс Коттер, как же такое возможно?

— Протестую! — снова послышался крик. — Мисс Коттер не является экспертом по части вопросов времени и места.

Судья на секунду задумался, но, как оказалось, быстро сумел взять себя в руки.

— Протест принят, — сказал он категорично.

Если такое было вообще возможно, то можно сказать, что Неудалый еще никогда не выглядел более пораженным.

— Что ж, тогда, что ж, тогда у меня больше ничего, ничего, ничего нет! — закричал он.

Бум!

— Защита, пожалуйста, воздержитесь от этой театральности, или вам выдвинут обвинение в неуважении к суду.

Неудалый сел на место, что-то бормоча. Это поражение имело ключевое значение, поскольку оно открыло путь остальным свидетелям, которые давали свои показания в течение последующих нескольких месяцев.

— Мистер Винки обманул меня и заманил в ловушку черной магии, — сказал свидетель «С», чье имя не разглашалось «в це-

лях безопасности». Это был низкий коренастый мужчина, который, как и свидетели «А» и «Б», обильно потел в своем черном шерстяном пиджаке и таких же коротких штанах, туфлях с пряжкой и высокой черной шляпе. — За это он пообещал мне хорошую одежду. Он приносил мне кукол и спицы, которые надо было втыкать в них, чтобы причинять боль другим; и он убеждал меня вместе со своей компанией заколдовать всю Америку, но сказал, чтобы я делал это постепенно, если у нас все-таки будет получаться.

Винки рассвирепел: он бы никогда не воткнул никакой спицы в куклу или какую-либо другую игрушку.

— Америка благодарит вас за вашу смелость, — сказал прокурор.

— Ваша честь... — вздохнул Неудалый, закатывая глаза.

Судья резко махнул рукой.

— И что же происходит с вами с тех пор, как вы признались в том, что занимаетесь черной магией? — мягким тоном задал вопрос прокурор.

— С тех пор как я признался в том, что занимаюсь ею, меня самого мучают злые духи, другие колдуны, и в связи с этим за свое признание мне пришлось пережить боль многих смертей.

Несмотря на то что Винки, безусловно, не раз представлял себе, как люди мучаются в пытках, он, естественно, никогда ничего подобного не совершал. Но достаточно было всего лишь подумать об этом.

Говард Морган, подросток с густыми блестящими волосами, только что дал клятву. Он потянул за свой накрахмаленный воротничок и «бабочку». Прокурор сдул пыль со старого учебника и поднес книгу к месту, где находился свидетель.

— *Мистер Морган, вы обучались у профессора Винки?*

— Да, сэр.

— *Вы учились по этой книге, «Основы естественных наук»?* — Прокурор высоко держал книгу.

— Да, сэр.

— Каким образом профессор Винки преподносил вам материал этого учебника? Я имею в виду, он опрашивал вас и вы отвечали, или читал ли он вам лекции, или и то и другое? Преподával ли он вам что-либо из эволюционного учения?

— Да, сэр.

— Просто скажите своими словами, Говард, чему он вас учил и когда?

— Это продолжалось до второго апреля.

— Этого года?

— Да, сэр, этого года.

Неудачный начал было выдвигать протест, что в течение всего года подзащитный находился в тюрьме, но судья ответил, что этот вопрос решат присяжные. Свидетель продолжал:

— Он говорил, что однажды Земля была горячей расплавленной массой и температура была слишком высока, чтобы на ней могла существовать жизнь; места, покрытые водой, охладились; возник одноклеточный микроорганизм, и этот микроорганизм развивался до тех пор, пока не стал животным нормального размера, который вышел на сушу, продолжал там развиваться, и из него вышел человек.

Винки был зачарован рассказом, но ему не было ясно, как же существование могло вписаться в эту схему.

— Я хочу спросить далее, Говард, где он располагал человека в иерархии живых существ, что он говорил о животных?

— Ну и он, и учебник ставят человека в один ряд с кошками и собаками, коровами, лошадьми, обезьянами, львами и прочим.

— Как он их называл?

— Млекопитающими.

Почти все присутствующие в зале суда были глубоко оскорблены. Однако Винки знал, что представляет из себя млекопитающее, и был рад тому, что является им.

— Ставил их в один ряд с собаками, кошками, лошадьми, обезьянами и коровами?

— Да, сэр.

— *Вопросов больше нет.*

Обвинение распланировало выступление свидетелей так, что наиболее запоминающиеся появлялись во второй половине дня, чтобы удерживать интерес присутствующих на суде. Вскоре после обеда по центральному проходу зала проплыл полный, однако с тонкими чертами лица мужчина, с козлиной бородкой и большими умными глазами; он был одет в кирпично-красного цвета мантию, на голове у него была бархатная шапочка; оба предмета одежды были отделаны горностаем. Тридцать три перламутровые пуговицы спереди символизировали тридцать три года жизни Христа.

— Папа Урбан Восьмой, — произнес он со своим изысканным английским акцентом, когда его попросили назвать имя. — Бывший кардинал Маффео Барберини, — добавил он с небольшим поклоном. Его белая рука казалась особенно изящной на Библии, когда он клялся говорить правду.

— Ваше Святейшество, — сказал прокурор, сначала встав на колени и поцеловав край его алой мантии. — Пожалуйста, назовите деяния, которые совершил подзащитный, посягнув на Святую Веру.

Урбан почтительно улыбнулся.

— Он считает истиной ошибочную догму, которую некоторые навязывают, что Солнце — центр мира и остается неподвижным и что Земля не является центром и находится в движении. — Зрители зашептались. Папа снова улыбнулся, будто прося извинения. — Категорически противореча Святому писанию, это учение, как считается, вредит нашей вере.

Прокурор прижал руку к сердцу.

— Нашей вере?

Урбан закрыл глаза и с серьезным видом кивнул. Зрители крепче схватились руками за пластмассовые подлокотники своих стульев.

«Мир и все, что в нем есть, — чудо», — думал Винки, уже порядочно устав, в ту ночь в своей камере. Он только что принял одну из капсул, что дал ему Дэррил. В очередной раз взглянул вверх на бледно-зеленый отблеск лампы, которая до этого мо-

мента ни разу так и не моргнула, он представил себе звездное небо, не мигающее, и то, как он ночь за ночью с Малышкой Винки наблюдал за тем, как оно проплывает мимо величественной бархатной дали горизонта. Медленное, необъятное, прекрасное вращение — почему?

Будто отвечая, круглая лампочка ослепила его. Винки закрыл глаза. Его собственная вера в жизнь на самом деле пошатнулась, и ему хотелось знать, не был ли Папа прав по поводу того, что он сам посягнул на эту веру, и более того, сделал это преднамеренно.

Медвежонок вздохнул и попытался заснуть. В залитой зеленым светом комнатухе, что была теперь его домом, храпел Дэррил.

4.

Каждый день прокурор предъявлял новое обвинение против медведя, в то время как беспорядочные числа в игре на удачу выпадали все снова и снова. Вот отрывок из показаний Альфреда Вуда, бывшего служащего, в данный момент не занятого:

— После ужина мы с мистером Винки пошли на Тайт-стрит, 16. Насколько я знал, в доме никого не было. У мистера Винки был ключ, и мы вошли. Мы поднялись в спальню, где выпили рейнвейна и сельтерской воды. Там же и произошел акт грубой непристойности. Мистер Винки воспользовался своим влиянием для того, чтобы добиться моего согласия. Он напоил меня почти допьяна. После всего мы с ним лежали на диване. Однако я не сразу позволил ему совершить этот акт непристойности.

Прокурор:

— *Вы, безусловно, заслужили похвалы за то, что так долго сопротивлялись.*

Неудачливый возразил, что эта ремарка не являлась вопросом, но протест был отклонен. «Грубая непристойность», — пробормотал Винки, когда вышел следующий свидетель, Чарльз Паркер, двадцати одного года от роду, служащий гостиницы:

— *Где вы познакомились с мистером Винки?*

— Альфред Тейлор привел нас в ресторан на Руперт-стрит. Нас провели наверх, в приватную комнату, где на столе был накрыт ужин. Через некоторое время вошел Винки, и меня официально представили. Прежде я его не видал, но слышал о нем. Ужин был назначен на восемь часов. Мы все сели за стол, Винки присел слева от меня.

— *Ужин был хорошим?*

— Да. На столе горели свечи красноватых оттенков. За столом мы выпили много шампанского, а позже — бренди и кофе. Мы все его отведали. За ужин платил Винки.

Хотя Винки не припоминал ничего подобного, ему было приятно знать, что он угощал других.

— *А затем?*

— Позднее Винки сказал мне: «Вот мой мальчик! Пойдешь со мной в отель «Савой»?» Я согласился, и мы поехали на такси в отель. В «Савое» мы сначала зашли в гостиную Винки на втором этаже.

— *Вам предложили еще выпить?*

— Да, мы пили спиртное. Затем Винки попросил меня лечь с ним в постель.

— *Расскажите, что произошло потом.*

— Он совершил надо мной акт гомосексуализма.

Тишина потрясения в зале. Винки написал в блокноте адвоката: «Что такое гомосексуализм?» Неудалый покраснел.

— *Продолжайте, пожалуйста.*

— Винки попросил меня вообразить себя женщиной и что он мой любовник. Мне приходилось постоянно держать перед глазами этот мираж. Я сидел у него на коленях, и он (вырезано цензурой), как мужчина, развлекается с девушкой. Винки настаивал, чтобы эта грязная игра продолжалась.

«Грязная игра, — повторял про себя Винки, все пытаюсь понять. — Играть в грязь...»

— *Я закончил с этим свидетелем.*

Молодой человек нервно поправил воротничок своей рубашки, сделанной из белого льна с черной оборкой на греческий манер.

— Подзащитный — умелый оратор, — предупредил он, сужая глаза, — и будьте осторожны, он может обмануть вас, потому что умеет превратить слабый аргумент в сильный. — Винки нахмурился. — Он считает, что ни Солнце, ни Луна не являются богами, как и люди. Он говорит, что Солнце — камень, а Луна — земля. И он развращает молодые умы, когда учит их не верить в богов, в которых верует государство, а верить в другие, новые божества.

«Новые божества» понравилось медведю, однако за этими словами последовал всеобщий неодобрительный шепот.

— Обстоятельный рассказ, Мелетий, сын Мелетия Питтхосского, — сказал прокурор. — Вопросов больше нет.

Свидетель удовлетворенно закинул голову. Все глаза устремились на защиту.

— Гм... Гм... Минутку... — сказал Неудалый, проглядывая свои записи.

Винки продолжал в замешательстве смотреть на свидетеля, пытаясь вспомнить, встречал ли он его когда-нибудь. На мгновение их взгляды встретились. Мелетий отвернулся.

— Мистер Неудалый... — вздохнул судья.

— Ваша честь, снова, гм, снова — может, я сошел с ума, но я не вижу ничего подобного в показаниях во время предварительного слушания...

Прокурор снисходительно хихикнул.

— Мистер Неудалый, если посмотрите в эти записи снова, то вы увидите, что этот свидетель давал письменные показания в тот же день, что и Дельфийский оракул.

— Дельфы... — Неудалый потянул за еще одну кипу бумаг из папки, что лежала на полу. — Дельфы... Дельфы...

Этот момент мог бы быть отмечен как очередной провал в горе-защите медведя. Однако, как позднее заметили комментаторы, обвинение допустило основную ошибку, упомянув Дельфийского оракула. Каким-то чудом руки Неудалого лежали на этом самом документе — одном из (в прямом смысле слова) тысяч, которые тем утром попали в руки адвоката.

— Ага! — закричал Неудалый.

Судья закатил глаза; прокурор потряхнул головой; за занавесом некоторые из присяжных захихикали. С необычной сосредоточенностью адвокат поспешил к свидетелю и сунул ему в руки бумагу.

— Мистер Мелетий, будьте добры, зачитайте вслух письменные показания. Для блага суда.

Свидетель в нерешительности погладил свою жидкую бороду.

— Мистер Мелетий, я снова прошу вас зачитать нам священные слова оракула.

Свидетель откашлялся. У него был низкий голос, но слова звучали совершенно четко:

Из всех живущих ныне людей Винки самый мудрый.

Зал зашумел.

Для защиты это было значительной победой, но к тому моменту, как в зале восстановился порядок (зал необходимо было освободить, и был объявлен двухчасовой перерыв), о признании Мелетия забыли почти все. Прокурор был готов представить суду трех наиболее важных свидетелей.

— Теперь обвинение просит выйти Пострадавших Девочек, — прогремел он. По залу прокатились крики ужаса, поскольку шокирующие заявления этих свидетелей уже были широко освещены в прессе. — Но прежде подзащитному нужно строго запретить смотреть на них, если только это не будет необходимо, поскольку, как вы увидите, при единственном его взгляде у свидетелей начнутся припадки.

— Хорошо, — сказал судья.

— Ваша честь... — возразил Неудалый.

— Присядьте, мистер Неудалый. Что бы там у вас ни было — отклонено. — Он с силой ударил молотком. — Введите свидетелей, а подзащитный пусть опустит глаза, пока ему не будет разрешено поднять их.

Пристав крепкого телосложения заслонил собою от Винки происходящее, пока тот смотрел вниз, на коричневый пластик стола «Формайка».

Остальные присутствовавшие в зале в напряженной тишине наблюдали за тем, как по проходу медленно шли две девочки двенадцати лет и одна семнадцати; на каждой был надет чепчик и длинное черное платье с белым накрахмаленным воротничком. Они вместе присели на три побитых металлических складных стула, которые поставили для них рядом с местом для свидетелей.

— Энн Патнэм, Абигейл Уильямс и Элизабет Хаббард, клянетесь ли вы торжественно...

Когда они опустили правые руки, прокурор с серьезным видом скомандовал:

— Обвиняемый, пожалуйста, посмотрите на этих свидетелей.

К удивлению и огорчению Винки, как только он поднял на них глаза, все три девочки упали на бежевый пол, корчась и издавая стоны.

— Тише, тише, тише! — сказала Уильямс, расправив руки, будто собиралась взлететь.

— Я не стану, не стану, не стану помечать карты! — закричала Патнэм, встала и начала носиться по залу.

— Госпожа Кормилица! — закричала Хаббард, указывая пальцем. — Неужели вы ее не видите? Да ведь вон она стоит!

Пристав направил пистолет в сторону окна, но там ничего не происходило.

— Ваша честь, пожалуйста, — закричал Неудалый. — Очевидно, они не смогут давать показания в таком состоянии.

— И кто, по вашему мнению, привел их в такое состояние? — возразил прокурор.

— Не имею чести знать, — ответил Неудалый. И далее он выдал одну из своих самых неудачных шуток, с бешеным видом закидывая вверх руки, театрально изображая раздражение. — Может, это дьявол.

Судья строго посмотрел на него.

— С какой стати дьяволу так препятствовать даче показаний против вашего подзащитного?

От этого Неудалый смутился гораздо больше, чем обычно. Патнэм продолжала бегать туда-сюда, в то время как Уильямс

и Хаббард валялись на начищенном полу и их длинные платья лежали вокруг них, словно это были лужи. Винки испугался.

— Судья, — твердым голосом произнес прокурор, — если обвиняемому запретить теперь смотреть на них, но если позволить ему дотронуться до них, но только один раз, их припадки прекратятся.

— Приступайте.

Теперь пристав грубо завязал носовым платком Винки глаза. По очереди девочек, отбивающихся, что-то бессвязно бормочущих в бреду, подвели к нему, и его заставили коснуться правой лапой каждой из них, и каждый раз — ко всеобщему облегчению, в том числе и медведя, — бред и беснование прекращались. Комнату внезапно охватила тишина.

— Итак, мы видим, что при его прикосновении, — сказал прокурор, — ядовитые и болезнетворные частицы, которые испускали глаза подзащитного, возвращаются в тело, из которого вышли, и пострадавшие остаются чистыми и невредимыми. — Описывая круги, он встал лицом к занавесу, за которым находились присяжные, и воскликнул в их сторону:

— Какое еще доказательство вам необходимо?

Не знающий покоя взгляд Винки блуждал по потолку размером три на три метра. Опилки в его голове пульсировали, и ему казалось, что Пострадавшие Девочки все еще кричат, перебивая скрипящее дыхание Дэррила: «Тише! Тише! Тише!» Если бы на стене висело зеркало, медведь бы посмотрелся в него, чтобы понять, на самом ли деле его взгляд такой губительный, и если это так, то тогда поразить себя им тоже, потому что это было бы вполне справедливо.

Винки никогда не прятал злости в глазах, если испытывал таковую, и никогда не запрещал себе ненавидеть, но если у него получилось заставить трех бедных девочек биться в припадке простым взглядом, при этом не желая им зла, тогда как же много другого, еще более страшного зла он мог причинить в своей жизни? Он видел, как причиняли боль его ребенку и каждому из детей, которых он знал, начиная с Рут

и заканчивая Клиффом, и теперь эти сцены проносились в его памяти с новой, обжигающей его силой. А вдруг простое наблюдение за всеми этими событиями и вызвало их?

Он закрыл свои страшные глаза и заплакал.

Когда он снова открыл их, через несколько горестных лет, как ему показалось, он удивился, увидев широкое, покрытое пятнами лицо Дэррила, нависшее над его подушкой, и его озадаченный, обеспокоенный взгляд. Винки не заметил, что храп прекратился. Он собирался уже отвернуться, помня о своем губительном взгляде, но тут же понял, что Дэррилу было, видимо, все равно.

— Не плачь, — медленно произнес громила, глаза которого были по краям красными. Они продолжали смотреть друг на друга еще некоторое время, и затем с мягкостью, вызванной действием наркотика, Дэррил погладил Винки по лбу и вернулся в кровать.

Медведь почти успокоился.

— И вот появилось новое чудо, — сказал мужчина в джутовом восточном халате. Обвинение поступило хитро, оставив Апостола Иоанна напоследок. Он смотрел прямо перед собой широко раскрытыми глазами, очевидно, видя лишь божественное царство. Он был бос и носил длинную белую бороду. — Узрейте великого рыжего Винки, у которого семь голов и десять рогов, а на головах — семь корон. И его хвост потянул за собой треть всех небесных звезд и рассыпал их по Земле. И была на небесах война: Михаил и его ангелы сражались с Винки; и бился Винки со своими ангелами, и не одержал он победу; и не было больше для них места в раю. И великий Винки был изгнан, этот старый медведь, нареченный Дьяволом или Сатаной, обманувший весь мир: его изгнали на Землю, и вместе с ним изгнали его ангелов.

Зал разразился аплодисментами и криками «Да!». Апостол был вынужден помахать толпе.

— Ваш свидетель, мистер Неудалый.

Защитник сидел, потирая виски. Суд продолжался вот уже семнадцать месяцев, и все это время он почти не спал.

— Вопросов нет, — вздохнул он.

Винки с изумлением наблюдал за тем, как Апостол медленно спустился со свидетельской трибуны и, хромая, зашагал. И снова медведь был странным образом покорен показаниями против него, потому как он и на самом деле чувствовал себя так, будто его и изгнали на Землю.

Но кто тогда, спрашивал он себя, были его ангелы?

Винки против государства

1.

— Мистер Винки, надеюсь, могу говорить откровенно, и поэтому я обязан настоять, откровенно настоять на том, чтобы вы дали собственные показания.

Винки махнул головой. Казалось, что все его существо восставало против того, чтобы говорить перед тем, кто его обвинял, и теперь он даже не мог заставить себя сказать слово «нет» своему адвокату. Он еще раз махнул головой.

Неудалый принялся прохаживаться по камере взад-вперед, схватившись за голову.

— Но в самом деле, но как, но что, но черт возьми...

Дэррил, который до сих пор мирно сидел на своей койке, раскрашивая тетрадь, поднял глаза, чтобы посмотреть, не досаждал ли адвокат его другу.

— Мистер медведь? — спросил он, держа наготове два кулака.

Неудалый так и замер, но Винки показал обеими лапами, чтобы тот успокоился, и Дэррил нехотя вернулся к своим карандашам.

Вздыхая, адвокат присел на свой складной стул.

— Хорошо, мистер Винки, если вы хотите этого, но, но, но, опять же, поскольку завтра начинается процесс вашей защиты, я обязан...

Винки закрыл глаза и замер, восторгаясь силой и красотой своего молчания, когда власти так старались заставить его заговорить. Почему-то теперь оно доставляло ему не такое удовольствие, как раньше, но он сказал себе, что оно было великолепно и что надо продолжать молчать так же решительно.

— Оранжевый, — прошептал Дэррил. Неудалый умолк, и теперь лишь бесшумно оставлял на бумаге свой след цветной карандаш.

От ночи бессонного сопротивления медведь стал угрюмым, и у него болела голова, но когда в то утро его вели на суд, он подумал о том, что, может, мельком увидит сквозь ноги толпы сияние улыбки, которое он не смел надеяться найти. Агенты Майк и Мэри Сью и помощник Уолтер, казалось, возились с ним дольше, чем обычно, открывая три спутанные цепи, что соединяли его наручники с их запястьями. Но когда его наконец подняли и посадили на место, а охранники расступились, Винки повернулся и увидел, как с первого ряда ему машет рукой и радостно улыбается Франсуаз. Рядом с ней сидела привлекательная женщина с темными густыми волосами, ниспадающими на плечи. Она тоже улыбалась, и Франсуаз показывала на нее взглядом так, что Винки догадался, что это была Марианна. Поднимая на несколько сантиметров лапу (выше он, в принципе, и не мог), медведь подумал, что легко бы зарыдал — оттого, что Франсуаз была невредима; оттого, что она на его стороне.

Он повернул голову, и Неудалый прошептал:

— Доброе утро, мистер Винки, как самочувствие, хорошо, я вижу, вы заметили мисс Фуа, отлично, но, пожалуйста, больше не машите ей, я очень нервничаю, и я не хочу, чтобы вы давали им какой-либо повод, вообще никакого повода для них продолжать держать вас тут, не сейчас, когда нам нужно так сосредоточиться. Я имею в виду, хорошенько, хорошенько, хорошенько сконцентрироваться на вашей защите, так что, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, мистер Винки, умоляю вас, сдерживайте себя.

Винки не знал, что еще можно в такой ситуации поделаться, поэтому принял грустный вид.

— И никаких вытянутых лиц! Вы должны быть воплощением уверенности, мистер Винки! Мы оба. Один Бог знает, как тяжело мне это дается, я не хочу беспокоиться еще и о вас!

Винки пристально посмотрел на него.

— Хорошо, я, я, я извиняюсь, гм, гм, гм, не обращайтесь внимания. Пожалуйста!

Винки кивнул в знак прощения, и Неудальный продолжил рассказывать, возбуждаясь все больше, историю освобождения Франсуаз.

— Это действительно прекрасно! Образцовый случай. Настоящее зрелище. Видите ли, гм, гм, подруга мисс Фуа тоже уборщица, то есть человек, который убирает, не важно, не важно, как я говорил, она работает не в больнице, скорее, случайно так получилось, что она убирает в старом здании в центре города, где находится, гм, понимаете, районный общественный Центр для представителей нетрадиционной ориентации и, кроме того, кроме того, Юридическая консультация, Американский Союз Защиты Гражданских Свобод, «Люди за нравственное отношение к животным».

Винки в замешательстве смотрел на него.

— Вы слышали об Американском Союзе Защиты Гражданских Свобод? — спросил Неудальный, поднимая обе руки. Он вздохнул. — Я, я, я не могу объяснить вам все это сейчас, и в любом случае, в любом случае, это не имеет значения. Важно то, что они все в этом замешаны, каждый по своей причине, конечно же, и профсоюз медработников тоже, и, ну, — достаточно сказать. — Он вытянул руки и окончательно повторил: — Достаточно... сказать...

Винки хотелось знать больше, но Неудальный снова погрузился в кучу папок, дисков и бумаг. Медведь потянул его за рукав.

— Мистер Винки, суд вот-вот начнется, и я действительно...

Увидев имя Франсуаз на одном из документов, медведь начал настойчиво показывать на него лапой.

— Что? Я же только что сказал вам — все обвинения сняты. Кроме одного, гм, вот, я вам покажу... — Он достал утреннюю

газету. — Медицинская деятельность без лицензии. Она признала себя виновной в том, что зашила ваши пулевые ранения. Пятьсот долларов штрафа, который оплатила организация «Люди за нравственное отношение к животным». Достаточно?

Винки попытался перестать хмуриться и сделать взгляд радостным, как будто все понимал.

Неудалый уже начал приводить в порядок свою «свалку» на столе. Он, однако, не сказал своему подзащитному, что именно в то утро на лестнице здания суда она отказалась, причем в довольно резкой форме, от помощи всех тех организаций, о которых он только что упомянул.

— Несомненно, этим утром я очень нервничаю, очень нервничаю, — забормотал он, — я не знаю почему, ну, конечно же, я знаю, почему, ха-ха, это же очевидно, более чем очевидно, ну и что с того, что это очевидно, даже если это самая очевидная вещь на этом чертовом свете, я все равно нервничаю, и так жалко, что не могу успокоиться, так жалко, так жалко...

— Всем встать.

Словно стая крупных птиц, зрители быстро встали со своих мест, прошествовал судья, который выглядел еще более растерянным и раздраженным, чем обычно. Он сел, и ритуальный шум от того, как присаживались зрители и присяжные, прозвучал особенно зловеще, и тишина, последовавшая за этим, была словно знамение. Глубоко вздыхая и закатывая глаза, судья сказал:

— Мистер Неудалый, если вам будет угодно, вызовите первого свидетеля.

— Если это будет угодно суду, — перебил прокурор.

Судья посмотрел на него поверх своих очков для чтения.

— Да?

Прокурор встал и наполовину повернулся не только к сидящим на скамье, но и ко всему залу.

— Народ просит, чтобы суд прекратился сейчас же и подзащитного немедленно казнили.

Крики «Да!».

Судья начал устало стучать молотком, но крики стали лишь еще громче. Винки повернулся в сторону Франсуаз, которая смотрела на него широко раскрытыми глазами, полными ужаса.

— Ваша... Ваша честь... Ваша... Ваша... — начал заикаться Неудалый. Несколько человек попытались подбежать к столу защиты, но приставы оттолкнули их. Винки прижался к креслу.

— Хватай его! Вешай его! Ууу!

Наконец один из приставов выстрелил в воздух, крики и свисты прекратились. На головы посыпалась пыль и какой-то материал светлого цвета. Люди заняли свои места.

— Я... безусловно, вы... Эта пародия... Мы должны... Присяжные не вынесли единогласного решения! — кричал Неудалый.

Как обычно, судья игнорировал реплики адвоката.

— Господин прокурор, — сказал он, неловко глядя в сторону прессы, — это очень необычная просьба...

Прокурор встал.

— Ваша честь, если обвиняемому предоставят возможность защищаться, он воспримет ее лишь как шанс распространить свою ложь или, что еще хуже, послать тайное, закодированное сообщение в логово своей террористической сети!

Неудалый снова начал заикаться, и шум толпы стал в очередной раз нарастать.

— Тише, черт побери, — вырвалось у судьи. Бум! Он водил руками по лицу, пытаясь думать.

Дело было в том, что в то утро судья получил определенного рода факсимильное сообщение. В нем не было указано ни обратного адреса, ни телефона, что означало, что оно пришло от его доверенного лица из кабинета генерального прокурора США. Толстым маркером в нем было нацарапано следующее: «Ожидается, что оправдание Фуа вызовет еще больший интерес у прессы. Надо, чтобы сохранялась видимость правосудия. P.S. Вы этого никогда не получали».

Однако было очевидно, что обвинение и на самом деле ничего подобного не получало. Или, может, сообщение, которое получил судья, было ошибкой? Или уловкой? Или, возможно,

запрос обвинения задумывался как спектакль, в котором он, судья, отважно сыграет роль самой справедливости? Безусловно, все это будут тщательно исследовать на слушании по вопросу подтверждения приговора, которое может состояться...

— Господин прокурор, я, безусловно, разделяю ваше беспокойство, — начал он медленно и осторожно, — как и ваше отвращение к этому подзащитному, я имею в виду за преступления, в которых он обвиняется, и я непременно остановлю это слушание в любой момент, если почувствую, что мистер Винки использует процедуру защиты в качестве рупора терроризма. — Судья строго посмотрел на медведя и был поражен, увидев ответный гнев с его стороны. — И все же, по законам этой великой благородной страны, я обязан позволить этому процессу продолжаться. Мистер Неудалый... — Он вздрогнул от одной мысли о том, что ему придется выслушивать этого человека день за днем, Бог знает, сколько времени. — Ваш первый свидетель?

— Пенелопа Брэкл — рывкнул пристав.

Миссис Брэкл была крупной, полной женщиной с оранжево-красными волосами; на ней были серьги с игрушечными мишками, часы с медвежонком, юбка в клетку, на которой еще были к тому же желтые плюшевые медведи, небесно-голубая блузка, украшенная рисунком мишек, и шотландский берет в тон с таким же узором. Стеклообразные глаза Винки расширились. Она показалась ему волшебницей из страны игрушек, спрятанной за талисманами ее магии. Даже на ее сумочке были изображены медведи, сидящие на лужайке, и на ней была брошь в виде мишки, золотая с двумя мерцающими камешками ярко-красного цвета вместо глаз.

Неудалый попросил миссис Брэкл сказать о своем занятии.

— Коллекционер и специалист по плюшевым медведям.

Прокурор встал.

— Ваша честь, в самом деле... — Он закатил глаза и вознес руки к небу. — Уместность? — Его любимый помощник, Двенадцатый, снисходительно хихикнула.

— Это, это, это вполне, вполне, вполне уместно, — залопотал Неудалый.

— Подойдите, — сказал судья, и оба адвоката подошли к судье. Винки не слышал, о чем они шептались, лишь конец слов судьи: — Ну, если мистер Неудалый намерен выставить себя посмешищем, он, безусловно, может продолжать в таком же духе с полного благословления суда. — Бум.

Винки не понимал, почему специалист по плюшевым медведям это посмешище, поэтому он смотрел на судью все более сердито.

— Теперь, миссис, миссис, миссис... Брэкл, — сказал Неудалый. — Пожалуйста, расскажите нам о своем занятии.

— Я бывший президент Американского общества коллекционеров плюшевых мишек, и я написала массу статей для журнала «Тэдди Бэр Ривью» и других журналов для коллекционеров плюшевых мишек. В настоящий момент я издаю ежемесячный информационный бюллетень, «Бэрз Анонимэс», и моя собственная коллекция состоит из трех тысяч мишек из Америки, Англии, Германии, Франции и Австралии.

Винки был поражен.

— И у вас была возможность, гм, изучить, гм, подзащитного? — спросил Неудалый.

— Сторона обвинения этого не позволила, поэтому я посмотрела снимки из полиции, что вы мне послали, и рентгеновские.

— Хорошо. Хорошо. Отлично. — Неудалый принялся прохаживаться взад-вперед. — И к какому выводу вы пришли?

Она широко улыбнулась.

— Это очень редкий медведь.

Неудалый остановился, тоже пораженный.

— Редкий?

— В самом деле, редкий!

Несмотря ни на что и впервые за этот год Винки обнаружил, что испытывает за себя гордость. Незнакомое чувство почти причиняло ему боль в области груди.

— Но подзащитный все-таки является мягкой игрушкой? — спросил Неудалый.

— О да, однозначно. Совершенно определенно!

Винки наслаждался восхищенным взглядом миссис Брэкл.

— И как же, гм, как вы это определили? — спросил Неудалый, начиная снова прохаживаться.

— Все в нем выдает игрушечного мишку, — ответила она. — Все. Я могу вам показать?

Неудалый остановился и повернулся к судье.

— Может ли она объяснить с помощью самого подзащитного?

Судья устало кивнул, и один из приставов поднял на руки медведя и посадил его на свидетельскую трибуну к себе лицом. Любое смущение, которое мог испытывать медведь, рассеялось, как только миссис Брэкл коснулась его твердой, но теплой рукой, что подтверждало то, что перед ним истинный специалист.

— Как вы видите, мех — светлый мохер, — сказала она, быстро глядя его мохнатые уши взад-вперед, — это характерно для игрушки, сделанной в первой половине XX века. А набивка, — добавила она, профессионально, но нежно нажимая на его туловище, — определенно мягкая стружка.

— Мягкая стружка? — спросил Неудалый.

— Очень мелкие опилки. Опять же, набивка из мягкой стружки доказывает, что он стопроцентная мягкая игрушка.

Винки просиял.

— Продолжайте, продолжайте, — сказал Неудалый.

Она двигала руками во все стороны.

— Конечности сочленены, это еще одна характерная особенность мягкой игрушки. У него большие уши, и это говорит о том, что его сделали в Великобритании, — продолжала она, мягко дергая за него, — и я вижу, что правое ухо было оторвано и снова пришито.

Винки бросило в дрожь от воспоминания о том дне, десяток лет тому назад, когда собака Синди схватила его. Миссис Брэкл оказалась не только волшебницей, но и предсказательницей.

— И, и, и вам удалось определить производителя?

— Что ж, — захихикала она, — это было не так-то просто. Линии тонкие и слегка изогнуты, лапы длинные и по форме напоминают ложку, что наблюдалось у медведей Хагми, выпускающихся фабрикой «Чилтрем Тойз» в Англии. Но ноги также тонкие, что не подходит под описание медведей Хагми. Лапы были, возможно, из войлока, но ткань настолько потерта, что не скажешь наверняка, и когти, если бы даже они и были, то уже стерлись.

Ни один другой человек еще так глубоко не симпатизировал Винки за то, что он такой, какой есть. Даже зал казался очарованным, уверенным и увлеченным ее профессионализмом.

— Я нащупываю пищалку или, скорее, ее остатки, которые я заметила на рентгеновском снимке, — продолжала она, нежно исследуя место на спине Винки, нажав когда-то на которое, можно было заставить медведя пищать. — Это относит его к новинкам 1920 года — еще один ключ к разгадке тайны его происхождения. Но, конечно же... — она хихикнула, поднося руку ко рту, — конечно же, я забыла упомянуть о самой замечательной его особенности. Я имею в виду действительно необычной...

Неудалый улыбнулся:

— И что же это, миссис Брэкл?

— Да глаза, конечно же.

Она наклонилась вперед и нежно взяла медведя за плечи.

— Вы позволите? — спросила она, и Винки кивнул. Он полностью доверился ей. — Просто расслабьтесь, — сказала она, как хороший врач, и стала наклонять его назад, пока его стеклянные глаза сами по себе не закрылись, издав характерный щелчок. Затем она вернула его в исходное положение, и глаза открылись.

Миссис Брэкл радостно хихикала.

— Восхитительно, не правда ли? Просто восхитительно. Я хочу сказать, что подобное мы видели у кукол — их начали производить в 1922 году — Беби Бай-лоу. Когда она «спала», т. е. когда ее кладешь, ее глаза закрывались. Конечно, теперь это очень распространено, но в те времена это было новин-

кой — частью бума в товарах массового потребления для детей, который продолжается и по сей день. Как бы то ни было, я читала отчеты о том, что мишек тоже будут производить с глазами, как у куклы Бай-лоу, но, очевидно, таких медведей сделали совсем немного, и я ни одного не видела, я даже не была уверена в том, что они на самом деле существуют — до недавнего времени, конечно же. — Она удовлетворенно вздохнула. — Леди и джентльмены, присутствующие на суде, разрешите представить вам выходца из «Хоулсейл Той Компани», что находится в северной части Лондона, получившей патент в 1921 году, — она торжественно указала на Винки. — Моргунчика, плюшевого мишку с подвижными глазами.

Зал зашептался, журналисты начали небрежно писать, а Винки моргнул, и у него покатались слезы.

— Винки Моргунчик, Винки Моргунчик, — шептал он. Зал постепенно исчезал перед его глазами, эта толпа и ее вопросы; казалось, он парил в своем собственном измерении.

Очень редкий медведь. На самом деле, редкий! Но все же и всегда медведь. Мохер. Мягкая стружка. Необычный, замечательный, восхитительный. Да глаза, конечно же. Медведь редкий, но он существует. Получивший патент в 1921-м. Моргунчик существует.

Не Хагми — а Моргунчик. Не просто Винки — а Винки Моргунчик. Однозначно! Винки Моргунчик. Винки Моргунчик, плюшевый мишка с подвижными глазами.

— Если суду будет угодно, пожалуйста, уберите подзащитного с трибуны для свидетеля, — с пренебрежением сказал прокурор, и Винки быстро унесли на прежнее место.

— Пока-пока, — сказала ему вслед миссис Брэкл.

Прокурор повернулся к ней и грубо спросил:

— Мэм, пожалуйста, повторите нам, каков род ваших занятий.

— Плюшевые мишки и другие игрушки.

— Ах, очень важная область науки. — В зале раздалась смехи. Миссис Брэкл нахмурилась. Винки кипел от злости. — А вы знаете что-нибудь о генной инженерии?

— Что?

— Знаете ли способность объединять генетический материал двух или более видов с целью создать новую особь, демонстрирующую новые черты — такие, как большие уши или мех, похожий на мохер? Вы что-нибудь знаете об этом?

— Нет.

Неудалый почти встал.

— Ваша, ваша честь, мне кажется, это неуме... уме...

Судья показал прокурору жестом, чтобы тот продолжал.

— А знакомы ли вы, — продолжал прокурор, решив «добить» миссис Брэкл, — с различными и множественными дефектами и мутациями, такими, как высшая степень карликовости, двуполость и другие, еще более омерзительные явления, как кожа из ткани, полное отсутствие внутренних органов и глазные яблоки, твердые, как стекло?

Миссис Брэкл поправила свой шарфик с мишками.

— Нет.

— А вы изучали хромосомные повреждения и прочее пагубное влияние таких запрещенных веществ, как ЛСД, экстази, кокаин, крэк, героин или другие метамфетамины?

— Нет.

— Что ж, как насчет последних прорывов в пластической и восстановительной хирургии и как эти достижения могут быть использованы недобросовестными врачами в преступных целях?

— Нет.

— Ритуальная скарификация и другие обряды, направленные на изменение внешности?

— Нет.

— А можете ли вы назвать страшные, обезображивающие последствия редких инфекционных веществ, включая и особенно выделяя заболевания, передающиеся половым путем, которые распространены в различных частях земного шара?

Руки миссис Брэкл нервно дрожали.

— О Боже, нет.

— Или страшные обезображивающие последствия воздействия радиации, или химического, или биологического оружия — последствия, которые нормальный человек не в состоянии себе представить?

— Нет.

Прокурор громко вздохнул.

— Миссис Брэкл, у вас имеются хотя бы какие-то познания в области науки или медицины?

Свидетельница откашлялась.

— Нет. Но я самый настоящий специалист по плюшевым мишкам и...

— Вопросов больше нет.

— Анимизм — это вера в то, что, гм, чувствующие духи населяют растения и другие неодушевленные предметы, — сказал новый эксперт, седой мужчина в мешковатом сером костюме, который, за исключением его серебряных очков, был очень похож на Чарльза Неудалого и который на самом деле был его однойлицевым близнецом Эдвином. Он являлся доцентом антропологии в университете, что находился неподалеку.

— Расскажите нам, гм, еще, мистер Неудалый, — сказал Неудалый.

Не только Винки, но и весь зал был поражен, когда выяснилось, что их на этом свете двое. Это было похоже на интервью, которое человек берет сам у себя.

— Гм, — сказал Неудалый.

— Гм, — сказал Эдвин. — Анимизм называют, гм, источником религии, и, как считается, возник он как следствие интерпретации наших снов.

— наших снов?

— Как предложил Гоббс в «Левиафане», изначально понятие души произошло от «незнания того, как отличить сны от других прочных мысленных образов, которые дает зрение и остальные органы чувств». Или, как, как, как выразился Эдвард Клод в своей конструктивной монографии 1921 года, «Анимизм, так называемый дикарь, верит в то, что внутри него существует

нечто, что покидает его тело во время сна, и совершает то, что он видит во сне». Следовательно, животные обладают душой, и даже растения и другие природные предметы, как, например, камни или реки.

— Почему же?

— Ну, точно так же, как спящий не двигается, пока часть его, что находится во сне, может пересекать океаны, точно так же и неподвижная скала может вмещать в себя похожий дух, обладающий волей и способностью двигаться.

При этих словах Винки почувствовал великое облегчение, словно он только что заново обрел дар движения и речи.

— И это древняя вера? — спросил Чарльз Неудалый, поднимая брови. — Ведь теперь в это не верят?

Винки снова забеспокоился.

— Да, гм, очень древняя. Анимизм — одна из самых древних, если не самая древняя, религиозная или, гм, метафизическая система, известная человечеству. Но ее основные элементы характерны для всех религий, древних и современных, и в любом случае, в любом случае, было бы неверным, ужасно неверным, по крайней мере с моей точки зрения, называть какую-либо религиозную веру, цитирую, примитивной или, цитирую, устаревшей. Безусловно, в современном мире не так уж и мало образованных людей, которые верят в анимизм или что-то аналогичное, и, так сказать, примитивными их совсем не назовешь.

Винки в очередной раз почувствовал себя оправданным, однако поднялся прокурор, желая выразить возражение.

— Ваша честь, разве мы здесь находимся для того, чтобы выслушивать этого свидетеля, который рассказывает нам, что ни одна религия не лучше, чем другая?

Редкие аплодисменты в зале. Судья презрительно посмотрел на двух Неудалых, будто они были быстро размножающимися паразитами.

— Свидетель, воздержитесь от навязывания своей радикальной, релятивистской теории в моем зале. Нам необходимы факты.

— Конечно, о да, факты, конечно же, — беспокойно, с сарказмом сказали Чарльз и Эдвин в один голос. Затем они вместе как один покраснели из-за того, что сказали одно и то же, что не раз случалось с ними в детстве.

Чарльз закрыл глаза и попытался сконцентрировать себя.

— Итак, примитивный или нет, — сказал он наконец, — нелепый или великий, можно применить понятие анимизма также и к искусственным предметам?

— Гм. Да. О да. Перед тем как меня, гм, прервали, я собирался упомянуть об общине Файндгорн, которая была основана в Суссексе в конце пятидесятих годов, и, как видно в этом примере, существуют люди, которые заявляют, что, что, что вступали в связь, цитирую, с «эфирными» формами жизни или телами — такими, как главные духи моркови, брокколи и других овощей, у которых они спрашивали совета по вопросам разведения этих растений, или Короля кротов, которого они скромно попросили запретить своим подданным уничтожать их огороды.

Винки удивлялся, почему так много зрителей хихикают. Неужели никто не видел Короля кротов?

— Очевидно, подобные молитвы неплохо срабатывали, кстати, — продолжал Эдвин, решительно выпятив вперед подбородок. — Подлинный сад Файндгорн являлся, и все это признавали, совершенно необычайным — они не только избавились от, гм, кротов, но выращивали фрукты и овощи вдвое большего размера, чем обычно, без удобрений, и их цветы цвели в самый разгар зимы. Короче говоря, они сделали невозможное. — Эдвин принялся изображать руками экстравагантные жесты, будто дирижировал симфонией идей. — Видите ли, жители Файндгорна верят в то, что все, что находится на Земле, имеет душу: животные, овощи, природные ископаемые, и вся эта тьма метафизических существ готова в любую момент прийти нам на помощь. Безусловно, милая идея. И я должен сказать, что искренность, с которой она предлагается, удивительно, гм, неотразима.

Со стороны прокурора и его любимого помощника доносился шепот, потом саркастические смешки низким голосом. Затем Номер Двенадцать нервно засунула в пучок на голове выпавший из него волос, прикусывая губу.

— Итак, согласно такой системе верования, — сказал Чарльз, пытаясь сохранить самообладание, — может ли, например, в плюшевом мишке тоже жить такой дух?

Прокурор тряхнул головой, будто пытался отогнать рой комаров.

— Ваша честь, я даже не удостою подобный вопрос возражением!

Из розовых лица обоих Неудалых стали красновато-багровыми. Они легко могли сойти за двоих пятилетних мальчишек, которые стояли на площадке школьного двора.

— Что ж, тогда, что ж, тогда, что ж, тогда, — сказал Чарльз, — свидетель может тогда, тогда, тогда начинать отвечать на вопросы! — Он повернулся лицом к близнецу. — Мистер Неудалый, пожалуйста, для протокола: может ли у Моргунчика, плюшевого мишки с подвижными глазами, быть такая душа?

Эдвин вызывающе смотрел в зал.

— Я не, не, не вижу причины, по которой у него не может ее быть. Основатели Файндгорна написали, что, цитирую, цитирую, цитирую: «Машины тоже реагируют на любовь и заботу человека», конец цитаты. И известно, что они говорили «спасибо» своему садовому инвентарю и приспособлениям. Это означает, что перед нами философия безграничной, глобальной доброты. И кто мы такие, чтобы говорить, будто эта цитата неверна?

Взволнованный вопрос на мгновение повис в воздухе.

— Спасибо, — сказал Чарльз.

Судья улыбнулся прокурору, который махал ему своей жирной рукой в веснушках.

— Мне нечего спросить у этой ходячей цитаты. Я лишь прошу, чтобы в суде больше не было Неудалых. Одного, думаю, достаточно.

Волна смеха. Открывая рот, чтобы что-то сказать, но при этом продолжая молчать, Эдвин спустился с трибуны, в то время как Чарльз так же напрасно открыл рот. И все же внутри Винки что-то звонко билось, как колокольчик. Сначала всем торжественно рассказали о его теле, теперь — о душе. Ему хотелось еще долго размышлять о том, что он сегодня услышал, и Винки даже с нетерпением ждал, когда наконец вернется сегодня в свою камеру, где он надеялся повторить все это себе в то время, как Дэррил тихо раскрывал...

Но как раз в этот момент его адвокат рывкнул:

— Защита вызывает, гм, гм, Клиффорда Чейза!

Глаза Винки стали шире, и он принялся тянуть Неудалого за рукав, не веря своим ушам. Он энергично затряс головой, желая сказать «Нет!».

Но на самом же деле медведь стоял меж двух огней — между незваной, безудержной радостью при мысли, что он снова увидит Клиффа, и такого же незваного плева в душу — предательства Клиффа, которое случилось так давно, но и сейчас оно вызывало у него такие же чувства.

— Теперь, теперь, теперь, мистер Винки, — сказал Неудалый, бросая на судью нервный взгляд, — я вижу, что вам это не по душе, но, как мы, как мы, как мы уже обсуждали, это единственный свидетель, который готов дать показания, который, который, который...

В действительности же Неудалый столько раз представлял себе, как будет обсуждать Клиффорда Чейза со своим подзащитным, что упустил эту идею и забыл упомянуть ему об этом человеке или о его желании дать показания. Если бы Винки был к такому подготовлен, его чувства к этому персонажу из прошлого, возможно, смягчили бы боль воспоминаний. Но вышло так, что все те страдания, несправедливо причиненные ему этим мальчиком и всей его семьей, казалось, слились теперь воедино с бедами, которые он пережил и видел в течение последних полутора лет, начиная с похищения его ребенка... Поэтому теперь, когда Чейз шел

по проходу, Винки увидел в нем не дружелюбного свидетеля, а скорее одного из своих преследователей. Не обращая никакого внимания на шепот Неудалого, который убеждал его в обратном, медведь плотно сложил лапы и сполз на стуле вниз, так что теперь его глаза были едва видны из-за стола защиты.

В это время Чейз, худощавый мужчина сорока лет с песочного цвета волосами, давал присягу.

— ...Правду, только правду и ничего, кроме правды, и да поможет мне Господь. — Когда он присел, то с надеждой посмотрел в сторону Винки, но медведь с яростью уставился прямо перед собой на книги и бумаги Неудалого.

Защитник спросил свидетеля о том, кем он приходится подзащитному, и вот допрос продолжается. Как Неудалый собирался сказать Винки, Чейз был всего лишь одним из нескольких людей, которые смогли бы подтвердить, что когда-то тот был обыкновенной мягкой игрушкой. Без особого труда обвинению удалось не допустить Рут Чейз и других членов семьи к даче свидетельских показаний, которые якобы не относились к делу или же были предвзятыми. Но Неудалый убедил младшего сына прийти в этот день на суд на всякий случай, и, к удивлению адвоката, народ не возражал против того, чтобы его вызвали. Хотя, на самом же деле, во время утреннего перерыва судья и прокурор посоветовались и решили, что подобная уступка произведет на прессу благоприятное впечатление, причем с минимальным ущербом для версии государственного обвинения.

Несмотря на вопросы заикающегося Неудалого и очевидное смятение подзащитного, Чейз был достаточно убедителен, поддерживая заявление защиты о том, что Винки был не чем иным, как игрушкой, а не террористом, и рассказывая о том, где медведь находился с Рождества 1925 года до момента, когда до ареста Винки оставалось около года — когда он исчез из дома Рут и Дэвида Чейз.

— Мы считали, что потеряли Винки, то есть мистера Винки, — вспоминал Чейз. — Мать сказала: «Ах, он найдется». Но

он так и не нашелся, и теперь, конечно же, понятно, что он сбежал. Мать обнаружила разбитым окно примерно в то же время, как заметила, что мистера Винки нет, и теперь, когда вспоминаешь это, совершенно ясно, что он убежал.

— Протестую. Несущественно.

— Протест принят. Свидетель, следуйте фактам, а не чувствам, и воздержитесь от каких-либо выводов. — Бум.

Неудалый закатил глаза и продолжил:

— Мистер Чейз, насколько вам известно, насколько вам известно, случилось ли так, что подзащитный пропал и до описанного вами момента?

— Нет.

— И этот период включает в себя все десять лет, начиная с 1993 года?

— Да.

— Так, так, так, в течение периода, когда, согласно обвинению, мистер Винки создал и отправил по почте, гм, триста сорок семь бомб, где он находился, насколько вам известно?

— В доме моих родителей, на полке в моей старой спальне, у окна.

— И чем он там занимался?

— Он сидел — не двигаясь.

Касаясь этого и других ключевых моментов, Чейз говорил тихо, но решительно и, по общим отзывам, произвел хорошее впечатление на присяжных. Однако как обвинение, не сомневаясь, и ожидало, правдоподобность сказанного им жестоко пострадала во время перекрестного допроса.

Прокурор, листая документы, очевидно, медицинскую карту:

— Мистер Чейз, вы пребываете в состоянии депрессии?

Чейз нервно поправил на носу очки:

— В общем-то нет. По крайней мере не в данный момент.

— Вследствие того, что принимаете по этому поводу медицинские препараты?

— Да.

— То есть вы страдаете психическим расстройством?

— Да. Видимо, да.

— Видимо, да. — Прокурор поднес пальцы к обоим вискам, будто пытаясь решить, о чем еще можно спрашивать подобного свидетеля. — Хорошо, ну, тогда, предположим, — махая руками как сумасшедший, — для подтверждения вашего аргумента, только для подтверждения вашего аргумента, что мистер Винки, подзащитный, действительно тот Винки, которого вы знали и любили, когда были маленьким. Предположим. — Он пожал плечами. — На каком основании вы сделали вывод, что он добрый медведь? Он с вами когда-нибудь разговаривал?

— Ну, как...

— Мистер Чейз, пожалуйста. Ответьте на вопрос. Он когда-нибудь разговаривал с вами? Говорил ли он вам когда-нибудь, например: «Я очень добрый медведь»?

— Нет, — грустно ответил Чейз.

— Что ж, тогда, возможно, вы наблюдали какие-то проявления его доброты или храбрости? Возможно, он спас вас или другого ребенка из горящего дома?

За занавесом послышались смешки.

— Нет... Но он не раз позволял мне обнимать его. И он выслушивал меня.

— Ах, выслушивал. И откуда вам это известно? Он кивал головой? Он повторял вам то, что вы сказали? Может, он говорил вам необходимые слова утешения или давал вам советы?

— Ну, нет, конечно же.

— Конечно же, нет. Именно. Конечно, нет. На самом деле вы никогда не видели, чтобы он что-то делал или говорил, хотя бы что-нибудь, ведь так, мистер Чейз?

— Я приму это за отрицательный ответ. — Театрально вздыхает. — Итак, я должен снова задать вам вопрос, мистер Чейз, откуда вы знаете, что он добрый медведь?

— Гм. Я понял это по тому, как он на меня смотрел.

Теперь все взгляды устремились на подзащитного, который сидел с хмурым видом, его зрочки смотрели криво и бешено

над носом, зашитым грубой ниткой, отчего он был похож на шишку. Меха на его морде почти уже не было, остались лишь растрепанные клочки на его слишком больших, неправильной формы ушах. По залу пробежал смех.

— Понимаю, что вы хотите сказать.

Смех усиливается. «Подзащитный выглядит ужасно», — прошептал пристав присяжным, стараясь быть полезным и желая, чтобы они не пропустили такую шутку. Неудалый выдвинул протест, но прокурор лишь взял свои слова обратно.

— Продолжайте, — сказал судья.

— *Вы собирались что-то сказать, мистер Чейз? Простите, что прервал вас.*

— Мне было все равно, как он выглядел... Я все равно любил его. Я был ребенком, и он принадлежал мне.

При этих словах медведь подвигался из стороны в сторону, громко вздыхая, и снова сложил лапы в безмолвном, сердитом протесте.

— *По сути дела, был ли он вашей игрушкой, как вы считаете, или не был, как утверждает так много свидетелей, вы абсолютно ничего не знаете о подзащитном, я прав?*

Чейз повесил голову и не ответил. Прокурор довольно улыбнулся.

— Вопросов больше нет.

Согласно большинству отзывов, показания в этот день мало что дали для того, чтобы склонить присяжных к оправдательному приговору, и, может, даже подкрепили версию обвинения. И все же в беспокойном замешательстве от сомнений и, безусловно, не осознавая того, Неудалый интуитивно постиг нечто более важное, когда разрабатывал свою стратегию защиты, — не то, что может убедить присяжных, а скорее то, что необходимо было услышать медведю. И несмотря на шок и боль от показаний Клиффа, в тот день Винки покинул зал суда новым существом.

Сначала ему так вряд ли казалось. Когда полицейский фургон умчался и крики здания суда утихли, события этого дня

вернулись к Винки спутанным клубком — улыбка Франсуаз... «Разрешите представить вам: Моргунчик, плюшевый мишка с подвижными глазами»... «Машины тоже реагируют на любовь и заботу человека»... «Он был странным медведем, но, я думаю, что он был добрым медведем, и я до сих пор так считаю»... «По сути дела, вы абсолютно ничего не знаете о подзащитном, я прав?»... Но, несмотря на то что последние реплики так огорчили его в тот момент, были непростыми гостями для его потертых ушей, теперь они казались ему ничуть не хуже других. Дело было не в том, что он простил Клиффа (это Клифф должен был решить, прощать ему себя или нет), просто на время, проведенное с Клиффом, он теперь смотрел как на очередное доказательство того, что он существует. Эта мысль была безграничной, но неопишимо легкой, как перышко. Что-то бормоча в темноте, медведь погрузился в мысли, продолжая ломать над этим голову...

Неожиданно двери фургона резко распахнулись, и, как во сне, перед глазами Винки предстал знакомый вход в тюрьму, освещенный прожекторами, силуэт помощника Уолтера на фоне зелено-голубого быстро мигающего света. Уолтер показывал медведю жестом, чтобы тот выходил. Ни в коем случае этот момент не был приятным, и все же Винки позволил себе до конца осознать его. Щелк-щелк. И теперь он решил, не понимая почему, однако четко представляя себе следующее: завтра он скажет Неудалому, что передумал и, несмотря ни на что, даст показания.

2.

— Спокойной ночи, мистер медведь, — сказал Дэррил своим привычным тоном и передал Винки вырванную страницу, на которой была нарисована роза, чьи многочисленные лепестки он аккуратно раскрасил красным, оранжевым, розовым и фиолетовым, а листья — черным. Никогда еще Дэррил не дарил ему ничего, да и медведь не замечал в его тетрадях цветов. Но вот в его руках была роза — подарок, сделанный специально для него.

— Спасибо, — сказал Винки, нюхая рисунок, делая вид, будто карандаши пахнут розой. Он нежно положил листок у подушки, натянул до подбородка колючее одеяло и впервые, более чем за год, тут же крепко заснул.

Он выглянул в море и на расстоянии заметил серую крысу с длинным розоватым хвостом, осторожно движущуюся по волнам, подвиг, который маленькое животное совершало и, Винки был тому свидетелем, не потому, что верило во что-то, а потому, что крыса энергично изгибала свой мерзкий огрызок хвоста на поверхности воды. Его заинтересовало, как у грызуна это выходило и сколько еще времени он продержится. Был это какой-то новый вид крысы с новыми способностями или это была самая обыкновенная крыса, которая просто сильно старалась? Вскоре серое волосатое существо направилось к скале, возвышающейся над ровной поверхностью моря. И вот она стала птицей. Никакого превращения во сне не произошло, ни внезапного, ни постепенного: крыса просто стала птицей, будто всегда и была ею — черной, с чистой белой головой, морской птицей.

Сон стал напоминать программу «В мире животных», в которой диктор звонко заявил: «Теперь он может взлететь». И на самом деле, к облегчению Винки, морская птица оттолкнулась от скалы — ей была необходима твердая поверхность — и тихо взмахнула крылом. Медведь проснулся.

Белые стены камеры не изменились, а мирный сон был полнотью прерван. Хотя часть сна про птицу несколько ободрила его, в течение остальной части сна Винки чувствовал лишь антипатию. Ему хотелось не иметь ничего общего с той крысой, что скользила по воде. Зачем ему приснился такой сон — именно сегодня, в день, когда он должен был давать показания? Сон был отвратительным, и, увидев его, он лишь глубже увязал в своем раздражении и отчаянии. Жалкий, одинокий, он вдыхал запах антисептического средства, исходящего от поремных стен, и вспоминал неистовые лица, день за днем кричащие ему и в зале суда, и за его пределами: «Позор!» Ему вдруг стало все равно, что говорили о нем Пенелопа Брэкл, или Эдвин Неудалый,

или кто-либо еще. Он, Винки, был всего лишь отвратительной крысой, которая пользовалась своим длинным крысиным хвостом, чтобы совершить мерзкое и почти невозможное чудо — взмыть в небеса. Хвост невозможно было классифицировать как ее средство передвижения. Таковую крысу никто и никогда не сможет понять, но прежде всего она не понимает себя и поэтому попыталась скрыть свою истинную натуру, превратившись в прекрасную морскую птицу. Но все это время Винки знал, что представляет собой это существо. Он не мог не знать.

— Блин! — вырвалось у него, и от этого он вспомнил Клиффа. Было странно видеть его вчера не просто взрослым, а мужчиной средних лет, и обнаружить, что его собственные чувства к этому человеку остались такими же, какими были и в тот судьбоносный день урагана сорок лет тому назад. Ненависть к самому себе ничуть не изменилась. — Блин, блин, блин. — Он не понимал, как можно убрать эту пелену с его души, как ему удалось моргнуть по собственной воле, бросить книгу, вылезть в окно, прыгнуть на лужайку — вплоть до его последнего решения, принятого прошлым вечером в фургоне, дать показания от своего лица.

— Я принадлежу самому себе, — попытался он сказать себе же.

Еще никогда с тех пор, как ожил, Винки не менял своего решения, не изменит он его и сейчас, он воплотит свои намерения, как и пообещал себе прошлой ночью, но его терзали сомнения. Именно в этом состоянии он в то утро и потянул Неудалого за пиджак и, все еще понимая, что его рот отказывается произносить даже простой звук, поступил так, как делал раньше: объяснил тому жестами, что желает дать показания. Присягу он тоже принял, кивая головой, и затем нехотя вскарабкался на стул, что был за свидетельской трибуной, и стал с величайшей тревогой ждать первого вопроса своего адвоката.

Неожиданная решительность медведя застала Неудалого врасплох, и он приготовил к этому моменту всего лишь примерный мысленный перечень вопросов, которые ему потребуется

задать. Но больше некого было вызывать в свидетели, и просьбы, сказанные с запинками (устроить даже очень короткий перерыв), были отклонены. Итак, все должно было произойти сейчас или никогда. Неудалый глубоко вздохнул, закрыл глаза и попытался войти в состояние, похожее на транс, которое, как казалось, было ему необходимо, чтобы допрос его подзащитного закончился хоть каким-то успехом.

— Накапливалось ли оно у вас постепенно, — начал он, — как снег на ветке, под которым она вдруг ломается и с треском падает на землю, или это больше походило на разряд молнии, мистер Винки, — то, что заставило вас принять решение рассказать нам вашу историю сегодня?

Бросая нервные взгляды на публику, чьи глаза были устремлены на него, Винки сглотнул и указал влево.

— Снег, под которым ломается ветка. Хорошо, — сказал Неудалый. — И то, что в вас накапливалось, это было постепенным осознанием своей сущности и происхождения, какими бы они ни были, или это было медленное понимание того, что вам необходимо бороться за свою свободу?

Винки почти уже стал думать, что допрос будет не таким уж и сложным. Он указал влево, а затем вправо.

— И то, и другое. — Неудалый медленно вдохнул и выдохнул. — И когда вы принимаете подобное решение, это движение вперед больше похоже на долгую и утомительную прогулку по раскаленному сухому песку или на пересечение оживленной улицы в искрящихся лучах солнечного света?

Винки пожал плечами.

— Иногда утомительная прогулка, иногда...

— Ваша честь, — закричал прокурор, схватившись руками за голову, будто испытывал сильную боль, — это самый странный допрос, который мне когда-либо доводилось слышать в суде.

До этого момента зрители, очарованные лишь тем, что за свидетельской трибуной сидел медведь, слушали с редким вниманием, но возражение вызвало волну тихого смеха.

— Ну, ну, я, я, конечно же, — сказал Неудалый, — конечно же, не... не... не считаю, что если показания с цитатами были странными, то это дает вам основание для, для, гм...

— Протест принят. — Бум. — Мистер Неудалый, пожалуйста, перестаньте направлять свидетеля.

Адвокат выглядел так, будто вот-вот сейчас расплатится, но он снова закрыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов, которые Винки, нервничая, передразнил. Вдох, вдох, вдох...

— Ваша честь, этот свидетель собирается давать показания или нет? — спросил прокурор.

Бум!

Винки и Неудалый подпрыгнули.

— Мистер Неудалый, — рявкнул судья, — если ваш подзащитный не предоставит суду собственных показаний — не глупые фразы, которые разжевывает для него так называемый адвокат, — я обвиню вас обоих в неуважении к суду, и суд закончится тут же!

Из зала донесся одобрительный шепот. Винки вздрогнул.

— Конечно, конечно, — стал запинаться Неудалый, встряхивая назад седую челку несколькими резкими и сильными рывками головой. — Мистер Винки, — начал он, пытаясь говорить медленно и спокойно, как вначале, — гм, пожалуйста, объясните суду своими собственными словами, как попросил судья, объясните всем собравшимся здесь, то есть судье и прокурору, присяжным, что сидят за той занавеской, то есть насколько это для вас возможно, то есть, пожалуйста, расскажите о событиях, предшествовавших вашему, гм, печальному аресту и тюремному заключению, которые случились более года назад, пожалуйста, Спасибо.

Винки жалел, что не тренировал свою речь хотя бы немного, пока все это время находился в тюрьме. Он ни разу ни с кем не разговаривал за всю свою жизнь, за исключением Малышки Винки, и вот теперь от него ожидали ответов и объяснений перед лицом моря незнакомцев. Он попытался расшифровать вопрос Неудалого, но как только сделал это, его мысли стали наводнять события из прошлого, они сплелись в один клубок,

и поэтому он даже не мог выстроить их последовательно, а ведь ему необходимо было выбрать из них нужные. Даже приглушенное царпанье по бумаге художника, что запечатлевал происходящее в суде, казалось оглушительным.

— Просто начните, — подсказал Неудалый самым мягким тоном, на который только был способен, однако в его голосе звучало все то же нетерпение. — И хорошенько обдумайте.

Винки нахмурился, стараясь унять стремительный поток в своей голове. Прошло несколько минут. Затем с надеждой на лице он выдал:

— А Е И О У.

Хотя от этих звуков он почувствовал у себя во рту странное ощущение, ответ показался ему совсем неплохим. Но Винки увидел, как прокурор обменивается ухмылками со своей любимой помощницей и некоторые из журналистов качают головой. Неудалый с такой силой принялся тереть глаза, что медведь подумал, что они вот-вот выскочат.

— Хорошо, гм, давайте попробуем еще раз, — вздохнул адвокат. — Хорошо. Мистер Винки, пожалуйста, объясните суду своими собственными словами, всем собравшимся здесь...

Слышать, как вопрос повторяется практически слово в слово, не так уж помогало, тем более таким тоном. Но Винки постарался сделать выражение лица уверенным, сосредоточенным и смело сказал:

— Если, но, почему, наверняка, несмотря, так.

Неудалый громко вздохнул.

— Так, так, так — что? Что?

От тона сказанного медведь прищурился, но на этот раз решил отвечать быстрее.

— Вот так и произошло, так и случилось, и вот так имело место быть, — утверждал он. — Поэтому я вам и говорю.

«Безусловно, сказанное было неоспоримым», — подумал Винки, но Неудалый спросил:

— Я вам и говорю что? Что случилось?

Винки снова сосредоточился. Его рот как раз собирался произнести «С» слова «Свет», когда прокурор выкрикнул:

— Ваша честь! — Он развернул свои пухлые ладони, пожимая плечами.

— Абсолютно согласен, — сказал судья. Бум! — Мистер Неудалый, я говорю вам еще раз, что если ваш подзащитный не начнет говорить здравомысляще, будет иметь место быть... — Бум! Бум! Бум!

Гогот зала странным образом казался медведю отдаленным, когда он перевел взгляд с нахмуренного судьи мимо ухмыляющегося прокурора к краснеющему адвокату, который что-то бессвязно бормотал. Ощущая себя особенно маленьким и одиноким, Винки сболтнул:

— Однажды давным-давно жил-поживал медведь!

Смех прекратился, и все взгляды устремились на него.

— Хорошо! — сказал Неудалый не так раздраженно и принялся вращать руками, подстегивая Винки. — Пожалуйста! Пожалуйста, продолжайте!

Но это смутило медведя еще больше. Он еще раз подумал, что с вопросом было покончено, но Неудалый продолжал смотреть на него умоляюще, и его руки зависли в воздухе. Винки поднял лапы. Пожимая плечами, позвякивая цепями.

— Конец, — попытался он.

Снова последовал смех, и Неудалый начал тереть глаза.

— Нет, — простонал он. — Нет...

Винки пристально смотрел на него.

— Предметы. Еда. Комнаты, — дерзко проговорил он. — Пыль, и стыд, и бесконечная скука. И так старый медведь отправился в новый мир!

Неудалый немного воспрянул духом.

— Продолжайте. Что вы подразумеваете под «новым миром»?

Винки нахмурился и закатил глаза. Какое ему вообще до этого дело? Новый мир был новым миром. Что еще можно про него сказать? И все же он знал, что надо стараться.

— То, чего хотел медведь. То, что медведь сделал, — ответил он. — То, что медведь видел, ел и понимал.

*Даже приглушенное царапанье по бумаге художника,
который запечатлевал происходящее в суде,
казалось оглушительным*

Он никогда не знал, чем может заинтересоваться Неудалый, и теперь беспокойные голубые глаза адвоката замедлили свой бег и с неподдельным любопытством остановились на Винки. Казалось, он не знает, о чем спрашивать дальше, но также, казалось, ничего не имел против. В этот момент медведь внезапно начал понимать то, о чем хотел рассказать. Зал затих, когда он закрыл глаза и заговорил в темноту:

— Вскоре имело место быть то, что медвежонок ушел бродить по миру. Кусты цвели, и на них появлялись ягоды, а свет спускался и снова поднимался. У него родился ребенок. — Винки запыхтел пару раз, пытаясь отдышаться, потому что говорить так было почти так же трудно, как и рожать. — И тогда стало два медвежонка, большой и маленький. Они не знали почему, но каждый день ткань и опилки искали и находили свое родное. Деревья дышали, и проплывали сотни облаков, даже тогда, когда они спали. Ровно падал дождь и снег, иногда они кружились, просто чтобы сделать им приятно. Дни увеличивались. Пелись песни. Потом пришел злой человек-ничтожество и стал кричать, и украл ребенка. — Винки сдерживал слезы. — Однажды жил-поживал грустный и одинокий медведь. Он жил в хижине. «Выходите с поднятыми руками!» Шум, звон, ярко, дрожь. Медведь медленно упал. — Хлюпая носом и вытирая его, он попытался снова сконцентрироваться. — Однажды жил грустный медведь, совсем один. Он жил в клетке, и он все вспоминал. Конеч.

Несколько человек пораженно захихикали, но это были единственные звуки. Зрители, возможно, даже удивились своему собственному состраданию, но это не помешало им слушать дальше.

— И кто этот медведь? — снова спросил Неудалый мягким тоном.

Винки подумал о том, каким глупым был это вопрос — что могло быть более очевидно, — и все же, обдумывая ответ, он снова почувствовал желание заплакать. И зачем это все?

— Я, — сказал он наконец.

Неудалый сделал паузу, перед тем как спросить:

— Вы можете рассказать нам о вашем ребенке?

— Я... — начал Винки, но это слово, казалось, тоже причиняло ему боль. Из своего мудрого опыта он знал, что ему необходимо двигаться вперед, какую бы боль это ни причиняло. — Я повернулся посмотреть на нее, и она посмотрела на меня в ответ, — продолжал он. — Это была Малышка Винки: ее глаза, ее мех, ее уши и снова ее глаза. Они смотрели на меня.

И снова тишина.

— И кто этот человек-ничтожество? — спокойно спросил Неудалый.

— Тот, кто украл Малышку Винки! — закричал медведь, удивляясь тому, как его адвокат мог упустить и это тоже.

— Я знаю. Я хочу сказать, это тот человек? — спросил Неудалый, отворачиваясь от стола защиты и снова поворачиваясь к нему с фотографией старого отшельника. — Он?

Винки отпрянул при виде этого страшного лица, будто сама фотография могла причинить ему боль.

— Да, — кивнул он, быстро возвращая фотографию.

— Давайте обговорим то, что свидетель опознал эту фотографию....

— ВЕЛИКОГО АМЕРИКАНСКОГО ГЕРОЯ, ХЛАДНОКРОВНО убитого ПОДЗАЩИТНЫМИ — закричал прокурор. — Ваша честь, это ПОРУГАНИЕ. Вы не можете позволить, чтобы эта КЛЕВЕТА продолжалась!

Было действительно рискованно со стороны Неудалого затронуть эту тему. Несколько представителей прессы кричали: «Сюда! Сюда!», потому что они говорили об отшельнике не иначе, как «старый, добрый лесной житель». Вскоре в супермаркетах должны были появиться шесть различных книг под этим названием, и опросы показали, что положительные чувства общества по отношению к старому отшельнику были сильнее, чем отрицательные к Винки. И все же Неудалый нажал на больное место...

— Я утверждаю, что отшельник не только похититель, — кричал он, — но и сумасшедший террорист!

В судебном процессе, отмеченном таким количеством беспорядков, увечья, последовавшие за этим заявлением, были, безусловно, самыми тяжелыми.

— Боже, нет, снова, — пробормотал один из приставов. С помощью своей дубинки он оттолкнул группу журналистов, пытающихся пробраться к подзащитному. Неудачный пытался увернуться, а прокурор отмахаться. Яйца и помидоры со свистом летали во всех направлениях. Даже Франсуаз и Марианна боролись с полицейским в форме, в то время как мигал свет и судья снова и снова кричал: «Порядок!» Винки съежился за трибуной, и, когда шум усилился до устойчивого рева, он был готов завопить: «Иииин! Иииин! Иииин!» — он уже слышал у себя в голове примитивные крики, — но вместо этого, к своему же удивлению, его спина выпрямилась, а рот начал говорить громко и осознанно, подобно ветру и дождю с вершины утеса:

— Не так давно я ожил. Может, в самых своих сокровенных уголках моя душа знает как, но я не знаю. Меня поливали любовью, и я пустил ростки. Годы напролет в мои глаза смотрели дети. Годы напролет меня обнимали, носили, таскали. Повсюду были желания. Мое желание заняло место в глубоком искрящемся океане. И когда один за другим дети и их желания отступили, как убывает при отливе вода, мое желание осталось: тогда я и ожил. Почему, почему, почему? Я принадлежу сам себе? Это чудо больше меня, я знаю, но чувство одиночества еще больше.

Неудачный и прокурор, борющийся клубок, прокатились мимо трибуны для свидетеля. Приставы колотили толпу. Но чем больше Винки говорил, тем спокойнее он становился.

— Теперь мое желание — снова быть свободным. Я прошу о свободе, даже и не знаю почему. Смысла нет, вы просто скажете «нет», но, если бы только меня выпустили в мир, моя история могла бы начаться снова, у меня бы появились желания, и я мог бы дать многое этому миру. Люди всегда любили меня. Почему? Так много раз, и самое страшное, когда я потерял ребенка, мои глаза захотели закрыться навсегда. И все же каким-то образом во мне оставалась любовь, которую я мог бы подарить, она всегда была во мне. Почему, почему, почему? Несмотря ни на что. Зачем меня создали и зачем я

люблю? Что внутри меня заставляет меня продолжать жить? Несмотря ни на что, несмотря ни на что: это мое сердце, и я ничего не могу поделать с ним.

Когда Винки на секунду остановился, репортер, отбившийся от группы, понесся в его сторону, согнув руки, готовые задушить медведя, но помощник Уолтер успел схватить его. Они принялись драться на полу. И в дикой, вырывающейся наружу ненависти в глазах нападающего Винки внезапно понял смысл сна, который он видел этим утром, и ему захотелось прокричать это всему миру.

— Крыса плавает по воде, — сказал он. — Рябь на воде, след от крысы и мерцающий горизонт. Ненавистное существо ненавидит даже себя самое, но оно все равно продолжает скользить по воде. Крыса превращается в птицу, но по сути она и то, и другое, она всегда была такой и такой останется. Так.

Ровное море и светлое небо. Свет окутывает сам себя и снова обнажается, сверкающие осколки соединяются, тихо щелкая, чтобы сотворить то, что ты дальше должен увидеть. Даже для ненавистного существа свет снова обнажается, рассеивается, мелкие волны разбиваются, и кажется, что они разговаривают, круг драгоценных камней из света сворачивается и снова разворачивается, и из закрытых глаз текут слезы: может ли птица-крыса стать свободной?

Винки вздохнул.

— Во сне и в воспоминании о сне, внутри и вне его ненавистное существо может освободиться, может взлететь, может зарыдать, и тогда большой мир может снова раскрыться ему навстречу, тихо щелкая своими осколками, щелкая глазами, — цветок раскрывается, медведь ныряет, слушает, вдыхает аромат и, вдыхая, созерцая и слушая, ныряет — роза в тетради для раскрашивания, роза мира и надежды. Любимая вещь. Глаза щелкают-щелкают и открываются, сначала темно, затем светло, как будто скользишь под аркой прямо к солнцу: это есть и всегда была жизнь, которая мне дарована. Спасибо.

Винки снова открыл глаза, чтобы взглянуть на рассвирепевший зал, и был потрясен, когда увидел, что в нем стоит человек, так же безмолвно и неподвижно, как и он сам. Это был человек, та женщина, которая всегда смотрела на него сердито и ухмылялась, но теперь она стояла прямо перед первым рядом и пристально смотрела на него, пребывая в глубокой задумчивости, в то время как по обе стороны от нее разворачивалась драка.

Это была любимая помощница прокурора, Номер Двенадцать, она слышала каждое слово, сказанное Винки. Потому что, несмотря на все аргументы и факты, которые ее начальник так яростно обрушил на медведя, она позволила себе спросить у себя: а вдруг ненавистный подзащитный был, в конце концов, не так уж и виновен (точно так же, как она иногда спрашивала себя, любил ли ее прокурор и в течение последних нескольких недель не встречается ли он с кем-то еще)? Ее особенный друг не выносил сомнений по поводу этого судебного дела в кругу своих подчиненных, о преданности которых ходили легенды, да и она сама от всей души соглашалась много раз не только в офисе, но и в их номере отеля, что такого страшного преступника, как Винки, необходимо раздавить любыми способами. Однако сегодня, впервые услышав, как медведь разговаривает, эта чувствительная девушка, которая никогда не перечила властям, сначала попала в ужасное замешательство, а затем, когда Винки умолк, ее охватил незапный восторг от удивительной ясности ситуации: она больше не сомневалась в том, был ли медведь виновен или нет; точнее, она была убеждена в его невиновности — и что еще более важно, в том, что ей необходимо действовать, даже если это означало потерять все.

— Птица-крыса, — повторяла она, думая о подзащитном и о себе. — Несмотря ни на что. — Она испытывала странную умиротворенность, и в то же время у нее появилось множество вопросов. — Почему я должна быть одинока? Неужели все, что бы я ни выбрала, принесет несчастье? Неужели каждая жизнь — это история, и каждая история — о том, как ты выживешь? И как это можно проверить? — Она почти не замечала

шума происходящего вокруг нее скандала, а видела лишь Винки, который смотрел на нее грустным, вопрошающим взглядом. Он вызывал в ней необъяснимую печаль. Эти блестящие коричневые стеклянные глаза — что-то чистое и непосредственное, — и она недоумевала, как же она не замечала их раньше. Девушка вспомнила свое детство, когда держала в руках свою куклу и в темноте размышляла о бесконечном. Она, казалось, почти погрузилась в сон и, как во сне, спросила:

— Что будет, если ты выскажешь свою точку зрения по вопросу, по которому ее не может быть?

3.

Когда крики наконец утихли и все стали оттирать со своих плеч куски яиц и помидоров, а затем заняли свои места, Номер Двенадцать продолжала стоять. Ее прическа наполовину растрепалась от суматохи, что происходила вокруг. Судья посмотрел на нее с судорожным любопытством, погрузившись в приятные размышления о ее отношениях с прокурором. Номер Одиннадцать попытался оттянуть ее назад к стулу, но она оттолкнула его.

— Ваша честь, — сказала она слабым, но необъяснимо пронзительным голосом, — это моя священная обязанность доложить о сокрытии ключевых улик, касающихся этого дела, кабинетом обвинения.

Неудалый и репортеры мгновенно наострили уши. Помощники с первого по одиннадцатый от удивления раскрыли рты. Прокурор пораженно смотрел на нее с минуту, будто она только что превратилась, скажем, в гигантскую саламандру. Затем он обратился к ней тихим, но повелительным голосом, так, как всегда разговаривал с ней наедине:

— Джуди, присядь.

Она заплакала, но стояла на своем.

У судьи не было времени наслаждаться шоком, который испытал прокурор, поскольку его голова была занята мыслями

о том, чего ожидали от него. Неужели этим утром до него не дошло какое-нибудь предупреждение или распоряжение? На эти факсимильные аппараты никогда нельзя было положиться, иногда в них заканчивалась бумага, и ты не можешь не заметить...

— Это очень серьезное обвинение, чтобы такая молодая девушка его предъявляла, — попытался он прервать ее.

Джуди вытерла слезы с одной щеки.

— Я знаю, — сказала она.

— И кажется, оно вас расстроило, — добавил судья.

— Да, она очень, очень, очень расстроена, — вставил прокурор. — На самом деле она совсем сошла с ума. Мы волновались, что это может случиться, — стресс от суда, понимаете ли.

Все помощники, как один, кивнули головами, но Джуди была непреклонна. Судья заерзал, думая о том, что сказать дальше, в то время как Неудалый, настолько же сбитый с толку, как и все остальные, воздержался от каких-либо замечаний. Помощник Номер Три передал прокурору листок, с которого тот зачитал:

— Ваша честь, принимая во внимание необычный объем улик, с которым приходится работать в этом деле, следует отметить, что существует вероятность того, что некоторые материалы, материалы, не имеющие никакой значимости, конечно же, совершенно никакой, могли быть утеряны или упущены обвинением из виду, однако я, безусловно, приветствую возможность исправить эту ошибку, если она действительно была допущена...

Он перевернул бумагу, ничего не обнаружил на обратной стороне и начал рассерженно жестикулировать Номеру Третьему.

— Это не было ошибкой, — сказала Джуди. — Это было сделано предумышленно.

Потрясение и шепот.

Неудалый внес предложение о роспуске суда, но оно, чего и следовало ожидать, было отклонено. В тот день подняли великое множество дополнительных улик, и защите дали время

до следующего утра проанализировать их. Франсуаз и Марианна решили помочь Неудалому и пришли в его кабинет, целиком заставленный коробками, которые также стояли в вестибюле и даже на стоянке. Было уже более трех часов утра, когда Марианна обнаружила самые важные улики, а именно: семнадцать коробок, где лежали вещи из хижины отшельника, включая массу тетрадей, видеокассет, в которых было запечатлено, как сумасшедший хвастается тем, как посылает по почте бомбы своим многочисленным врагам по всей стране, и, более того, признается, как похитил странное, очаровательное существо по имени Малышка Винки.

Безусловно, эти материалы полностью оправдывали Винки, однако судья получил распоряжение продолжать процесс. Он действительно продолжался еще три недели, потому что Неудалый демонстрировал присяжным каждую видеозапись, зачитывал каждую тетрадь. Джуди уволили. По ее делу о препятствии правосудию проводилось расследование. Прокурор продолжал убеждать всех, что Винки виновен, утверждая, что новые улики — это всего лишь пятнышко. Однако то тут, то там стали появляться оппозиционные заметки, осторожно выражающие поддержку подзащитного. Два студента Эдварда Неудалого организовали кампанию «Освободите Винки», которую поддерживали учащиеся и других университетов. Вскоре их разноцветные вывески и транспаранты численно превзошли плакаты сил, настроенных против Винки и собравшихся у здания суда. И все же, несмотря на то что суд уже завершился, приговор был более чем неясен.

Заключительная речь обвинения была краткой и эффектной:

— Дамы и господа, присяжные заседатели, ваш долг ясен, и ваш выбор прост. Ведь то, что сегодня находится на чаше весов, не иначе, как Американский Образ Жизни. — Он поднял глаза в потолок, видимо сдерживая слезы. Многие из репортеров были заметно тронуты. Одной рукой они держали диктофоны, а другой касались своих глаз. — Поэтому, — продолжил наконец прокурор, — я говорю вам сейчас: если есть

вероятность — хотя бы малейшая вероятность — того, что подзащитный виновен хотя бы в одном из этих страшных преступлений, вы должны осудить его. Ведь поступив так, вы наверняка спасете жизни. Спасибо.

Из места, где находилась скамья присяжных, донеслось тихое хныканье.

— А вдруг он виновен в других преступлениях! — выкрикнул кто-то из отдаленной части зала. Это был главный следователь, который больше не мог сдержать себя после стольких месяцев молчания. — Преступлениях, о которых даже не слышали! Еще более страшных преступлениях, чем те, в которых он сейчас обвиняется! Преступлениях, которые совершил несметное количество раз! — Два пристава потащили его к выходу. — Неужели вы все будете просто стоять, ничего не делая? Вы сможете жить с этим потом? Вы сможете посмотреть в глаза своим детям? — Когда его резким движением протолкнули через дверной проход, следователь увидел, как судья нахмурился и погрозил ему указательным пальцем, сдержанно предупреждая его. — Вы и ваши проклятые факсы! — закричал агент ФБР, когда двойные двери как раз закрывались. — Если вам все равно, то Сатана-карлик освободится!

Судья потер лоб и попытался успокоиться.

— Что он подразумевал под «факсами»? — мысленно потренировался он в общении с воображаемым следователем. Он откашлялся и постарался напустить на себя строгий вид.

— Мистер Неудалый? Ваша заключительная речь. Пожалуйста!

— Ваша честь, по, гм, очевидным причинам я настаиваю на том, что по этому процессу присяжные не вынесли единогласного решения.

Судья прикоснулся к ушам, будто почувствовал там боль.

— О, только не это опять. Мистер Неудалый, присяжные даже не услышали того, что вы сказали.

При этих словах защитник изумленно забормотал.

— Ах, хорошо, я все устрою. — Судья повернулся лицом к занавесу и быстро и монотонно проговорил: — Присяжные-пожалуйста-не-обращайте-внимания-на-неудачный-всплеск-эмоций-исходящий-от-этого-должностного-лица-правоприменяющего-органа-это-не-внесли-в-протокол-спасибо. — Он вздохнул и повернулся к Неудалому. — Продолжайте.

У адвоката всегда были проблемы с заключительной речью. На самом деле, как он признался Винки в то самое утро, ничто другое в мире не заставляло его так нервничать, и его последние успехи на этом суде ничего не меняли. Его нынешний страх был больше, чем обычно. Он несколько раз глубоко вздохнул. Снова наступил решающий момент, и, хотя он пытался опять и опять, никак не мог успокоиться.

— Дамы и, гм, господа при, при, при, при, — сказал Неудалый. — Это, это, это, это — это не — это дело не, не, не. — Он начал шелестеть своими записями. — Мой подзащитный, мистер Винки, он, он, он, он, он, он, он, он...

Франсуаз и Марианна уставились на свои туфли. Винки наблюдал за тем, как все тело Неудалого движется то в одну сторону, то в другую, когда он заикался.

— Когда, когда, когда — если, если, если — конечно, конечно, конечно... — И хотя медведь знал, что на кону было его будущее, он не мог удержаться от того, чтобы не чувствовать, что эти слова имели редкий смысл, что адвокат говорил о нем правду, и никакие другие слова не передали бы ее с такой точностью. Эти слова не надо было расшифровывать или переводить; они были такими же простыми и прямолинейными, как пение птицы. — Мы собрались сегодня здесь, мы здесь, мы, мы... — Медведь наклонился вперед, будто к птице на кусте, что издавала трели. Он не хотел пропустить ни ноты...

Остальная часть зала, однако, волновалась все больше. Многие бы назвали заключительную речь на процессе Винки одним из самых тяжелых подвигов в истории юриспруденции. По прошествии более чем двадцати минут Неудалому наконец удалось выговорить полное предложение.

— Мой, мой, мой подзащитный, конечно, тогда, конечно, конечно, тогда, гм, гм, невиновен — невиновен!

На этом судья ударил молотком и быстро проговорил:

— Спасибо, советник.

Неудалый вздрогнул, как в кошмарном сне.

— Что?

— Спасибо, — решительно повторил судья. Он оглядел зал, который смотрел на него с благодарным облегчением. — Хорошо, тогда, если больше ничего нет, мы перейдем к окончательным распоряжениям для присяжных.

— Нет, но я, я...

Бум!

4.

Полицейский фургон остановился, и двери раскрылись: солнце, лампы-вспышки, стена тел, вопящих за барьером. «Освободите Винки!» — кричали одни. «Убить Винки!» — кричали другие.

Присяжные совещались больше двух недель. Медведя вели мимо камер и толпы вверх по слишком ярким ступеням, по затемненному коридору в приемную без окон, где всегда приходилось ждать судью.

Маленькая комната была овальной без каких-либо еще признаков — белые стены, стол «Формайка», металлические стулья с виниловыми подушками. Здесь было необыкновенно тихо, и ни помощник Уолтер, ни агенты Майк и Мэри Сью, ни приставы не произносили ни слова. Даже Чарльз Неудалый сидел в полной тишине, грызя ногти. Спертый воздух не был ни теплым, ни прохладным. Кандалы врезались Винки в лодыжки, но он и не думал пошевелить ими. Он смотрел прямо перед собой. Он не знал, сколько времени прошло до момента, когда судья и присяжные были готовы.

Он старался думать о хорошем. Он не знал, что его жизнь превратится в такое — поиск надежды. Давным-давно, в тот судьбоносный день, когда родилась Малышка Винки, медведю казалось, что он навсегда обрел надежду. Теперь же, казалось, он навсегда обречен лишь на поиск.

Один из охранников откашлялся, и в комнатке-чистилище снова стало тихо. И тогда Винки увидел, что надежда мерцает перед его глазами, как большая блестящая монета, вращающаяся в пустом овальном пространстве между стен, — монета-привидение, поворачивающаяся медленно, исчезающая и появляющаяся в воздухе в нескольких сантиметрах от его глаз. Если она поворачивалась боком, ты не видел ее; или ты видел лишь половинку ее, или четверть, или совсем чуть-чуть, как видишь серп луны, или лишь на мгновение ее всю, круглую и золотую. И неподвижный воздух, в котором вращалась эта монета-привидение, был осязаем, как туман; в этих частичках пряталась или показывалась надежда, поворачиваясь, мерцая; и казалось, что этот светящийся, неуловимый образ делал воздух воздухом, комнату комнатой, мгновение мгновением. Винки наблюдал, как во сне. Должно было существовать правило, и в данном случае правило было таково, что нельзя протянуть руку и прикоснуться к надежде, что парила перед тобой, нельзя, как нельзя было отянуться Лоту. Нет, у медведя не было выбора. Надежда вращалась. Винки наблюдал за ней. Она показывалась между частицами настоящего или пряталась. Он просто наблюдал.

— Дамы и господа присяжные заседатели, в деле общественного обвинения против Винки вынесли ли вы приговор?

Даже сам вопрос, казалось, на мгновение повис в воздухе. Винки смотрел на голубой занавес, слегка качающийся от сквозняка.

— Нет, ваша честь.

Медведь удивленно втянул подбородок, и зал начал неистово шуметь. Судья ударял молотком до тех пор, пока тишина не восстановилась.

— Следует ли мне понимать, что вы зашли в полный тупик?

— Да, ваша честь. — Голос мог сойти как за мужской, так и за женский, Винки не разобрался. — Нам не удалось вынести приговор.

Судья выглядел раздраженным.

— По всем девяти тысячам шестистам семидесяти восьми пунктам обвинения?

Быстро зашуршали бумаги.

— Девять тысяч шестьсот семьдесят восемь. Да.

Судья вздохнул.

— Да будет так! — Бум! Бум!

Молоток стучал со своей обычной категоричностью, будто судьба медведя никогда не решится. Из зала выбежал молодой репортер с воплем: «Присяжных на виселицу!» Все одновременно заговорили. Винки все пытался понять, что случилось, когда Неудалый поднял его с кресла.

— Мы сделали это! — кричал он, крепко обнимая медведя. — Я, я, я не могу в это поверить! Поздравляю, мистер Винки!

Медведь почувствовал, как на его макушку плюхнулись слезы радости адвоката. Он не решался спросить, но ему необходимо было знать наверняка.

— Я... свободен?

Неудалый отпрянул.

— Гм, не совсем... — Он смущенно засмеялся и посадил медведя на место. — Но, но, но... ну... ну...

Винки повернулся к толпе, чтобы отыскать Франсуаз и Марианну, но они выглядели так же смущенно, как и он. Франсуаз помахала медведю рукой и попыталась улыбнуться. Остальные же насмеялись над ним; возможно, так они будут делать и дальше.

— Порядок! — как обычно, закричал судья. Бум! Бум! Бум! — Господин прокурор, будет ли общественное обвинение добиваться нового процесса?

Винки тревожно наострил уши. Он принялся тянуть Неудалого за рукав, но адвокат пожимал кому-то руку и не обращал на происходящее никакого внимания. Зал понемногу затих, и судья повторил свой вопрос.

— Мы совершенно непременно будем настаивать на новом процессе! — раздался оглушительный ответ прокурора. — И мы требуем, чтобы подзащитный оставался под стражей, без права освобождения под залог!

Винки — революционер семейной жизни, и самих законов природы, и повествования — еще не был свободен. Медведь вздохнул, Неудалый начал заикаться, пытаясь выразить протест, и спор начался заново.

Мишка знакомится с миром

Винки бродил по огромной базарной площади, осматривая необычные достопримечательности: верблюдов, лимузины, повозки, запряженные ослами, в которых стояла выдавшая виды мебель, корзины пряностей, ведра кассетной пленки, женщин, несущих на своих покрытых головах огромные подносы свежесыпеченного лаваша. В такой суете и разнообразии никто даже не замечал — всем было все равно, — что Винки не человека, а плюшевый мишка.

И это было замечательно, потому что он не должен был здесь находиться. Несмотря на то что его в итоге выпустили под залог, который комитет «Освободите Винки» охотно оплатил, Винки было не позволено покидать пределы США. В Каир его привезла Франсуаз в своем ручном багаже. Она приехала сюда в гости к матери, у которой случился легкий инсульт.

На Винки надели восточный халат небесно-голубого цвета, а между ушей у него красовалась коричнево-малиновая феска. Хотя Франсуаз проводила каждое утро в больнице с матерью, днем она была свободна и теперь шла рядом с медведем, набросив шаль, украшенную цветочным узором, оживленно болтая и резко махая своими длинными смуглыми руками.

— Это всего лишь уловка для туристов, — сказала она. Она говорила о еженедельном представлении кружащихся дервишей в старом мавзолее. — Все это абсолютно, абсолютно не настоящее.

Винки нравилось, как Франсуаз произносила «а» в слове «абсолютно», здесь ее акцент усилился; но, несмотря на то что она сказала, он с нетерпением ждал выступления дервишей сегодня вечером. По сути, он почувствовал облегчение от того, что ему не надо было ожидать чего-то подлинного. Он поднял свои матерчатые лапы, желая сказать «будь что будет».

— Чем фальшивее, тем лучше, — сказал он.

Медведь тут же испугался, что обидел ее, но Франсуаз громко рассмеялась.

— Тогда я тоже должна посмотреть на них! — ответила она. Кажется, их дружба становилась все крепче и крепче.

В высоких окнах Хан эль-Халили блестели сотни бутылочек с духами, самых замысловатых форм и переливающихся всеми цветами радуги, с позолоченными или посеребренными краями. Они были крошечными, словно кукольные вазы, а их крышечки по форме напоминали минареты. Голубые с темным аллее извивались и пересекались в лабиринте, уступая место лавкам, где продавали золото, серебро, деревянные мозаики. Каждая из лавок была забита товарами до потолка — украшения, коврики и другие плетеные вещицы, шахматные наборы и обелиски из камня. Приближался вечер. Винки услышал, как из высоко висящего мегафона раздался пронзительный зов на молитву, заунывный и слишком громкий.

Вот он и здесь. Теперь для него было чудом и неожиданностью находиться за пределами тюрьмы. Но находиться в этом шумном городе, полном сюрпризов месте, прелестям которого у него даже не хватало способности удивляться, — это подарок судьбы, само по себе еще одно маленькое чудо. Повсюду были люди. Базарная площадь не кончалась. Они с Франсуаз проходили мимо струящихся тканей, клетчатых рубашек на вешалках и поношенных, красиво вышитых джинсов, затем прилавков, заставленных старыми радиоприемниками, стереоколонками, зелеными, цвета авокадо, телефонами «Принцесса». Мимо проплыла стройная женщина, с головы до ног закутанная в белое, на голове она не-

сла самый крупный и зеленый салат, который медведь когда-либо видел. И в этот момент получилось так, что он посмотрел направо и в открытой двери увидел сотни мужчин в белых и голубых халатах, точно таких же, какой был надет на нем. Замысловатые напевы молитв, разливающиеся по тишине. Винки на мгновение остановился, тихо держа руку Франсуаз; затем двое пошли дальше.

— Красивый вид, — прошептала Франсуаз, — но мулла этой самой мечети — ярый фундаменталист.

Вскоре маршрутом, который Винки никогда не смог бы повторить, они пришли на рынок пряностей. Когда Франсуаз начала спорить на арабском языке с дородным торговцем, старый медведь встал на цыпочки, вдыхая аромат пирамиды из оранжевого порошка, которая была выше него. Этот запах ему еще не доводилось чувствовать, — темный, древесный и резкий. Поскольку он был для медведя совершенно новым, то не вызывал никаких воспоминаний, и несмотря на это, аромат заставил его думать о Малышке Винки. Ведь он был таким свежим и таким неповторимым... Он снова вдохнул запах оранжевой остроты, и в нем проснулись силы для новых впечатлений и, следовательно, новых воспоминаний.

Винки думал, что начиная с этого момента, когда бы он ни вдыхал именно этот аромат снова — изысканную шаровую молнию в носу, — в его памяти будет всплывать именно это мгновение, когда он вспомнил своего ребенка, мгновение, которое он, конечно же, в любом случае потеряет, как все остальные мгновения. Глядя теперь на другую цветную пирамиду, не обращая никакого внимания на крики Франсуаз в сторону продавца пряностей в чалме, Винки задумался о всех тех ступенях, пройденных по своей и не по своей воле, что привели его в это место в это время, — все, чему он научился, все, кого он любил, — и тут же почувствовал, что находится в мире со своей тоской по прошлому. Сегодня Франсуаз напомнила ему, что ему не обязательно возвращаться в Америку и проходить через суд, если ему того не хотелось, и медведь позволил себе насладиться, лишь на время, тем, что он еще не решил, что делать дальше.

Ты просто должен сообщить всем, что ты есть

Франсуаз и торговец пришли к согласию, деньги были обменены на товар, и они с Винки ушли с рынка, неся в руках несколько маленьких, ароматно пахнущих свертков из пестро-серой бумаги. Проходя мимо осыпающихся зданий бледно-цветочного цвета, Франсуаз и Винки оказались на еще одной оживленной улице. Мимо проносились такси, легковые и грузовые машины. Едучи в такси из аэропорта, Винки заметил, что в городе не было видно ни одного дорожного знака, но если они и попадались, то были сломаны, на что никто не обращал внимания, а может, их игнорировали бы в любом случае. Они стояли у бордюра в нерешительности. Мимо пролетали побитые фургоны, битком набитые пассажирами, и стройные темнокожие юноши, высунувшиеся из окна, смеялись и показывали пальцем на небольшую группу туристов из Европы, которые, как Винки, боялись перейти улицу.

— Ты просто должен сообщить всем, что ты есть, — сказала Франсуаз. И пока Винки наблюдал за ней, она прошептала молитву, поставила ногу на пыльный тротуар и просто направилась в самое пекло. Наступило незначительное затишье, и вот уже вокруг нее замедляли ход, останавливались или проезжали мимо автомобили, фургоны и мотоциклы. Никто даже не стал сигналить. Франсуаз улыбалась и кричала медведю с противоположной стороны улицы:

— Не так медленно, не так быстро. Вот так.

Жестами она выражала уверенность, которую только что продемонстрировала — голова, наклоненная особым образом, расслабленные, но при этом уверенные руки.

И тогда Винки тоже поставил свою грубо зашитую ногу на дорогу и направился к ее противоположной стороне, без каких-либо происшествий. С тех пор, когда бы он этого ни делал, это было маленькое захватывающее проявление веры; а замедляющие ход и уступающие ему дорогу машины, грузовики и особенно бесчисленные побитые маленькие такси разыгрывали перед ним сцену еще одного чуда. Эти бесконечные машины казались безжалостными, они не думали ни о чем и ни о ком, кроме своего пункта назначения, и все же они каким-то образом уступали ему, медвежонку, дорогу, и, каждый раз пересекая ее, Винки чувствовал себя так, будто переходит вброд бурлящий поток жизни и парадокса.

Выражаю признательность

Я благодарен своему редактору, Лорен Вейн, за ее выдающееся чутье к организации текста и его нюансов и ее нерушимую веру в эту книгу; своему агенту, Марии Мэсси, за ее спокойное, профессиональное руководство и давнюю поддержку; Габриель Глэнси, Вейну Костенбауму, Роберту Маршаллу и Лизе Козн за их предложения, полные вдохновения, и глубокое понимание написанного как следствие многочисленного прочтения. Также благодарю Дэвида Ракофф, Кевина Бентли, Брайана Кайтли, Кэтрин Кадлик, Кэрол Чейс, Хелен Чейс, Нозль Хэннон, Барбару Файнберг, Брюса Рэмзи, Эрин Хейз, Мэгги Миэн, Мишель Мемран, Бернарда Купера, Фредерика Тутена и Ральфа Сассона за их мудрые комментарии ко всей рукописи или ее частям. За помощь в исследованиях и за полезные беседы я признателен Майку и Джин Кадлик, Шэрон Новикас, Энн Рорк, Кэтрин Дикман, Дэвиду Гейтсу и Этель Эднан.

Особая благодарность Кристоферу Лионе за художественную постановку и мастерство владения программой «Photoshop», которую он проявил, создавая образ Винки в «Египте»; Джону Куреку за фон их пирамид и его советы касательно всех остальных иллюстраций; Рут Чейс за то, что держала Винки у розы. Я также выражаю признательность Таи Дэнг, Дэвиду Гэвзи и Барри Говарду из «Ньюсвик» за обработку, печать и сканирование; «Американ Медикл Имиджинг» в Бруклине за то, что сделали рентгеновский снимок Винки; и Гретчен Мергентхалер за дизайн обложки.

Спасибо Брайану Кайтли за приглашение прочитать лекцию в Университете Дэнвера в решающий для меня момент; Центру «Блю Маунтин» и Нью-Йоркскому фонду за их поддержку во время моей работы над этой книгой; Полу Лизики и Альдо Альваресу из «Блайт Хаус Квотерли» и Робина Липпикотта из «Бананафиш» за раннюю публикацию некоторых глав настоящей книги (в несколько другой форме).

Клиффорд Чейз Винки

Выпускающий редактор *Л.В. Чурилова*
Редактор *А.Ю. Романова*
Корректоры *Ю.П. Баклакова, И.С. Румянцева*
Технические редакторы *Т.Б. Егорова, С.В. Камышова*
Дизайнер *Д.И. Минеев*
Компьютерная верстка *Ю. Сарвина*

ООО «Торговый дом «Издательство Мир книги»,
Адрес: 111024, г. Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6

Отдел реализации:
Телефон: (495) 974-29-76, 974-29-75. Факс: (495) 742-85-79
E-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 20.11.2006 г.
Формат издания 60х90/16. Печать офсетная. Гарнитура FrizQuadrata.
Печ. л. 15,0. Тираж 7000 экз. Заказ № 0623000.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

F S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT
D 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00

F S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT
D 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00

F S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT
D 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00

F S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT
D 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00

F S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT SHERIFF'S DEPARTMENT
D 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00 APD 11 30 00

